Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 37

Нижний Новгород

2017

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 37. – Н. Новгород: НГЛУ, 2017. – 177 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор
Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:
М.А. Викулина *(зам. главного редактора)*, Е.Г. Ножевникова *(отв. секретарь)*, М.К. Бронич, В.М. Бухаров, М.А. Грачев, Е.С. Гриценко, Е.Н. Дмитриева, В.Г. Зусман, В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин (Москва), М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов, М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.В. Плисов, Е.Р. Поршнева, Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, В.М. Строгецкий, С.В. Устинкин, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2017

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 37

Nizhny Novgorod

2017

Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 37. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2017. – 177 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief
B. Zhigalev

Editorial Board:

M. Vikulina *(Deputy Editor-in-Chief)*, E. Nozhevnikova *(Executive Secretary)*, M. Bronich, V. Bukharov, M. Grachev, E. Gritsenko, E. Dmitryeva, V. Zusman, V. Karasik (Volgograd), Z. Kirnoze, L. Krysin (Moscow), M. Lebedeva (Moscow), L. Lvov, M. Nikola (Moscow), O. Oberemko, E. Plisov, E. Porshneva, E. Savrutskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov, V. Strogetsky, S. Ustinkin,
D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

А.Г. Анисимова, М.И. Павлюк *(Москва)*
Зависимость выбора переводческого эквивалента от способа образования и функционирования темина …….. 11

А.С. Банков, Л.Л. Банкова *(Нижний Новгород)*
Китайские ключи и графемы: в чем различие? …..…… 25

Т.А. Бутенко *(Нижний Новгород)*
К вопросу о синсемантичности единиц разных языковых уровней …….……... 33

Е.В. Маринова *(Нижний Новгород)*
Исследование полифункциональных иноязычных слов на базе электронно-поисковой системы «Integrum» …… 43

К.А. Мележик *(Симферополь)*
Культурно-специфические реалии в онлайн-коммуникации студентов на предметно-ориентированном лингва франка ..……..……..... 52

С.Ю. Павлина *(Нижний Новгород)*
Вариативность фразеологизмов и их модификации в англоязычном политическом дискурсе ..…… 63

Н.Н. Прокопьева *(Нижний Новгород)*
Внутренняя форма немецких фразеологизмов со значением интенсивности действия ……. 72

Е.С. Савина *(Москва)*
Стилистическое функционирование юридической лексики в художественном тексте (на примере романа М. Пруста «В поисках утраченного времени») ……. 80

Е.В. Сергеева, А.М. Четырина *(Санкт-Петербург)*
Религиозный православный дискурс: языковые особенности жанра проповеди (на материале газеты «Казанский собор») … 89

А.Ю. Трусова, С.В. Птушко *(Нижний Новгород)*
К вопросу о некоторых лингвистических средствах выражения концепта “weather” в современном английском языке ……. 100

Ван Цзинхуэй *(Москва)*
Структура отфразеологического словообразовательного гнезда в современном русском языке ……. 110

Р.М. Шамилов *(Нижний Новгород)*
Специальный текст и стратегия переадресации ……. 118

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

М.И. Баранова *(Нижний Новгород)*
Система повествователей в романе Роландо Инохосы «Клейл-Сити» …….…….……..…… 132

А.В. Карпова *(Нижний Новгород)*
Традиции исторического романа в жанре альтернативной истории ……..…….…… 142

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

М.В. Золотова, О.А. Демина *(Нижний Новгород)*
Специфика курсов английского языка для специальных целей и обучение иноязычной профессиональной коммуникации ……..……..…...……..... 148

Т.А. Колосова, Т.В. Сухарева *(Нижний Новгород)*
Лексика педагогического общения как компонент формирования профессиональной компетенции студентов (направление подготовки «Педагогическое образование», уровень бакалавриата) ...…..……..…….……. 155

РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Лобановская *(Нижний Новгород)*
Новое в когнитивной грамматике. Рецензия на монографию: Егорова О.М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы / Науч. ред. Н.А. Голубева. Н. Новгород: НГЛУ, 2016. 189 с. ..……..…… 164

ХРОНИКА

Международная научная конференция «XLI Добролюбовские чтения “Экология культуры – экология нравственности”» 170

Заседание Нижегородского представительства Общества немецкого языка: Роза Эбдинг о карнавальных традициях Южной Германии 175

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

Alexandra Anisimova, Marina Pavlyuk *(Moscow)*
Selecting Equivalents in Translation Based on Terms' Formation and Function ……..... 11

Andrey Bankov, Liudmila Bankova *(Nizhny Novgorod)*
Graphemes *vs.* Radicals in Chinese: What Is the Difference? ….. 25

Tatiana Butenko *(Nizhny Novgorod)*
Synsemantism of Units of Different Language Levels …….. 33

Elena Marinova *(Nizhny Novgorod)*
Studying Multifunctional Loan Words with the Help of the *Integrum* Electronic Search System ……..……..……..... 43

Karina Melezhik *(Simferopol)*
Culture-Specific Realia in English-Speaking Online Communication of Russian Students …… 52

Svetlana Pavlina *(Nizhny Novgorod)*
Variations and Modifications of Idioms in British and American Political Discourse …….…….. 63

Nadezhda Prokopyeva *(Nizhny Novgorod)*
The Image Component of German Phraseological Units with the Meaning of Intensity of Action ……...…….. 72

Elena Savina *(Moscow)*
Stylistic Functions of Legal Vocabulary in Fiction (*In Search of Lost Time* by Marcel Proust) …… 80

Elena Sergeeva, Anna Chetyrina *(St. Petersburg)*
The Religious Discourse of Russian Orthodox Christianity: Typical Linguistic Properties of a Sermon (based on the material of the newspaper *The Kazan Cathedral*) …… 89

Anna Trusova, Svetlana Ptushko *(Nizhny Novgorod)*
The Linguistic Means of Expressing The Concept "Weather" in the Modern English Language ……. 100

Wang Jinghui *(Moscow)*
The Structure of Families of Derivatives, Formed from Phraseological Units, in the Modern Russian Language …….. 110

Raviddin Shamilov *(Nizhny Novgorod)*
A Specialised Text and the Readdressing Translation Strategy … 118

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

Maria Baranova *(Nizhny Novgorod)*
The System of Narrative in Rolando Hinojosa's *Klail City* …….. 132

Alina Karpova *(Nizhny Novgorod)*
The Tradition of the Historical Novel in the Alternative History Genre …… 142

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

Marina Zolotova, Olga Demina *(Nizhny Novgorod)*
Peculiarities of English for Specific Purposes in Teaching Communication ….……. 148

Tatiana Kolosova, Tatiana Sukhareva *(Nizhny Novgorod)*
Building up Pofessional Competence of Students Majoring in ELT through Teaching Classroom English …….. 155

REVIEWS

E.V. Lobanovskaya *(Nizhny Novgorod)*
Advances in Cognitive Grammar: A review of the monograph by O. M. Yegorova, *German Modal Verbs as Precedent Grammar Units* / N.A. Golubeva, ed. N. Novgorod: LUNN, 2016. 189 p. … 164

CHRONICLE

International Research Conference *XLI Dobrolubov Readings: The Ecology of Culture, the Ecology of Morality* ……..……. 170

The Meeting of the Nizhny Novgorod Chapter of the Association for the German Language: Rose Ebding on Carnival Traditions of Southern Germany ……..... 175

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.111'373.46:811.111'25

ЗАВИСИМОСТЬ ВЫБОРА ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ЭКВИВАЛЕНТА ОТ СПОСОБА ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРМИНА

А.Г. Анисимова, М.И. Павлюк

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва

Статья посвящена проблеме перевода терминов гуманитарных наук и прямой зависимости выбора эквивалента перевода от способа образования термина и его функционирования. В гуманитарных областях знания лексико-семантический способ образования терминов является одним из основных, что делает большинство терминов консубстанциональными. Материалом исследования послужили современные англо-русские и англо-английские терминологические словари разных областей гуманитарного знания (политика, право, история). При проведении исследования авторы использовали методы, которые позволили представить изучаемый лингвистический материал в единстве общего и отдельного, выявить определенные закономерности переводческих процессов и разработать некоторые рекомендации по улучшению качества перевода. Авторы описывают процессы терминологизации и детерминологизации в разных терминологических системах гуманитарных областей знания и анализируют способы и приемы перевода при выборе эквивалента термина.

Ключевые слова: семантическая деривация, консубстанциональный термин, терминологизация / детерминологизация, диахронический подход, коннотация, моносемантический / полисемантический термин.

Selecting Equivalents in Translation Based on Terms' Formation and Function

Alexandra Anisimova, Marina Pavlyuk

The article focuses on translating terms in the Humanities and the direct dependence of selecting translation equivalents on how these terms were formed and how they function. In the Humanities, one of the primary ways of coining new words is lexical-semantic, which makes the majority of terms consubstantial. The present research is based on a number of contemporary English-Russian and Russian-English terminological dictionaries in various fields of the Humanities (politics, law, history), and the linguistic material is presented as a unity of the general and the individual in order to reveal specific and recurrent features of the translation process and to work out certain norms for improving the quality of translation. The authors also describe the processes of terminologization and determinologization in the terminological systems of different fields of the Humanities and study various ways and methods of translation and selection of translation equivalents.

Key words: semantic derivation, consubstantial term, terminologization / determinologization, diachronic approach, connotation, monosemantic / polysemantic term.

Разграничение между научным и бытовым толкованием понятия и слова принципиально важно в изучении терминологий, в особенности терминологий гуманитарных наук. В разных теоретических исследованиях, посвященных сущности слова, есть положение о «ближайшем» и «дальнейшем» значениях слова. На основе этого учения современной терминологической наукой было сформулировано положение о реализации в таких случаях разного типа информации в зависимости от соотнесения слова с обиходным или научным понятием [1; 2; 3; 4; 5].

В новейших исследованиях [2; 3; 6; 7], посвященных системному характеру языка, все чаще подчеркивается необходимость диахронического исследования всякой системы, иначе говоря, необходимо рассматривать системность терминологии и ее развитие, ее динамику, не противопоставляя эти свойства друг другу как взаимоисключающие явления, напротив, методологически правильным является рассмотрение терминоэлемента и его связей со всей системой терминов в их историческом развитии.

Семантическая вариативность, или, согласно другой классификации, семантическая деривация, является характерным свойством терминологий гуманитарных наук. В отдельные временные периоды, в разных национальных сообществах, а также в границах отдельных научных течений строго заданные слова-понятия могут иметь некоторые изменения семантики (приращение значений, изменение сочетаемостных характеристик), особенно в связи с быстрым развитием научно-технического знания, культуры, межъязыковой коммуникации. Изменения в семантике термина напрямую зависят от ряда причин, как экстралингвистических, так и собственно лингвистических [2; 3; 4: 7].

К лингвистическим причинам целесообразно было бы отнести, например, способ образования самого термина. Так, перевод терминов в определенной степени зависит от способа образования термина. В качестве примера будет уместно привести терминологию дипломатии, где свыше 85 % терминов являются заимствованиями, причем примерно 30 % из них составляют термины, которые вошли в английский язык более 450 лет тому назад, но остались практически

неизмененными, т. е. не подверглись процессу ассимиляции. Таким образом, для процесса ассимиляции (и, следовательно, для выбора способа перевода того или иного термина) временной фактор не является решающим. Решающим, в нашем случае, становится способ образования термина, путь, которым он входит в ту или иную терминосистему.

Так, например, в политической терминологии процент консубстанциональных терминов превышает 95 %. Для данной терминосистемы также характерен процесс терминообразования с помощью метафоры: либо по выделению внешнего сходства, либо по сходству функций, например:

a lame duck – a person, business, etc. that is experiencing difficulties and needs to be helped [8. P. 677].

В результате метафоризации по внешнему сходству появились термины:

a lame duck president – президент, полномочия которого скоро истекают;

a lame duck candidate – провалившийся на выборах кандидат;

a lame duck country – страна, утратившая былое влияние;

a lame duck congressman – член конгресса, не избранный на новый срок, но еще имеющий право работать в конгрессе до конца сессии [9. С. 334].

Вышеприведенные примеры показывают, как метафоризация приводит к образованию новых терминов. Этот способ очень продуктивен для политической терминологии. Так, например:

a carpet beggar – someone who tries to become active in the political life of another area for their own advantage [8. P. 192];

a carpet beggar – политический авантюрист, ловкач, проходимец [9. С. 104].

Рассмотрим еще один пример и сравним дефиницию толкового словаря с дефиницией-переводом политического терминологического словаря:

I. ***a blockbuster*** – a book or film that is very good or successful [8. P. 126];

II. ***a blockbuster*** – 1. потрясающий успех; 2. делец – скупщик недвижимости [9. С. 93].

На вышеприведенном примере целесообразно рассмотреть весь процесс перехода слова из общелитературного языка, его

терминологизацию посредством метафоры, изменение значения, а затем превращение его в собственно термин. Общелитературное значение лишь частично (метафора – результат) вошло в семантику термина, а именно сема *успех*. Дальнейшее развитие термина можно восстановить. Так, в Америке в 30–40-е годы XX в. наиболее успешными и богатыми людьми были торговцы недвижимостью и, по всей видимости, тогда термин *blockbuster* означал «преуспевающий торговец недвижимостью». В настоящее время данный термин стал полисемантическим, имеющим две семы в своем значении: *успех* и *скупщик недвижимости*.

Таким образом, следует, что первоначальное общелитературное значение является ведущим. Большинство политических терминов существует в общелитературном языке, а когда они становятся собственно терминами, их дефиниции уточняются и детализируются; объем значения термина сужается по сравнению с семантическим объемом слова общелитературного языка.

Изменение объема значения (расширение или сужение и уточнение) – лексические процессы, характерные для любой терминосистемы.

Процесс изменения объема значения термина может основываться на целом ряде принципов, одним из которых является традиционный, или исторический, принцип. Термины, относящиеся к другой исторической эпохе или культуре, переносятся в современность. Так, термин ***сенат*** в Древнем Риме означал высший орган власти – государственный совет. В царской России с 1711 г. по 1917 г. – высшее законодательное и судебно-административное учреждение. В настоящее время *сенат* – это верхняя законодательная палата парламента в ряде стран (США, Франция, Австралия и др.) [10. С. 541].

Налицо сужение объема значения термина, который раньше обозначал высший орган власти полностью; в России объем его значения был расширен: не только высший законодательный, но и судебно-административный орган. В настоящее время значение термина сузилось, он обозначает теперь высшую (но меньшую, часть от целого) законодательную палату парламента.

Другим примером может быть термин ***tribunal***: a court of justice set up to deal with a particular kind of problems [8. P. 499].

Термин *tribunal* произошел от *tribune*, который использовался в Древнем Риме для обозначения «должностного лица, избранного народом для защиты интересов и прав плебеев от посягательств патрициев» [10. С. 189].

Позже появилось еще одно значение термина *tribune* – трибун – общественный деятель, выдающийся оратор и публицист [9. С. 982].

Одним из путей образования терминов может быть путь трансформации имени собственного в нарицательное существительное с последующим терминированием.

Так, политический термин *бойкот* пришел в русский язык из английского (*boycott*). В 1880 г. ирландские арендаторы впервые применили эту меру в отношении управляющего имением англичанина Ч.К. Бойкота.

Сравним объемы значений этих терминов в русском и английском языках:

Бойкот (от англ. *boycott*)

1) способ политической и экономической борьбы, состоящий в полном или частичном прекращении отношений с отдельным лицом, организацией, государством, в отказе от участия в каких-либо мероприятиях; эту меру применили в 1880 г. ирландские арендаторы в отношении управляющего имением – англичанина Ч.К. Бойкота;

2) прекращение отношений с кем-либо в знак протеста.

Таким образом, имя собственное *Boycott* трансформировалось в имя нарицательное, а затем в термин. Интересно отметить, что значение этого термина, а именно переносное, закрепилось в общелитературном языке.

Следует отметить, что и в английском языке употребление этого термина четко ограничено политической терминосистемой:

boycott – the organized shunning of an individual, event, or business in protest at the politics they represent [11. P. 58].

В переносном значении *boycott* широко употребляется в общелитературном языке:

boycott (v) – to refuse to buy something, or to take part in something as a way of protesting: We boycott all products tested on animals.

boycott (n) – an act of boycotting something, or a period of time when it is boycotted: boycott on South African fruit in the 70-s [8. P. 147].

Однако существует ряд терминов, которые были заимствованы из общелитературного языка, но с течением времени полностью

переосмыслились, приобрели совершенно новое значение, став «полноправными» терминами, которые входят в «картину мира» профессионалов. При этом большая часть заимствований семантически детализируется и уточняется, а меньшая либо используется метафорически, либо меняет свое значение. Изменение значения термина (в сопоставлении со значением общелитературного слова) – процесс, который характерен для всех терминосистем гуманитарных наук. Так, в политической терминологии примерами могут послужить следующие термины:

a hard hawk – ярый реакционер;

a spinning doctor – теневой организатор переговоров;

a fat cat – «денежный мешок»; человек, щедро поддерживающий избирательную кампанию;

coat tails – связи в верхах;

orchestration – организованная пропаганда (политического характера);

slush fund – фонд на подкуп избирателей;

a zipgun – оружие кустарного производства;

to work the stem – просить милостыню на улице;

uttering – введение в оборот подделанного документа [11; 12; 13; 14].

Таким образом, вышеприведенные примеры показывают, что, хотя у большей части терминов общелитературное значение является ведущим, тем не менее, у некоторой части политических терминов с увеличением степени терминологизации наблюдается полное изменение значения.

Возникает вопрос: возможен ли обратный переход? При увеличении степени терминологизации общелитературное слово становится термином. А будет ли верным обратное утверждение, т. е. то, что при уменьшении степени терминологичности дефиниция термина с течением времени становится почти эквивалентной дефиниции общелитературного слова?

Исходя из того, что терминосистемы гуманитарных наук исследуются с точки зрения диахронии, в соответствии с общими законами развития, целесообразно рассмотреть проявление семантической деривации на примере одной терминологической системы, например политической. В основе политики, как известно, лежит переговорный процесс и, следовательно, непременным

условием его успеха является взаимопонимание сторон, которое в большой степени зависит от понимания и, следовательно, от адекватного перевода терминов, используемых в процессе переговоров.

Политическая терминология дает нам нескончаемый поток примеров детерминологизации вероятно потому, что политические термины наиболее часто используются средствами массовой информации и подхватываются непрофессионалами.

Анализ материала показал, что один из процессов семантической деривации, а именно детерминологизация, является разновидностью процесса образования фразеологических единиц, так как популяризация определенных терминологических понятий приводит к усвоению этих терминов широкими кругами общества. Например, юридический термин *law* входит в ряд устойчивых фразеологических единиц, таких как:

to give law – диктовать свою волю;

club law – право сильного;

t*o follow the law* – стать юристом;

to lay down the law – говорить безапелляционно [8].

Следует отметить, что среди многих терминосистем гуманитарных наук в основном юридическая и политическая терминология являются базовыми «поставщиками» устойчивых фразеологизмов. Так, например:

to go bail for smb. – ручаться за кого-либо;

to sit in judgement – критиковать свысока;

to make out one's case – доказывать свою правоту**;**

special pleading – односторонняя аргументация**;**

to be out of court – находиться в тупиковой ситуации;

to be in chancery – быть в безвыходном положении [3] (значение последнего фразеологизма связано с этимологией центрального, формообразующего термина – «находиться на рассмотрении Лорда-канцлера», т. е. подвергаться риску понести суровое наказание).

По-видимому, данное явление можно объяснить тем фактом, что политология и юриспруденция и, соответственно, термины, которыми они оперируют, являются частью жизни каждого человека. Отсюда их широкое использование обществом и устойчивые коллокации со словами общелитературного языка.

Следует отметить, что полисемантичность термина оказывает большое влияние на фразеологизацию, которая нередко сопровождается семантической корреляцией:

- расширением значения основной семы:

lady-killer – серийный убийца женщин; ловелас;

- сохранением коннотации и ассоциативной цепочки:

deadman – мертвый человек, пустая бутылка,

to do justice – отправлять правосудие; оценивать по достоинству;

- приращением новой семы:

to be at a kill – присутствовать при самом волнующем моменте,

dressed to kill – разодетый в пух и прах;

- фиксацией основной семы терминоэлемента в семантике фразеологизма:

to give law – предписывать закон, диктовать свою волю [8; 9].

От английского термина *knight***,** обозначающего титул, который присваивается за личные заслуги перед английской короной, образованы следующие фразеологизмы:

knight of the road – разбойник (сравните: рыцарь ножа и топора, разбойник с большой дороги);

knight of the fortune – рыцарь фортуны, авантюрист.

Высшей степенью детерминологизации является образование пословиц и поговорок, в основе которых находятся термины, как, например, *Justice's justice; friends are thieves of time; law-makers should not be law-breakers, etc.*

Исходя из вышеизложенного представляется возможным сделать следующий вывод: детерминологизация, т. е. процесс перехода термина или терминологического сочетания в общелитературный язык, зачастую сопровождается изменением (элиминацией, генерализацией) терминологической семы, развитием новых значений, изменением коннотативного оттенка значения. С точки зрения диахронии процессу детерминологизации подвергаются термины, выражающие основные понятия, составляющие ядро терминосистемы и, следовательно, функционирующие в языке значительно большее время, чем периферийные, что увеличивает степень их проникновения в общелитературный язык.

Следует обратить внимание еще на один подход к исследованию функционирования терминов; с точки зрения степени распространения термины делятся на универсальные, уникальные и авторские.

Универсальные термины подчеркивают общеязыковой характер стоящих за ними явлений, кроме того, интернациональные варианты удобны для образования различных производных.

Термины уникальные включают наименования, которые можно обнаружить в одном или нескольких языках. К этой группе целесообразно отнести термины, сложившиеся в научных традициях какой-либо страны или региона и за их пределами не распространенные. Исходя из вышеизложенного необходимо отметить, что под определение универсальных и уникальных попадают термины «отстоявшиеся», вошедшие в широкое пользование, хотя имеющие специфику в пределах разных концепций. Именно эти термины и должны быть включены в словари специальных терминологий.

Авторские термины вводятся определенным автором для определенной работы с целью определения конкретного понятия.

Для примера рассмотрим несколько политических терминов. Так, термин *long hot summer* зародился в негритянских гетто крупных городов Америки во второй трети XIX в.: *the climate in which inner city tensions boil over into riots*. Примерно через 100 лет (в 1960-е) этот термин «пересек» Атлантический океан и начал употребляться в Англии практически в том же значении: *violence on summer nights in Britan's inner cities and run-down housing estates* [15. P. 319].

Таким образом, мы, очевидно, становимся свидетелями начала процесса перехода термина из категории уникальных в универсальные.

Примером полного перехода термина из разряда уникальных в разряд универсальных может послужить термин *lynching*, который известен сейчас во всем мире:

lynching – to take hold of a person thought to be guilty of a crime and kill him, especially by hanging, without a legal trial [8].

Термин возник как уникальный в конце XVIII в. в США по имени печально известного капитана Уильяма Линча (*William Lynch*, 1742–1820).

William Lynch – a Virginia magistrate who on 22 September 1780 formed a band to clear "Pittsylvania County of unlawful and abandoned wretches". Спустя двести лет Мартин Лютер Кинг напишет: "It may be true that the law cannot make a man love me, but it can keep him from lynching me, and I think that's pretty important" [15. P. 274].

Термин *lynching* превратился из термина уникального (т. е. употребляемого только в одном регионе) в термин универсальный (в нашем случае – в термин интернациональный и интерлингвистический).

Процесс зарождения и развития терминов совершается в третьей группе терминов, названных «авторскими» терминами. Особая роль этих терминов в том, что они становятся как бы «визитной карточкой» той или иной концепции, исследовательской или творческой работы, публичного выступления.

Так, например, широко употребляемый теперь политический термин *genocide* вошел в английский язык после Второй мировой войны:

genocide – from genos, race (Greek) and Latin caedere, to kill – was invented by Professor Raphael Lemkin of Duke University for official documents of War Criminals in 1945 [14. P. 214].

Менее чем пятьдесят лет потребовалось термину, чтобы стать универсальным, что неудивительно в данном случае, если принять во внимание тот резонанс, который получил Нюрнбергский процесс во всем мире.

Кроме того, выделение универсальных критериев может считаться исчерпывающим, если оно выполнено при совмещении дедуктивного подхода к лингвистическому анализу, т. е. анализу того, что свойственно человеческому мышлению, с эмпирическим подходом, направленным на анализ языковых единиц с меньшим уровнем абстракции (например, терминов).

Как отмечают многие исследователи, к основным причинам, приводящим к ошибкам в переводе, относятся в числе прочих неумение подыскать русское значение для перевода английских слов и лексических сочетаний [7].

Как уже упоминалось, одной из особенностей перевода терминологии *ESP* (*English for Special Purposes*) является необходимость построения отсутствующих в родном языке эквивалентов иностранных терминов. Совершенно естественно, что вновь создавать термин переводчик имеет право лишь тогда, когда он твердо знает, что соответствующий эквивалент отсутствует, или в том случае, когда имеющийся термин не удовлетворяет основным требованиям и должен быть заменен.

К построению эквивалентов следует подходить с большой ответственностью, так как термин, созданный переводчиком и употребленный в тексте перевода на родном языке, становится уже фактом этого языка и в дальнейшем продолжает свое существование независимо от переводчика, что, в свою очередь, повышает ответственность переводчиков.

При построении термина переводчик должен обратить особое внимание как на точность передачи смысла иностранного термина, так и на взаимосвязи между создаваемым термином и другими элементами системы терминологии родного языка. Нельзя создавать термин, который совпадает по форме с уже бытующим в языке термином, имеющим другое значение. Нельзя также употреблять в переводе термины и выражения, допускающие различные толкования.

Создавая термин, следует стремиться к тому, чтобы он естественно входил в существующую систему терминологии данной области знания, а не ощущался в ней как чужеродное тело. Поэтому новые термины желательно строить по образцу существующих.

Требование точного перевода всех терминов предполагает, что каждому термину текста соответствует переведенный термин с одинаковым содержанием значения.

Крайне важно, таким образом, учитывать и диахронический аспект проблемы перевода. Зачастую происходит так, что термины, входящие в терминосистему, не заимствовались одними языками из других, а создавались в нескольких языках (безразлично, одновременно или нет), причем одна и та же внешняя форма в разных языках была использована для выражения разных понятий. Например, в английском языке существует термин ***integral*** со значением *целый, монолитный; integral structure – монолитная конструкция, монолитная панель*. Таким образом, в предложении *There is no sigh in the Brittania* (тип военного самолета) *of any turning towards the 'integral' method of construction* слова *integral method* следует переводить не «интегральный метод» или «метод интегрирования» и т. п., а «способ, при котором используются монолитные панели».

Несоответствие значений терминов в разных языках вызывается двумя причинами. Чаще всего это несоответствие возникает потому, что одно и то же основное первичное значение, выражаемое смысловой структурой термина, может ассоциироваться со сходными (или даже тождественными) признаками различных объектов

терминирования. Например, смысловая структура английского термина *synchronism* и русского термина *синхронизм* (из греч. *syn.* – *вместе* и *chronos* – время) передает мысль о совпадении во времени нескольких явлений или процессов. Но в английском языке этот ведущий признак характеризует совпадение во времени как частот, так и фаз, а в русском языке – только частот. Таким образом, термины, смысловая структура которых отражает один и тот же признак, выражают в разных языках разные понятия.

Несоответствие значений терминов в переводе может быть вызвано и другой причиной: в разных языках принимаются во внимание разные стороны смысловой структуры терминов. Различные признаки, отраженные одинаковой смысловой структурой таких терминов, соотносятся, естественно, с различными понятиями. Например, в смысловой структуре термина *цикл* (греч. *kyklos* – колесо, круг, кругооборот) можно выделить два основных первичных значения: одно, связанное с геометрическим понятием круга, окружности, и другое, выросшее на базе первого, связанное с понятием о совокупности (обычно законченной) каких-либо явлений или процессов. В русском термине *цикл* первое значение отсутствует, но в английском языке имеется термин *cycle – велосипед*, обязанный своему существованию именно первому из основных первичных значений.

Нередки случаи, когда словари вовсе не регистрируют самый частотный вариант употребления. Например, политический и юридический термин *authority* является многозначным. В англоязычном юридическом словаре зарегистрировано три значения этого термина, а в англо-русском словаре уже семь:

authority – 1. The legal power of a public official or body to act in an official capacity. 2. The power to act on behalf of another and bind the other by such actions. 3. A source of information or insight on how to interpret and apply the law in a particular situation [15. P. 43].

authority – 1. Власть, полномочие, полнота власти, сфера компетенции. 2. Орган власти, орган управления. 3. Источник права, закон, прецедент, судебное решение, документ, авторитетный учебник по праву. 4. Авторитет, авторитетный специалист, авторитетное утверждение. 5. Авторитетность. 6. Доказательство, основание. 7. Доверенность, полномочие, правомочие, разрешение [9. С. 54].

Однако анализ употребления этого термина показал, что в большинстве случаев он переводится термином «компетентные органы» – эквивалентом, который не зарегистрирован ни в одном англо-русском словаре:

If no appointing ***authority*** *has been agreed upon by the parties, the name or names of one or more institutions or persons, one of whom would serve as appointing* ***authority***. – Если стороны ранее не договорились о ***компетентном органе***, наименования одного или нескольких учреждений либо лиц, одно из которых могло бы выступать в качестве ***компетентного органа.***

Ошибки при переводе терминов нередко связаны с тем, что в одном языке рассматриваемый термин полисемантичен, а в другом соответствующий ему термин имеет только одно значение. Переводчик может ошибаться, приписывая моносемантичному английскому термину все значения полисемантичного русского термина, либо, наоборот, сводя смысловое содержание полисемантичного английского термина к одному значению, которым обладает русский термин. Несмотря на то что в каком-то одном значении такие термины эквивалентны друг другу, они все же могут оказаться «ложными друзьями переводчика», если при переводе данный термин не анализировался не только с точки зрения синхронии, но и диахронии, если переводчик не использовал «системный» подход к решению этой задачи, т. е. не рассматривал существующую на данный момент терминосистему в ее целостности и не определял место в иерархической понятийной системе для нового термина с учетом всех историко-лингвистических характеристик формирования данной терминосистемы.

Библиографический список

1. Superanskaya A.V. Technical Terms as a Part of Special Vocabulary // Russian Terminology Science (1992–2002). Vienna: Termnet publisher, 2004. P. 248–265.

2. Авакова О.В. Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 208 с.

3. Анисимова А.Г. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2010. 50 с.

4. Володина М.Н. Знание сквозь призму терминологической информации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 3. С. 136–145.

5. Ивановская И.П. Терминологизация как функция языка и культуры: системно-языковые, социально-культурные и функционально-коммуникативные характеристики русско- и англоязычных терминов налогового права: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2009. 23 с.

6. Анисимова А.Г., Архипова М.А. Англоязычные юридические термины: оптимизация процесса обучения // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 4 (37). С. 284–299.

7. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.

8. Longman Dictionary of Contemporary English. L.: Longman, 2015. 787 p.

9. Крамаревский А.И. Англо-русский политический словарь. М.: Руссо, 2008. 1550 с.

10. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 2012. 800 с.

11. Dictionary of Politics. L.: Newsbridge, 2011. 652 p.

12. A Dictionary of Law. Oxford: University Press, 2009. 802 p.

13. Gifis S.H. Law Dictionary. N. Y.: Barron’s, 2010. 618 p.

14. Roeder W.S. Dictionary of European History, 2006. 326 p.

15. Walter J.R. Dictionary of Politics: Selected American and Foreign Political and Legal Terms. Brunswick: Brunswick Publishing Corporation, 1992. 490 p.

Сведения об авторах

Анисимова Александра Григорьевна
доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языкознания
филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: alexandraanissimova@gmail.com

Павлюк Марина Игоревна
старший преподаватель кафедры английского языка № 1
факультета международных отношений
Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД РФ
E-mail: m.pavlyuk@inno.mgimo.ru

УДК 811.581

КИТАЙСКИЕ КЛЮЧИ И ГРАФЕМЫ: В ЧЕМ РАЗЛИЧИЕ?

А.С. Банков, Л.Л. Банкова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

В работе рассматриваются понятия «графема» и «ключ» в китайском языке, их трактовка китайскими специалистами и отечественными синологами. Предлагается вариант разграничения этих понятий и приводится авторское видение проблемы.

Ключевые слова: китайский язык, иероглиф, графема, ключ.

Graphemes *vs.* Radicals in Chinese: What Is the Difference?

Andrey Bankov, Liudmila Bankova

The article looks at the notions of “the grapheme” and “the radical” in the Chinese language. It provides an overview of how Russian and foreign sinologists interpret the two notions, offers a way of differentiating one from the other, and presents the authors’ perspective on the problem.

Key words: the Chinese language, a character, a grapheme, a radical.

В области китайской иероглифики среди основополагающих понятий, помимо прочих, выделяются два: «ключ» и «графема». В китаеведении это такие же базовые термины, как в математике «цифра» или «число». В некотором смысле знание таблицы китайских иероглифических ключей подобно знанию таблицы умножения. Казалось бы, это самые основы языка и не может быть ничего проще. Однако несмотря на свою кажущуюся простоту, тема разграничения понятий «ключ» и «графема» остается актуальной. В отечественной синологии они зачастую смешиваются, используются как синонимы; отсутствуют специальные работы, посвященные данной теме. Кроме того, носители китайского языка зачастую путают эти два термина. Вместе с тем в различных учебниках по китайскому языку указанные понятия порой используются параллельно и без дополнительных разъяснений. Разумеется, такая ситуация вызывает у обучающихся дополнительные сложности в овладении китайским языком, особенно на начальном этапе. В этой связи, как представляется авторам, сложилась настойчивая необходимость провести водораздел между графемой и ключом.

В китайском языке существуют два термина для обозначения рассматриваемых понятий: 偏旁 piānpáng (偏 piān «боковой; сбоку» +

旁 páng «сторона, бок») и 部首 bùshǒu (部 bù «часть, раздел» + 首 shǒu «голова, начало»). В отечественной синологии термин 偏旁 piānpáng соответствует термину «графема», а 部首 bùshǒu – термину «ключ».

Что представляют собой и чем отличаются 部首 bùshǒu и 偏旁 piānpáng в китайской трактовке? Согласно аутентичным источникам, «偏旁 piānpáng определяется с точки зрения конфигурации создания иероглифа. Прежде левая сторона сложного иероглифа называлась «偏 piān», правая – «旁 páng»; сейчас составные части сложного иероглифа известны как «偏旁 piānpáng». Расположенное в левой части иероглифа называется «左偏旁 zuǒpiānpáng»; расположенное в правой части называется «右偏旁 yòupiānpáng». <…> Вследствие того, что структура иероглифов сложна и большое количество иероглифов не обладают исключительно лево-правосторонней структурой, разграничение на «偏 piān» как левую часть и «旁 páng» как правую часть более не применяется, все части называются 偏旁 piānpáng» [1] (перевод наш. – *А. Б., Л. Б.*). Из данного определения следует, что любая составная часть сложного иероглифа называется 偏旁 piānpáng.

Что касается термина «部首 bùshǒu», то он определяется китайской традицией с точки зрения прикладной функции. Китайский филолог, лингвист, языковед эпохи правления династии Хань Сюй Шень (许慎, Xǔ Shèn) во время написания первого словаря иероглифов «Происхождение китайских иероглифов» («说文解字 shuōwén jiězì» «Шовэнь цзецзы»), составленного и упорядоченного по принципу иероглифического «ключа» с анализом строения иероглифического знака, распределял иероглифы согласно соотношению в них формы и смысла. Иероглифы, имеющие одинаковый смысловой состав, он размещал вместе, именуя таким образом распределенные иероглифы «отдельными рубриками». Данному факту вторит и китайское определение ключа: «Первый иероглиф каждой части является 部首 bùshǒu. Следовательно, 部首 bùshǒu – это 偏旁 piānpáng, используемый для расположения и обзора иероглифов, согласно их специфике» [1] (перевод наш. – *А. Б., Л. Б.*).

Таким образом, 偏旁 piānpáng, или графема, – это любая составная часть иероглифа, а 部首 bùshǒu, или ключ, – тот же 偏旁 piānpáng, только отвечающий за смысл иероглифа, или его смысловой детерминатив (тематический классификатор). Например, иероглиф 她 состоит из двух 偏旁 piānpáng (графем) («女» и «也»), где 部首 bùshǒu

(ключом) является «女»; иероглиф «雷» имеет графемами «雨» и «田», где ключ – «雨»; у иероглифа «望» три графемы «亡, 月, 王», а ключ – «月» или «王» [2]. Приведенные примеры подтверждают сказанное выше о том, что в современной иероглифике термин «偏旁 piānpáng» употребляется при характеристике не только иероглифов со структурой «лево-право», но и со структурой «верх-низ», а также в случае наличия в иероглифе трех и более 偏旁 piānpáng (графем). Отсюда также следует, что понятие «графема» шире понятия «ключ»: любой ключ является графемой, но не всякая графема является ключом.

Проблему терминологического разграничения ключей и графем сопровождает вопрос определения или выделения ключа при наличии нескольких потенциальных ключей в составе одного иероглифа. Например, в вышеупомянутом иероглифе 望 любая из трех составляющих его графем является потенциальным ключом. Однако вести дискуссию об определении в иероглифе ключа среди равноправных графем возможно лишь в том случае, когда иероглиф представляет собой фоноидеограмму, т. е. состоит из ключа и фонетика, который представляет собой графему, в той или иной степени определяющую его фонетический облик. Если графема выполняет функцию фонетика в фоноидеограмме, то претендовать на статус ключа она не может, поскольку ключ (部首 bùshǒu) отвечает за смысл иероглифа, является его *смысловым,* а не фонетическим детерминативом.

Какова же ситуация с разграничением понятий «графема» и «ключ» в современной отечественной синологии? Для начала рассмотрим определения, приводимые в наиболее популярных лексикографических и справочных источниках.

В Большом русско-китайском словаре (далее – БКРС) понятия «ключ» и «графема» разделяются. В качестве определений «偏旁 piānpáng» даются следующие:

1) графема, ключ, фонетик, элемент иероглифа;
2) правый и левый элементы иероглифа;
3) боковая графема иероглифа [3].

С учетом вышеприведенных данных из представленного определения вытекают некоторые неточности, а именно: второе и третье определения вступают в противоречие, называя четкое

местонахождение 偏旁 piānpáng (графемы) только сбоку и одновременно справа и слева, что вводит в заблуждение желающих найти ответ посредством обращения к значению лексической единицы. Кроме того, в данном определении не вполне учитывается структура иероглифа «верх-низ». В связи с этим значения лексической единицы «графема» не только не вносят ясность в ее определение, а, напротив, еще более запутывают.

Что касается словарной статьи лексической единицы «部首 bùshǒu» в БКРС, то она определяется как «ключ, детерминатив (*в иероглифике*)» [4]. Интересно отметить русификацию термина «部首 bùshǒu», о чем свидетельствует следующее определение. «“Бушоу” (*букв.* “возглавляющий раздел”). В отечественной синологии – “ключ”, англ. radical – “корень”. Графический элемент, общий для иероглифов, объединенных в раздел (*бу*). Является основой организации и, соответственно, поиска иероглифов в словарях и указателях, построенных по графическому, или т. н. ключевому, принципу» [5. С. 690].

При терминологическом обзоре нельзя обойти вниманием и такой популярный источник, как Википедия, где сказано, что «Иероглифический ключ (部首 bùshǒu) – графический элемент или простой иероглиф китайской письменности, из которых состоят сложные иероглифы. Может выступать в качестве смыслового или фонетического показателя» [6]. Однако с тем, что ключ является фонетическим показателем, или фонетиком, категорически не представляется возможным согласиться в силу приведенных выше аргументов.

Далее обратимся к хорошо зарекомендовавшим себя учебникам по китайскому языку, где иероглифическому аспекту уделяется серьезное внимание. Примером тому служит классический учебник Т.П. Задоенко и Хуан Шуин «Начальный курс китайского языка», где подробнейшим образом раскрыты тонкости иероглифики. В данном пособии графемами называются значимые составные части иероглифа, то есть компоненты, имеющие свое смысловое значение [7. С. 27]. Иными словами, графема – это компонент со смыслом. Вместо термина «ключ» авторы знаменитого учебника предпочитают употреблять синонимичный ему термин «смысловой детерминатив»: «Одна часть [иероглифа], обязательно являющаяся графемой, служит для передачи примерного значения знака в целом (этот элемент

фоноидеограммы обычно называют *смысловым детерминативом*, или *ключом*)» [7. С. 167]. В учебнике термины «графема» и «ключ» употребляются как синонимы [7. С. 168–169], что соответствует их трактовке китайской традицией. Помимо этого там сказано, что иероглиф состоит не только из графем. Если графемы – это компоненты, имеющие свое смысловое значение, и иероглифы состоят не только из графем, то что же еще присутствует в них без смыслового значения? Графические элементы, состоящие из не содержащих смысла иероглифических черт.

Разграничение понятий «графема» и «ключ» приводится и в достойном внимания учебном пособии «Новые горизонты: интегральный курс китайского языка». Так, графема в нем определяется как «минимальный значимый графический элемент сложного иероглифа» [8. С. 20]. Графемы делятся только на иероглифические черты, или это простые иероглифы и несамостоятельные структурные элементы иероглифов, обладающие значением [8]. Ключом названа «графема, входящая в состав сложного иероглифа и приблизительно указывающая на его смысл» [8. С. 58]. «Все ключи, как правило, являются графемами, то есть не делятся на составные части, имеющие значение. В то же время многие графемы могут выступать в роли ключей в сложных знаках» [8. С. 58].

В «Учебнике китайского языка» А.В. Благой графемой называются устойчивые комбинации черт, за которыми закреплено некоторое самостоятельное значение. При этом графемой называются и ключ, и фонетик. В пример приводится иероглиф 镐, который состоит из двух графем – «металл» и «высокий». Первая графема называется смысловым ключом иероглифа, а вторая – фонетиком. Знак равенства ставится между ключом и графемой, поскольку «графемы часто играют роль смыслового ключа, “подсказывая” смысл иероглифа» [9. С. 17].

Несколько иное видение проблемы графем и ключей представлено в предисловии к «Пособию по иероглифике» (приложение к учебнику «Практический курс китайского языка») А.Ф. Кондрашевского. Там сказано, что графемы являются «знакообразующими основами иероглифики. Однако это совсем не означает, что все графемы входят в состав списка иероглифических ключей, т. е. способны выступать в качестве тематических

классификаторов иероглифов (в идеографических и фоноидеографических знаках). Стандартный список иероглифических ключей в отечественной синологии насчитывает 214 знаков, в число которых наряду с графемами входит также несколько чистых черт, не имеющих фиксированных значений (например, ключи «единица», «вертикальная», «откидная влево»), а также ряд сложных знаков, в свою очередь распадающихся на 2–3 графемы (например, ключи «видеть», «выделанная кожа», «конопля», «черепаха», «флейта».). [10]. Таким образом, между ключом и графемой не ставится знак равенства, что полностью противоречит точке зрения, представленной в вышеупомянутых пособиях, и китайской традиции. Любопытно и мнение А.Ф. Кондрашевского о простых чертах без фиксированных значений, а также о сложных знаках (например, ключ № 79 в таблице из 214 ключей 殳 «бамбуковая пика» – это один элемент или два: «几 столик» и «又 правая рука»?). Следует отметить, что некоторые иероглифы, приводимые в таблице ключей, зачастую раскладываются на более мелкие составные элементы, как, например, иероглиф 角. Затронутая проблема требует отдельного тщательного изучения.

Относительно количества ключей можно говорить о фиксированном числе 214, в то время как по поводу количества графем называются цифры от двухсот [7. С. 28] до полутора тысяч [8. С. 20]. Подобное количественное преобладание графем является свидетельством высказанного в данной статье мнения о том, что графема является более широким понятием по сравнению с ключом.

Так каков же ответ на вопрос о границе между ключами и графемами? Существует ли она? Может быть, это одно и то же? Проведенное исследование позволяет дать на данный вопрос следующий ответ. Графема и ключ – это, с одной стороны, одно и то же. С другой стороны, графема – нечто большее, чем ключ, ее понятие шире. Проанализировав существующие подходы к проблеме, можно сделать следующее обобщение: «графема» – это, скорее, структурное понятие. Как дом состоит из структурных элементов (фундамент, стены, перекрытия, крыша и т. п.), так и сложный иероглиф состоит из графем, связанных между собой особым образом. При этом как стена состоит из кирпичей, так и графема состоит из элементарных единиц – черт, точек и т. п. Точно так же, как предложение может состоять из одного междометия, иногда

графема состоит из одной элементарной частицы. Поэтому, говоря «графема», мы говорим «составная часть иероглифа» безотносительно к ее статусу или функции (в фоноидеограмме). «Ключ», в свою очередь, это, скорее, структурно-функциональное понятие. Ключом называется графема, обладающая бóльшим статусом, весом по сравнению с другими графемами в составе одного и того же иероглифа. Этот бóльший статус заключается в *смысловой* маркированности данной графемы. Если графема в фоноидеограмме указывает на *фонетический облик* иероглифа (фонетическая маркированность), то это – фонетик. Если графема не является ни ключом, ни фонетиком (т. е. немаркированная), то она остается графемой. В чем же функция немаркированной графемы? Ее функция в создании / усилении *графического* идентификационного признака иероглифа. Таким образом, истинная проблема заключается не столько в сложности разграничения понятий «ключ» и «графема», сколько в смешении двух измерений понятия «графема»: 1) структурного, 2) структурно-функционального. Во избежание такого смешения возможно использовать термин «графема» в структурном смысле, а в контекстах, предполагающих его структурно-функциональное значение, использовать термин «немаркированная графема».

Библиографический список

1. 偏旁和部首区别 // Электронный ресурс Интернет: http://zhidao.baidu.com/link?url=EAkXW7_o7esmctQPYT5eibEBsHrWPrO51EihNHx8_zEoeUVAk4VGAdA10-NKTFCipZfLLL_w2eTV4y3kj-T1ba (Пьень пан хэ бушоу чюбье).

2. 偏旁部首 // Электронный ресурс Интернет: http://iask.sina.com.cn/b/8898902.html (Пьень пан бушоу).

3. 偏旁 / Большой китайско-русский словарь // Электронный ресурс Интернет: http://bkrs.info/slovo.php?ch=偏旁 (Пьень пан).

4. 部首 / Большой китайско-русский словарь // Электронный ресурс Интернет: http://bkrs.info/slovo.php?ch=部首 (Бушоу).

5. Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. + доп. том / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. Т. 3. Литература. Язык и письменность. М.: Вост. лит., 2008. 855 с.

6. 部首 / Википедия // Электронный ресурс Интернет: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ключ_(иероглифика) (Бушоу).

7. Задоенко Т.П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. Ч. 1. 5-е изд., испр. и доп. М.: Восточная книга, 2011. 304 с.

8. Новые горизонты: Интегральный курс китайского языка. Т. 1. Ч. 1. / Гл. ред. Т.В. Ивченко. Пекин: Educational Science Publishing House, 2012. 183 с.

9. Благая А.В. Учебник китайского языка. Начальный курс. 2-е изд. М.: Цитадель-трейд, 2008. 544 с.

10. Кондрашевский А.Ф. Пособие по иероглифике // Электронный ресурс Интернет: http://www.russianshanghai.com/articles/ post240.

Сведения об авторах

Банков Андрей Сергеевич
кандидат филологических наук,
директор НОЦ «Институт Конфуция при
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова»
E-mail: bankov@lunn.ru

Банкова Людмила Львовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры восточных и европейских языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: lwittsa@yandex.ru

УДК 811.111'367:811.161.1'367

К ВОПРОСУ О СИНСЕМАНТИЧНОСТИ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЕЙ

Т.А. Бутенко

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

В статье рассматриваются особенности функционирования синсемантичных единиц разных языковых уровней. Анализируются различные подходы к пониманию синсемантизма. Обобщаются черты синсемантичных конструкций на фонемном, морфемном и синтаксическом уровнях. Синсемантизм сопоставляется с автосемантизмом. Дается определение синсемантизма и устанавливаются его виды.

Ключевые слова: синсемантизм, автосемантизм, семантический синсемантизм, синтаксический синсемантизм, синсемантичные конструкции, уровни языка.

Synsemantism of Units of Different Language Levels

Tatiana Butenko

The article looks at the functioning of synsemantic units of different language levels, analyzing different approaches to synsemantism and summarizing features of synsemantic constructions at the phonemic, morphemic and syntactic levels. It also contrasts synsematism and autosematism, offers a definition of synsematism, and establishes its types.

Key words: synsemantism, autosemantism, semantic synsemantism, syntactic synsemantism, synsematic constructions, language levels.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является изучение синсемантичных конструкций. Однако системный подход к их описанию отсутствует, нет единства в понимании синсемантичности. Термин «синсемантичный» («синсемантический») и противоположный ему «автосемантичный» («автосемантический») применяются для характеристики явлений разных языковых уровней – от фонем и морфем до текста. В статье дается обзор исследований, посвященных синсемантичности, на основе которого выделяются дифференциальные признаки синсемантичных единиц, устанавливаются особенности реализации синсемантичных отношений на всех уровнях языка, предлагается универсальное определение термина «синсемантичность».

Прежде всего, представляется необходимым установить словарное значение термина «синсемантичность» и сопоставить его с противоположным ему термином «автосемантичность». В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и

М.А. Теленковой указывается, что термин ***«синсемантический»*** восходит к греческим словам *syn* («вместе») и *sēmantikos* («обозначающий») и определяется как «служебный, не обладающий самостоятельным смыслом» [1. С. 281], а ***«автосемантический»*** (от греческого *autos* («сам») и *sēmantikos* («обозначающий»)) – как имеющий отдельный самостоятельный смысл [1. С. 11]. Приведенные определения подчеркивают смысловую неполноту языковых единиц, которая приводит к их взаимосвязи с другими элементами данного уровня, т. е. выделяется *семантический аспект синсемантизма*. Следует отметить, что в словарной дефиниции синсемантичных и автосемантичных предложений помимо коммуникативной законченности предлагается критерий грамматической самостоятельности / зависимости от других предложений [1. С. 11, 281], что указывает на второй аспект синсемантизма – *синтаксический*. Таким образом, можно говорить о ***двух видах синсемантизма:*** *семантическом* и *синтаксическом*.

Далее будут рассмотрены особенности функционирования синсемантизма, выделяемые исследователями, и установлены виды синсемантизма, реализуемые на разных языковых уровнях (от низшего – фонемного – к высшему – синтаксическому), которые сопоставляются с автосемантичными построениями для их более четкой дифференциации.

На **фонемном уровне** применительно к письменной речи Т.В. Шмелева исследует сегментацию слова графическими средствами за счет изменения размера букв, их цвета и добавления пунктуационных знаков с целью актуализации нового значения [2], что свидетельствует о семантической несамостоятельности сегментированных элементов слова, т. е. о семантическом синсемантизме. Кроме того, автор указывает на возможность синтаксических последствий, поскольку при сегментации подобного рода слово становится эквивалентом словосочетания или предложения [2. С. 108]. Следовательно, можно говорить и о синтаксическом синсемантизме графем как сегментов слова.

На **морфемном уровне** Л.А. Телегин в качестве критерия синсемантичности / автосемантичности морфем выдвигает их возможность «выражать собственное значение самостоятельно или на фоне других морфем». К автосемантичным морфемам автор относит корневые морфемы, способные функционировать как свободные

словоформы, а к синсемантичным морфемам – аффиксальные, не способные вступать в самостоятельные синтаксические отношения и актуализирующиеся лишь на фоне других морфем [3. С. 15].

Как видно из вышесказанного, понятия «синтаксического» и «семантического» синсемантизма применимы к единицам фонемного и морфемного уровней языка, которые, вступая в синтаксические отношения с другими элементами данного уровня, приобретают смысловую завершенность.

Исследования синсемантичных конструкций на **синтаксическом уровне** посвящены семантической и структурной несамостоятельности компонентов словосочетания, простого предложения, сложного предложения, фрагментов текста и текста в целом.

А. Марти указывает на синсемантичность слов, под которой он понимает отсутствие значения у отдельно взятого слова и приобретение им такового только при его вступлении в синтаксические отношения с другими словами, образующие автосемантические соединения [4. С. 11]. Таким образом, синсемантичность слов в составе **словосочетаний** предполагает их семантическую взаимообусловленность и синтаксическую взаимосвязь.

О синсемантичности строевых элементов **простого предложения** писали Е.С. Скобликова [5], Г.А. Золотова [6], В.П. Малащенко [7].

В основе деления членов предложения на синсемантичные и автосемантичные Е.С. Скобликовой лежит степень абстрактности их грамматического значения. По мнению автора, предикат двусоставного предложения автосемантичен, поскольку он является коммуникативно-семантическим центром предложения и его грамматическое значение позволяет передавать частичную информацию о субъекте (например, род, число и в некоторых формах лицо), а лексическое наполнение в какой-то мере предопределяет субъектные, объектные и некоторые обстоятельственные отношения, образующие предложение. В то же время роль практически неспособных на прогнозирование предиката, синсемантичных подлежащего и прямого дополнения в развертывании высказывания и выражении ситуации при их рассмотрении в отрыве от предиката оказывается совершенно неопределенной [5. С. 477–478]. Иными

словами, предикат, будучи самодостаточным в лексико-синтаксическом плане, является автосемантичным, а подлежащее и прямое дополнение, не способные включать семантико-синтаксические характеристики предиката, оказываются синсемантичными.

Г.А. Золотова, анализируя синтаксемы с точки зрения их синтаксического синсемантизма / автосемантизма, классифицирует их как свободные, обусловленные и связные. Свободные синтаксемы допускают как самостоятельное, изолированное употребление, так и употребление в качестве компонентов словосочетаний и предложений. Обусловленные синтаксемы функционируют в составе словосочетаний и предложений. Связные синтаксемы участвуют только в построении словосочетаний [6. С. 4–5]. Следовательно, свободные синтаксемы могут считаться автосемантичными, а связные – синсемантичными. Статус обусловленных словосочетаний требует уточнения. Их, предположительно, можно отнести к переходному типу, считать частично синсемантичными / автосемантичными в зависимости от особенностей употребления в конкретной речевой ситуации.

Сходные идеи высказывает В.П. Малащенко, который на примере слабого и сильного управления глаголов доказывает неразрывность семантической неполноты и синтаксических отношений как возможности семантико-синтаксического распространения. Для описания этой зависимости автор предлагает термин «валентность». Валентные, или синсемантичные, слова для получения семантической завершенности вступают в сочинительные, подчинительные и присоединительные отношения, образуя словосочетания и предложения [7. С. 18–19]. Невалентные, или автосемантичные, слова участвуют в отношениях свободного присоединения, которые возможны только на уровне предложения и допускают свободное перемещение словосочетания внутри высказывания. Структурная автосемантичность в данном случае указывает на то, что значение словоформы не восполняется окружением и не зависит от него [7. С. 46].

При рассмотрении вопроса синсемантичности / автосемантичности частей **сложного предложения** интерес представляют идеи Р. Гусмана Тирадо, который классифицирует придаточные предложения по принципу их семантической

самостоятельности. С этой позиции придаточное предложение может быть как синсемантичным, так и автосемантичным. При автосемантии информация придаточного предложения включена в главное предложение, восполняя его смысловую незавершенность (включение-1), в то время как при синсемантии придаточного значение главного предложения включается в придаточное, привнося недостающую информацию (включение-2) [8. С. 10–11]. Сказанное наводит на мысль о возможности характеристики не только придаточного, но и главного предложения с точки зрения семантического синсемантизма / автосемантизма. Представляется, что при включении-1 можно говорить о синсемантии главного предложения, а при включении-2 – о его автосемантии. В синтаксическом плане, являясь частями сложного предложения, придаточное и главное предложение синсемантичны, т. к. синтаксические отношения, объединяющие их, не позволяют считать части сложного предложения структурно самостоятельными. Случаи разрыва синтаксических отношений и членения сложного предложения на два и более синсемантичных отрезка будут рассмотрены ниже.

В настоящее время большое количество исследований посвящено синтактико-семантической общности **нескольких предложений**. В работах анализируются такие специфические конструкции, как сегментация, парцелляция, присоединение, расчленение потенциального синтаксического целого, разрывы, расшифровки и др.

Следует отметить, что в задачи данной статьи не входит разграничение подобных построений, выделение их дифференциальных признаков и создание лингвистической классификации. Целью статьи является лишь определение их статуса как синсемантичных конструкций, что предполагает установление и сопоставление общего понимания описываемых исследователями языковых явлений.

Так, Т.Н. Ишмекеева относит *сегментированные конструкции* к единицам коммуникативно-синтаксического уровня, образующим высказывания, возникающие в результате его информационного членения, между частями которого частично или полностью разрушены синтаксические связи [9. С. 11].

Э.П. Лаврик определяет *парцелляцию* как «способ речевого представления синтаксической структуры», при котором «мысль, заключенная в предложении, реализуется не в единой синтаксической структуре, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, отделенных точками». Парцеллят при этом конкретизирует семантику основного предложения [10. С. 152].

Под *присоединением* Р.Ж. Саурбаев понимает особый вид синтаксической связи, при котором отдельные члены предложения выделяются в самостоятельное предложение, усложняющее семантику и структуру предложения, а под присоединительными конструкциями – добавление, уточнение, развитие мысли, высказанной в главном предложении [11. С. 31].

Отмечая различия психологических механизмов, приводящих к возникновению подобных построений, Ю.М. Скребнев классифицирует их на расчленение потенциального синтаксического целого и расшифровки. При *расчленении* форма отстает от содержания. Говорящий сначала идентифицирует признак предмета, лежащий на поверхности сознания, а потом достраивает семантически законченное высказывание, которое могло бы функционировать как одно распространенное предложение [12. С. 143]. При *расшифровке* содержание следует за формой, лексическое содержание запаздывает и сообщается слушателю после того, как частично заполненная синтаксическая конструкция прозвучала в высказывании [12. С. 151].

Сходные идеи высказывает Т.Н. Синеокова, разграничивая *разрывы потенциального синтаксического целого* и *расшифровки* по возможности их объединения в единую синтаксическую структуру без внесения структурных изменений в компоненты высказывания и по наличию коррелята в синсемантичных отрезках речи. Разрывы могут быть объединены в одно предложение, в то время как наличие коррелята препятствует объединению частей расшифровывающей конструкции в одно предложение [13. С. 90, 104].

Как видно из вышесказанного, парцелляция, сегментация, присоединение, расчленение, разрывы и расшифровки образуют одну группу синсемантичных конструкций по ряду признаков: во-первых, функционирование на языковом уровне выше предложения, но ниже текста; во-вторых, смысловая общность компонентов указанных конструкций, получающих коммуникативный статус только при их

рассмотрении в совокупности; в-третьих, разорванные, потенциально восстановимые синтаксические отношения, объединяющие компоненты высказывания. Выявленные интегральные признаки рассматриваемых конструкций свидетельствуют об их семантическом и синтаксическом синсемантизме.

К единицам данного языкового уровня могут быть также отнесены сложное синтаксическое целое и продолженная синтаксическая форма, обладающие рядом признаков синсемантичности.

М.Х. Шхапацева указывает на то, что сложное синтаксическое целое обладает «1) смысловой и функциональной завершенностью; 2) синтаксической организованностью; 3) коммуникативной целостностью; 4) интонационной оформленностью» [14. С. 177]. Из этого следует, что предложения, входящие в состав сложного синтаксического целого, рассматриваемые в отрыве от контекста, не обладают смысловой и структурной самостоятельностью, т. е. являются синсемантичными в семантико-синтаксическом отношении.

В качестве обобщающего понятия, описывающего синтаксические структуры, содержащие более одного предикативного узла, О.В. Евстафиади предлагает использовать термин «продолженная синтаксическая форма». Данная синтаксическая конструкция состоит из двух и более элементарных предложений, образующих семантическую суперструктуру, выраженную эксплицитно при помощи союза или имплицируемую контекстом [15. С. 18–19]. Как следует из определения, компоненты продолженной синтаксической формы характеризуются семантико-синтаксическим единством, т. е. могут быть отнесены к синсемантичным построениям.

Иными словами, на уровне структурно-смысловой общности нескольких предложений законченная мысль говорящего реализуется в речи не одним, а двумя и более синсемантичными отрезками, отделенными друг от друга финальными знаками препинания. Понимание смысла высказывания невозможно при опущении одного из компонентов или их рассмотрении в отрыве от контекста. Сигналы синтаксической связи (термин М.Я. Блоха [16. С. 21]) могут быть выражены эксплицитно или отсутствовать.

Хотя очевиден тот факт, что языковая природа сегментированных, парцеллированных, присоединительных

конструкций, разрывов, расчленений и расшифровок, с одной стороны, а также сложного синтаксического целого и продолженной синтаксической формы, с другой стороны, разнится, различия между ними лежат в сфере синтаксических отношений, формирующих единую структурно-смысловую общность их компонентов. Классификация языковых средств реализации синсемантичных отношений и уточнение синтаксических отношений, образующих их, станут предметом дальнейшего исследования.

Понятия синсемантизма / автосемантизма применимы и к **тексту** как высшему языковому уровню. Под автосемантией как категорией текста И.Р. Гальперин понимает «формы зависимости или относительной независимости отрезков текста по отношению к содержанию всего текста или его части» [17. С. 98], что указывает на семантический синсемантизм, объединяющий разрозненные предложения в текст. Синтаксические средства синсемантии включают когезию текста, в том числе ретроспекцию [17. С. 102].

Итак, суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что ***синсемантизм*** представляет собой способ речевой организации информации, функционирующий на разных уровнях языка (от фонемы до текста), при котором номинация осуществляется не одной, а несколькими единицами данного уровня, находящимися в отношениях семантико-синтаксической зависимости.

Библиографический список

1. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

2. Шмелева Т.В. Сегментация высказывания и слова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2007. № 1–2. С. 104–117.

3. Телегин Л.А. О степенях морфологической мотивированности номинативных знаков // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». 2013. № 1. С. 14–18.

4. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во министерства просвещения РСФСР, 1960. 331 с.

5. Скобликова Е.С. Об уровне автосемантичности / синсемантичности разных членов предложения // Русский язык:

исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: МГУ, 2004. С. 477–481.

6. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.

7. Малащенко В.П. Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1972. 172 с.

8. Гусман Тирадо Р. Генеративные сложноподчиненные предложения в русском языке / Под ред. проф. А.М. Ломова. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1998. 136 с.

9. Ишмекеева Т.Н. Сегментированные конструкции в современном русском языке: на материале газетных заголовков: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.

10. Лаврик Э.П. Обособленные предложно-именные обороты с конкретизирующей семантикой в современном русском языке: Дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2000. 192 с.

11. Саурбаев Р.Ж. Присоединительные конструкции как показатель структурно-семантического осложнения предложения (на материале английского и татарского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 9. (111). 2011. С. 28–33.

12. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. 210 с.

13. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. 244 с.

14. Шхапацева М.Х. Сложное синтаксическое целое как единица языка и речи // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3. Педагогика и психология. Вып. 2. 2011. С. 176–183.

15. Евстафиади О.В. Продолженная синтаксическая форма с семантикой условия в английском языке: Дис. … канд. филол. наук. Самара, 2011. 192 с.

16. Блох М.Я., Поляков С.М. Строй диалогической речи: Монография. М.: Прометей, 1992. 153 с.

17. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотип. М: КомКнига, 2006. 144 с.

Сведения об авторе

Бутенко Татьяна Анатольевна
ассистент кафедры английского языка
и профессиональной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: TatianaButenko@mail.ru

УДК 811.161.1'373.423

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ НА БАЗЕ ЭЛЕКТРОННО-ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ «INTEGRUM»

Е.В. Маринова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

Рассматривается вопрос об использовании электронной поисковой системы «Integrum» в исследовании грамматической омонимии в сфере заимствованных слов. Ресурсы «Integrum» позволяют устанавливать, в роли какой части речи первоначально выступает полифункциональное иноязычное слово в русском языке, почему то или иное аналитическое прилагательное может быть более частотным по сравнению с обычным относительным прилагательным и т. д. Исследование на базе «Integrum» подтверждает гипотезу, согласно которой практически любое иноязычное существительное может функционировать в современной речи как аналитическое прилагательное.

Ключевые слова: полифункциональное слово, грамматические омонимы, диахрония, иноязычная лексика, имя существительное, аналитическое прилагательное.

Studying Multifunctional Loan Words with the Help of the *Integrum* Electronic Search System

Elena Marinova

The article examines possibilities for using the *Integrum* electronic search engine in studying grammatical homonymy of loan words. *Integrum*'s resources allow the researcher to establish the part of speech in which the loan word first appears in Russian, as well as why analytical adjectives are used more frequently than regular relative adjectives, etc. *Integrum*-based research confirms the hypothesis that practically any loan noun can act as an analytical adjective in modern speech.

Key words: multifunctional words, grammatical homonyms, diachrony, loan word lexicon, noun, analytical adjective.

О базе «Integrum». В последние десятилетия в лингвистических исследованиях активно используются не существовавшие ранее источники языковых фактов, а именно корпуса, коллекции текстов, создаваемые на электронных носителях по особым технологиям («Национальный корпус русского языка», например). В изучении современных языковых процессов часто обращаются и к так называемым интернет-поисковым материалам (в научной речи появилась даже аббревиатура *ИПМ*, сокращенно обозначающая этот неисчерпаемый документальный источник).

Особое место среди современных баз лингвистических исследований занимает электронная поисковая система «Integrum», представляющая собой самую крупную коллекцию информации о России и самый полный корпус русского языка. В базах «Integrum» хранится приблизительно 350 млн документов, связанных с Россией. «Integrum» включает не только русскоязычные тексты центральных и региональных газет и журналов (всего более 4 тыс. наименований), но и тексты радио- и телеэфира, что значительно раздвигает рамки исследования, хотя изначально «Integrum» разрабатывался для бизнесменов [1. С. 84]. С одной стороны, база «Integrum» представляет собой статическую коллекцию документов, что отличает ее от поисковых систем Интернета («Яндекс», «Гугл» и т. п.). В то же время в этой базе информация не только хранится и резервируется, но и постоянно обновляется. Для лингвиста, особенно если он занимается новыми явлениями в русском языке, неологией [2], «Integrum» – уникальная возможность получить точные данные о времени (дате) первого употребления исследуемого слова в публицистической речи. Для этого используется специальная программа «Артефакт», созданная разработчиками базы.

Вопрос о первичной морфологической функции заимствуемого слова. В статье анализируется опыт использования электронно-поисковой базы «Integrum» в решении одного очень непростого вопроса, связанного с явлением грамматической омонимии в русском языке. Дело в том, что к началу XXI в. в иноязычной лексике русского языка сформировался уже довольно многочисленный класс слов, которые могут употребляться в речи в функции двух и более частей речи. Чаще – это функции (А) существительного и аналитического (неизменяемого) прилагательного, реже (В) – существительного, аналитического прилагательного и наречия. Ср., например: (А) *Успехи компьютерного арта* и *Хозяйка арт-галереи*; *Выступить на гала* и *Заказать гала-платье*; (В) *Музыкальный нон-стоп – Кино нон-стоп – Бомбили нон-стоп* и под. Такие слова называются полифункциональными словами, или словами с широкой (нестандартной) грамматической валентностью [3].

Полифункциональное слово (ПС) в разных морфологических функциях приводит к появлению в языке пар или рядов грамматических омонимов. При их изучении представляется

необходимым и принципиально важным для полноты лингвистической информации установить, какая морфологическая функция заимствованного слова являлась первичной, какая – вторичной. Иными словами, каким путем, по какой модели шло формирование грамматической омонимии на базе каждого конкретного иноязычного неологизма.

В приведенных выше примерах (А) в паре *арт* (существительное в значении ‘искусство’ [4]) – *арт*- (прилагательное в значении ‘художественный, артистический’ [4]) с точки зрения диахронии первично прилагательное: в русской речи с конца XX в. первоначально закрепилось множество сочетаний с первой частью *арт*- (*арт-директор, арт-кафе, арт-галерея, арт-новости* и др.), позднее, в начале XXI в., слово *арт* стало употребляться как самостоятельное существительное (эти данные получены с помощью электронно-поисковой системы «Integrum). Следовательно, грамматическая омонимия развивалась в этом случае на базе аналитического прилагательного (по другой терминологии – аналита, аналитического модификатора [5; 6]). Подобный пример – пара *вип / ВИП* (одушевленное существительное) и *вип- / ВИП-* (аналит). Первоначально (примерно с конца 80-х гг. XX в. [7. С. 110]) заимствование *вип* употреблялось в составе сочетаний с именами существительными в роли аналита, как в препозиции (в основном) – *вип-залы, вип-места, вип-услуги,* так и в постпозиции, см.: *В зале ВИП развлекались приглашенные гости* (о переходе заимствования *VIP*- с латиницы на кириллицу см. [8]). По данным электронно-поисковой системы «Integrum», в 1996 г. слово было впервые использовано в печати в роли существительного: *Барьерчик из стилизованных книжных полок, отделявший «**випов**» от обычных покупателей, оказался чересчур низким* (АиФ. 1996. № 7).

Напротив, в паре *бизнес* (существительное) и *бизнес*- (аналит) первично существительное: слово употреблялось в такой функции на протяжении XX в., преимущественно в переводной литературе, а в конце XX столетия – и в оригинальных текстах (первоначально с отрицательной коннотацией, далее – нейтрально, в значении ‘предпринимательская деятельность’). С конца XX в. появляются и сочетания типа *бизнес-план, бизнес-встреча, бизнес-образование*, в которых первая часть *бизнес*- выступает уже в роли атрибутивного элемента, аналита.

Факторы, влияющие на степень активности полифункционального слова. Возможность иноязычного существительного употребляться в речи в роли прилагательного не всегда является приобретенной на русской почве. В некоторых случаях существительное выступает в качестве прилагательного уже в «готовом», заимствованном сочетании, например: *атташе-кейс* (от англ. *attaché case*); *бизнес-план* (от англ. *business plan*); *дансинг-холл* (от англ. *dancing hall*); *интернет-кафе* (от англ. *Internet cafe*); *пилинг-крем* (от англ. *peeling cream*); *рейтинг-лист* (от англ. *rating list*); *спарринг-партнер* (от англ. *sparring partner*); *хит-парад* (от англ. *hit parade*) и др. Причем употребление некоторых существительных в роли аналитического прилагательного может быть единичным (см., например, *рейтинг* в *рейтинг-лист* и др.).

Однако в подавляющем большинстве случаев иноязычные существительные употребляются в качестве аналита в сочетаниях, образованных на русской почве, т. е. не заимствованных. Нередко такие сочетания составляют целые серии одноструктурных образований, «образцом» для которых служит заимствование. См.: *киндер-сюрприз* (заимствование) и *киндер-шоколад, киндер-жвачка* – русские образования; *лифтинг-крем* (от англ. *lifting cream*) и *лифтинг-ампулы, лифтинг-маска, лифтинг-лосьон, лифтинг-концентрат*; *спарринг-партнер* (заимствование) и *спарринг-бои, спарринг-матч* и т. д. (написание этих и подобных сочетаний – раздельное, дефисное, слитное – варьируется). Обычно такие ряды пополняются, с разной регулярностью, новыми единицами. Одна из причин этого – отсутствие в русском языке обычного (изменяемого) относительного прилагательного, необходимого для построения определительных сочетаний. Некоторые иноязычные существительные не имеют производного от них прилагательного (*промоушен, спа, шоу* и др.), поэтому их роль в качестве определительного слова (прилагательного) становится в русской речи незаменимой, см.: *промоушен-бизнес, промоушен-компания, промоушен-тур*; *спа-салон, спа-маникюр*; *шоу-бизнес, шоу-бизнесмен, шоу-игра.*

Нередко образование относительного прилагательного на базе иноязычного неологизма-существительного задерживается. Например, заимствованное существительное *трэш* (от англ. *trash*) ‘один из модных стилей начала XXI в., в основе которого лежит

эстетизация старых вещей’ [9] какое-то время не имело соотносительного прилагательного (*трэшевый* появилось позже), поэтому в роли атрибута использовалось само существительное: *трэш-мода, трэш-стиль, трэш-платье* (ср. *трэшевые платья, трэшевый стиль, трэшевый шик* и под.).

Некоторые иноязычные существительные имеют производное от них прилагательное, которое, однако, является редкоупотребительным. Так, прилагательное *бизнесовый,* несмотря на то что оно образовано от одного из ключевых слов постперестроечной эпохи, тем не менее, не стало широкоупотребительным. По данным электронно-поисковой системы «Integrum», с 1986 года оно встречается лишь в 79 документах (из 2987 документов); см., например: *У всех наших «конкурентов» подход именно* ***бизнесовый*** *– вложить деньги, получить деньги* (газ. «Эксперт». 14.06.2004); *Это по-настоящему «****бизнесовый****» автомобиль с большим кузовом, более просторным салоном, мощными моторами и богатой комплектацией* (Московский информационный вестник «Телекоммуникации» 27.10.2006). Только три раза встретилось в массмедийных текстах, находящихся в распоряжении «Integrum», слово *бизнесный* (словарями оно не зафиксировано), один раз – *бизнесовский.* Еще одно возможное суффиксальное прилагательное – **бизнесский* – нам не встретилось. Возможно, «непопулярность» прилагательных *бизнесовый / бизнесный / бизнесовский* объясняется широкой распространенностью слова *бизнес* в роли аналитического прилагательного (как уже неоднократно отмечалось в научной литературе, это один из самых частотных аналитов [10. С. 234]): слово *бизнес* в наших материалах зафиксировано в сочетании с 65-ю существительными – *агент, администратор, банк, банкомат, виза, встреча, гид, документация, игра, идея, лицей, карьера, карта, клуб, костюм, парк, партнер, психология, образование, сленг, стиль, тур, форум, центр, школа, элита* и др. В НСЗ-90 содержится 114 «бизнес»-сочетаний [11].

Редко употребляются в речи, по данным базы «Integrum», и прилагательные от некоторых других иноязычных существительных, достаточно частотных в речи и использующихся в качестве аналита. Например, *вамп* и *вамповский* (*макияж*, *наряд*); *гриль* и *грилевый*, *грильный*; *дизайн* и *дизайновый* (подход); *джип* и *джиповый* (*бум*, *облик*, *кортеж*); *рейв* и *рейвовый* (*альбом*, *фестиваль*); *секонд-хенд*

(*автомобили* ***секонд-хенд***) и *секонд-хэндовский* (*крепдешин*, *движок*, *шарм*); *слайд* и *слайдовская* (*пленка*); *стэп* и *стэповый* (*танец*); *спам* и *спамовский* (*софт*, *мусор*), *спамовый* (*кризис*); *тизер* ‘рекламное объявление о фильме’ и *тизерный* (*ролик*); *триал* ‘один из экспериментальных видов спорта – езда на велосипеде по специально загроможденной трассе’ [4] и *триаловский*; *факс* и *факсный* (*рулон*), *факсовая* (*бумага*); *флеш* и *флешевый*; *экшн* и *экшеновский* и др.

Такие факторы, как отсутствие суффиксального относительного прилагательного или его редкая употребительность, безусловно, закрепляют позиции существительных, выступающих в адъективной функции. Однако во многих случаях и при широкой употребительности соотносительного изменяемого прилагательного существительное, послужившее для него базой, активно используется в атрибутивной функции [3].

По мнению Ю.В. Рощиной, аналиты «все активнее подменяют самые обычные, склоняемые прилагательные» [12. С. 239]. Следует отметить, что в некоторых случаях «замена» просто необходима, т. к. относительное прилагательное, образованное от существительного, расходится по значению с аналитом, полностью ему не соответствует. Например, невозможно заменить относительным прилагательным аналиты в сочетаниях ***клип***-*антракт* (ср. **клиповый антракт* и *клиповое сознание*), ***документ***-*центр* (ср. **документальный центр* и *документальный фильм*), ***конкурс***-*шоу* (ср. **конкурсное шоу* и *конкурсная программа*; *конкурс-шоу* скорее можно заменить на *шоу конкурсов*) и др.

Наконец, относительное прилагательное, производное от существительного, может быть неблагозвучным, «тяжеловесным», что также, очевидно, создает условия для предпочтения аналита. На наш взгляд, это замечание относится к дериватам слова *Интернет – интернетовский / интернетский*. Для удобства произношения, для краткости чаще используется в качестве прилагательного слово *Интернет- / интернет-*; оно встретилось нам в сочетании с 30-ю существительными, например такими, как *адрес, альбом, дневник, жанр, журнал, индустрия, карточка, программа, реклама, рынок, услуга* и др.

Полифункциональные слова и аналит-конструкции. Возможность использования ПС в качестве аналитического прилагательного зачастую определяется наличием в языке уже

устоявшейся модели, определенной схемы построения сочетания «ПС + существительное». Например, появившиеся в русской речи на рубеже веков сочетания *допинг-контроль* (суффиксальное прилагательное от слова *допинг,* по данным «Integrum», также частотно, в особенности в сочетании *допинговый скандал*), *фейс-контроль, фуд-контроль* «задали» ставшую достаточно востребованной модель на базе слова *контроль,* см.: *бэби-контроль, климат-контроль, секс-контроль*.

Весьма распространенными являются модели с определяемыми существительным *шоу*, *клуб*, *менеджер* и др. Эти модели не имеют (или почти не имеют) конкуренции с моделью «изменяемое прилагательное + существительное», они легко «заполняются» подходящими по смыслу существительными, у многих из которых, кстати, возможность к образованию производного прилагательного оказывается нереализованной (*боулинг, дансинг, лего, кэш, тур, сейл* и др.). Отсюда *боулинг-клуб, лего-клуб, дансинг-клуб* и под.

Подчеркнем, что эти и другие аналит-конструкции по сравнению с атрибутивной конструкцией «изменяемое прилагательное + существительное» имеют для говорящих такое преимущество, как краткость.

В высокой степени распространенности аналит-конструкций играет значительную роль фактор моды (см. об этом [13. С. 274]). Если в роли аналита выступает «звучное», престижное иноязычие, «ключевое слово эпохи», сочетания с ним буквально тиражируются в современной речи; они активно используются для номинации коммерческих объектов, в качестве коммерческого имени и под. Наметилась тенденция использовать данную конструкцию для создания лингвистических терминов, см., к примеру, встретившиеся нам в научных текстах *интернет-стилистика, бизнес-сленг, дискурс-анализ, пиджин-ситуация* и др.

Относительная новизна аналит-конструкций вызывает у говорящих ассоциации с иностранным, «чужим» – не случайно в роли аналита чаще всего выступает иноязычное слово. Практически каждое новое заимствованное существительное включается в состав аналит-конструкции, за счет чего расширяется состав полифункциональных слов в русском языке. База «Integrum» подтверждает нашу гипотезу. См., например: *попкорн автомат, файл-сервер, ноу-хау центр, спрей-уход, экшн-звезда, офис-интерьер,*

хай-тек изделия, бэби-крем, автомобили секонд-хэнд, игры экшн, кухня фьюжн, обои хай-фай, оупенэйр-уикенд, фешн-бизнес, кастинг-зал, снэк-бар, топлес-пляж и др. Отметим, однако, что если новые номинации создаются в живой разговорной речи, в том числе электронной (в неформальном сетевом общении), аналит-конструкции не используются [14. С. 189–192]. Но это наблюдение уже выходит за рамки эмпирической базы «Integrum».

Библиографический список

1. Integrum: точные методы и гуманитарные науки / Ред.-сост. Г. Никипорец-Танигава. М.: Летний сад, 2006. 430 с.
2. Маринова Е.В. Проблемы отечественной неологии. Материалы к спецкурсу. Н. Новгород: ННГУ, 2003. 70 с.
3. Маринова Е.В. Вопрос об аналитических прилагательных в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4. Ч. 2. С. 628–630.
4. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998. 1536 с.
5. Бениньи В. Аналитические прилагательные. Распространение иноязычной модели «определяющее существительное + определяемое существительное» // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 117–125.
6. Голанова Е.И. «Точки роста» в системе современного словообразования. Современный русский язык. Система – норма – узус. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 261–272.
7. Mustonen L. Латинские *инкрустации* в русской печатной речи новейшего времени // Studia Slavica Finlandensia. T. XIV. Helsinki, 1997. С. 90–120.
8. Маринова Е.В. Латиница в русском письме: проблема графического заимствования // Жизнь языка: памяти М.В. Панова / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 323–334.
9. Наумова И.О. О звукозрительных сочетаниях метафорической ткани языка моды (на материале русского и английского языков) // Слово в словаре и дискурсе. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 649–654.
10. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Язык русской культуры, 2000. 480 с.

11. НСЗ-90: Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. // Под ред. Т.Н. Буцевой. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2009. Т. I (А−К).

12. Рощина Ю.В. Закономерности функционирования различных типов аналитических прилагательных в современном русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Междунар. конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 239–240.

13. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999. 319 с.

14. Маринова Е.В. Аналит-конструкции в литературном языке и субстандарте // Социальные варианты языка – VII: Материалы междунар. науч. конф. 14–15 апреля 2011 г. Н. Новгород: НГЛУ, 2011. С. 189–192.

Сведения об авторе

Маринова Елена Вячеславовна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры современного русского языка
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского
E-mail: marinova@list.ru

УДК 811:111:004.738.5

КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТОВ НА ПРЕДМЕТНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ АНГЛИЙСКОМ ЛИНГВА ФРАНКА

К.А. Мележик

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

В статье рассматриваются вопросы функционирования культурно-специфических реалий (КСР) в интернет-коммуникации студентов на предметно-ориентированном английском лингва франка (ПОАЛФ). На материале выборки из интернет-блогов студентов Крымского федерального университета выявляется вариативность эксплицитных англоязычных КСР, используемых пользователями ПОАЛФ. Предлагается новая трактовка феномена КСР в межнациональной коммуникации, где происходит трансферация не отдельных англоязычных КСР, а того сектора англоязычной реальности, в котором протекает коммуникативная деятельность.

Ключевые слова: предметно-ориентированный английский лингва франка, межкультурная компетенция, культурно-специфические реалии, студенческое сообщество, интернет-блоги.

Culture-Specific Realia in English-Speaking Online Communication of Russian Students

Karina Melezhik

The article discusses culture-specific realia (CSR) in the process of internalization of domain-oriented English lingua franca (DOELF) by non-native speakers. It claims that the cultural component of ELF communication is formed in the process of secondary socialization of non-native speakers, including acquisition of English CSRs as an instrument of socialization. The author offers a new interpretation of CSRs, based on samples selected from Internet blogs of Crimea Federal University students. It is argued, that, firstly, there is double transference of CSRs: from American English into international English, and then from international English into DOELF and national languages of non-native speakers. Secondly, extra-linguistic contents of the contacts of global English with national languages are distinctive in that the transference of linguacultural phenomena doesn't mean borrowing separate CSRs but, rather, accommodating entire sectors of the global English-language reality covering various areas of human activity.

Key words: domain-oriented English lingua franca, transcultural competence, culture-specific realia, student community, Internet blogs.

Контактный английский язык (далее – АЯ) межнациональной коммуникации – это инструмент, позволяющий ощутить свою принадлежность к общемировому сообществу, активно участвовать в его повседневной жизни и получать необходимую информацию, причем эта роль АЯ как средства международного общения в

различных сферах продолжает усиливаться [1. С. 84]. Как отмечает А. Пенникук, межнациональная коммуникация представляет собой пространство, в котором АЯ постоянно воспроизводится и получает новую энергию посредством экспрессивной изобретательности коммуникантов в изменяющихся условиях речевого взаимодействия. Вследствие этого перспектива трансформации английского как лингва франка (далее – АЛФ) в общем процессе глобализации заключается не в появлении и закреплении каких-либо гомогенных норм языка, а, наоборот, в расширении диапазона транскультурных процессов (*transcultural flows*), в результате влияния которых расширяется и вариативность языковых средств [2. P. 169].

Транскультура понимается здесь, вслед за М. Эпштейном, как новая сфера культурного развития за пределами сложившихся национальных, гендерных, профессиональных и т. д. культур. Транскультура преодолевает замкнутость их традиций, автоматизмов, языковых и ценностных детерминаций и раздвигает поле «надкультурного» творчества [3. P. 25]. В рамках транскультуры АЛФ проявляется экспрессивность новизны, которая, в частности, находит свое выражение через проникновение англоязычных номинаций культурных реалий, расширяющих языковую компетенцию участников межнациональной коммуникации.

Содержание коммуникативной компетенции студентов, использующих АЯ в качестве контактного языка, рассматривается как совокупность представлений о языке, формулируемых его пользователями для обоснования своего выбора структур и единиц языка, выражение коллективных представлений о роли языка в социальном опыте членов данного сообщества; как культурная система лингвистических отношений, осложненных морально-политическими интересами; и, наконец, как общественно согласованный набор разделяемых понятий о природе языка [4. P. 57].

Контактный АЯ межнациональной коммуникации отдельного сообщества – это всегда предметно-ориентированный английский лингва франка (далее – ПОАЛФ), предметная ориентация которого может определяться как специализированная область социально-культурного, экономического, политического и т. п. разнообразия современного общества. Прагматический аспект ПОАЛФ какого-либо национального сообщества заключается в том, что он выполняет функцию инструмента интернационализации и вторичной

социализации в ситуациях возможных контактов с представителями других исходных языков. По нашим наблюдениям, именно такой цели служит ПОАЛФ, функционирующий в студенческом сообществе Крымского федерального университета.

Прагматические нормы ПОАЛФ подвержены культурной концептуализации в ситуациях языковых контактов, поскольку, если использовать формулировку В.В. Кабакчи, «межкультурноязыковой контакт... представляет собой пересечение кругов двух лингвокультур» [5. С. 53]. Как утверждает турецкий исследователь Дж. Алптекин, контактный АЯ межнационального общения вербализует три вида культур: первичную культуру конкретного сообщества коммуникантов, интернациональную культуру (в бизнесе, академической сфере, Интернете, сфере обслуживания, деловой переписке и проч.) и базисную культуру носителей английского языка [6. P. 7–8].

В рамках студенческого сообщества значимой частью формирования лингвокультурного компонента ПОАЛФ является овладение арсеналом англоязычных культурно-специфических реалий (далее – КСР) как инструментом социализации в процессе виртуальной межнациональной коммуникации в интернет-пространстве.

Актуальность статьи определяется недостаточной разработкой вопросов интернализации англоязычных КСР в студенческой интернет-коммуникации. В частности, представляет интерес выявление тематической направленности КСР на материале выборки из студенческих интернет-блогов *Russia Language Exchange – Russian Language Partners* [7]. Для этого необходимо, во-первых, предложить новую трактовку феномена КСР и, во-вторых, очертить тематический репертуар англоязычных КСР, используемых студентами в интернет-коммуникации.

Культурно-специфическими реалиями, или культуронимами, В.В. Кабакчи называет наименования элементов любых культур независимо от конкретного языка [8. С. 132]. Поскольку наименования элементов культуры исходного языка входят в словарный состав языка-реципиента, их относят к области заимствований, в числе которых рассматривают и англоязычные КСР, или англицизмы [9. С. 3].

Наиболее очевидной причиной потока англицизмов в русском языке является влияние США во многих сферах жизни, когда копируется культура, структура развития экономики, система образования, язык, образ жизни и даже образ мышления. При этом заимствования из американского варианта АЯ символизируют установку на определенную идентификацию с американской культурой и цивилизацией, с жизненным уровнем американцев, их эстетическими представлениями, манерами поведения и общения, которые принимаются за образцы для подражания [9. С. 4].

Соглашаясь в принципе с описанной выше традиционной трактовкой причин распространения англицизмов, которые актуальны не только для русского, но и для других языков-реципиентов, следует отметить, что уникальность современной языковой ситуации определяется не столько влиянием национального (американского) варианта АЯ на другие национальные языки, сколько глобальным воздействием английского как языка-посредника межкультурной и межнациональной коммуникации. Англоязычные культуронимы, первоначально появившиеся как наименования реалий культуры США, превратились в культурно-специфические реалии глобальной англоязычной культуры.

Поскольку предметом нашего исследования является ПОАЛФ, используемый членами студенческого сообщества Крымского федерального университета, единственным постоянно доступным каналом коммуникативной практики, посредством которого все они могут участвовать в межнациональном общении на АЯ, является интернет-коммуникация.

По предложению автора преподаватели, ведущие занятия по АЯ со студентами старших курсов естественно-технических специальностей, предложили им подключиться к сайту *Russia Language Exchange – Russian Language Exchange Partners* [7] и в течение одного месяца принимать участие в Интернет-коммуникации с англоязычными партнерами, которые заинтересованы в знакомстве с русским языком. Были отобраны 100 информантов, которых объединяли четыре фактора: 1) регулярное использование Интернета; 2) достаточно свободное, по оценке их преподавателей, владение АЯ; 3) желание усовершенствовать его путем языкового контакта в интернет-чатах в процессе интенсивного общения; 4) возраст от 20 до

28 лет. Были отобраны информанты, давшие положительные ответы на следующие вопросы:

1. *Do you think you belong to the global English-speaking community*?

2. *Do you agree that there are some language features characterizing this community*?

3. *Would you like to take part in an experiment aimed at pointing out these features*?

Для того чтобы упростить процесс сбора фактического материала, информантам, согласившимся принять участие в опросе, было отправлено сообщение, которое предварялось кратким разъяснением понятия КСР. В течение одного месяца информанты осуществляли коммуникативные сессии с иностранными партнерами, среди которых были как носители АЯ из англоязычных стран, так и владеющие АЯ представители Аргентины, Германии, Греции, Израиля, Индии, Испании, Нигерии, Норвегии, Словении, Турции, Франции, Южной Кореи и некоторых других стран, заинтересованные в знакомстве с русским языком.

По прошествии месяца информантам было предложено отобрать по 20–30 англоязычных лексических единиц, которые оказались наиболее частотными в их интернет-сессиях. С учетом повторений был создан список из 320 лексических единиц. Все они представляют культурно-специфическую лексику, в значении которой культурный компонент выражен эксплицитно, и подразделяются на две группы: 1) национальные КСР и 2) интернациональные КСР, т. е. те, что характерны для молодежной интернет-коммуникации.

Национальные КСР распределяются по следующим тематическим областям: личные имена (например, *President Putin, President Obama, Dostoyevski, Jennifer Lopez, Rihanna),* наименования стран и национальностей (например, *Russia, the USA, English, Russian, German, Japanese),* топонимы (например, *Moscow, Simferopol, Sevastopol, the Volga, the Black Sea*), наименования организаций, событий и явлений (например, *the European Union, Green Peace, Sochi Olympics, global warming*), наименования валют (например, *dollar, euro, rouble*). Как оказалось, в полученном материале количество национально-специфических реалий составляет 20,1 % от всей выборки и ограничивается отдельными личными именами, географическими названиями и реалиями быта. Это позволяет

предположить, что национально-окрашенные КСР не представляют значительный интерес для университетской молодежи.

В англоязычной интернет-коммуникации студентов преобладают социальные КСР (50,5 % от всей выборки), свидетельствующие о таких особенностях их образа жизни, как одежда и внешность (например, *combats, piercing, unisex style, trendsetter*), музыка и развлечения (например, *hip-hop, acid jazz, clubber, freestyler*), спорт (например, *scuba-diving, snow-boarding, wind-surfing, parkour*).

В корпусе социальных КСР наиболее многочисленной оказалась группа культурно-специфической лексики, связанной с работой на компьютере (25 % от всей выборки). Это существительные и глаголы, описывающие разного рода понятия и действия (например, *account, ban, banner, blog, browser, cash, comp, content, domain, drive, driver, guest book, info, interface, mail, message, nick(name), notebook, portal, post, provider, service, site, skype, SMS, spam, subject, target, teaser, Twitter, web-board, webcam, webmaster, web-service, Windows, chat, crack, kick, like, twit, upload).*

Фактически вся эта лексика интернациональная, и информанты отметили, что в русскоязычной коммуникации они постоянно используют такие лексические единицы, как, например, *аплоад* (от англ. *upload*) – загрузка информации на сервер; *Винды* или *Виндовоз* (от англ. *Windows*) – операционная система *Windows*; *ворм* (от англ. *worm*) – компьютерный вирус; *запостить* (от англ. *to post – отправить*) – отправлять сообщение в форуме или на e-mail; *инфо* или *инфошка* (от англ. *information*) – сообщения, сведения; *кеш* (от англ. *cash) – «заначка»,* отложенные «про запас» копии веб-страниц; *коннект* (от англ. *connection*) – связь, соединение; *крак* или *кряк* (от англ. *crack*) – программа, взламывающая другую программу, *крекнуть* или *крякнуть* – взломать программу; *модератор* (от англ. *to moderate* – умерять, сдерживать) – человек, следящий за порядком в форуме и чате; *мылиться* (от англ. *to mail)* – писать электронное письмо, получать почтовый ящик в системе *e-mail*, либо проверить в нем почту; *прога* (от англ. *programme*) – программа; *селлер* (от англ. *seller*) – продавец в интернет-магазине; *серфинг* (от англ. *surfing*) – переход с сайта на сайт в Интернете; *топик* (от англ. *topic*) – тема обсуждения в форуме; *хомяк* (от англ. *home-page)* – распространенное

название для персонального сайта; *чатиться* (от англ. *to chat*) – общаться в чате.

Большинство выделенных лексических единиц представляют собой КСР, типичные для данной сферы общественной практики – коммуникации в Интернете. Соответственно, все информанты составляют виртуальное сообщество, объединенное общими интересами, общим видом деятельности [10. С. 110]. КСР в их коммуникации квалифицируются по лингвофункциональному, а не по лингвогеографическому или национальному признаку, т. е. по своему использованию в конкретных формах массовой межкультурной коммуникации.

Необходимо выдвинуть два базовых положения, на которых основано понимание места и роли англоязычных КСР в интернет-коммуникации студенческого сообщества на ПОАЛФ. Во-первых, в современных глобальных языковых контекстах имеет место двойная трансферация КСР: из национального (американского) варианта АЯ – в глобальный английский язык-посредник межкультурной и межнациональной коммуникации, а из него – практически во все региональные контактные варианты АЯ, а также в национальные языки. Под понятием «трансферация» подразумевается процесс переноса разных языковых элементов из одного языка в другой, который является одним из результатов языковых контактов [11. С. 39].

Главным условием, необходимым для трансферации КСР, является определенная степень билингвизма, ознакомление носителей целевого языка с содержанием исходных КСР и значением их номинаций [11. С. 39]. При этом вторым языком национально-английского билингвизма является АЛФ. Представление о языковой трансферации дает возможность предположить, что переход КСР из национального (американского) варианта АЯ в АЛФ, которым носители какого-либо национального языка пользуются в межкультурной коммуникации, и переход из него в данный национальный язык – это два этапа одного процесса.

Для объяснения изменений, которым подвергаются англоязычные КСР в ПОАЛФ и национальном (в данном случае русском) языке-реципиенте рационально применить понятие речевой аккомодации. Теория речевой аккомодации, разработанная британским психолингвистом Г. Джайлсом в рамках социально-

психологического направления социолингвистики, раскрывает место и роль когнитивных и эмоциональных процессов и явлений в социальной коммуникации. Участники общения приспосабливают свои речевые стили друг к другу с целью получить социальное одобрение слушающего, а также в целях высокой эффективности общения и поддержания положительных межличностных отношений [12].

Аккомодация – это стратегия речевой коммуникации, в результате которой достигается сокращение или, наоборот, увеличение дистанции общения между собеседниками. Обычно аккомодация проявляется в форме конвергенции, при которой участники разговора подстраиваются под акцент, диалектные особенности или другие языковые характеристики собеседника. Она реже встречается в форме дивергенции, когда говорящий старается сделать свой язык более непохожим на язык собеседника, для того чтобы подчеркнуть социальную дистанцию или выразить свое неодобрение [13. С. 20].

Экстралингвистическое содержание контактов глобального АЯ с региональными вариантами АЛФ и национальными языками-реципиентами отличается тем, что происходит трансферация и аккомодация не отдельных англоязычных КСР, а целых секторов глобальной англоязычной реальности. Эти секторы охватывают различные сферы человеческой деятельности, изменяющиеся условия жизни современного общества, социальные отношения и т. п.

Иными словами, это не перенос КСР как наименований элементов национальной культуры (по В.В. Кабакчи) Великобритании и / или США в какой-либо другой национальный язык, т. е. из языка одного национального сообщества в язык другого национального сообщества. Это, скорее, распространение наименований элементов культуры виртуальных сообществ, члены которых отличаются по исходным лингвокультурным и национально-языковым характеристикам.

Такие сообщества объединяются на основе: 1) общих интересов; 2) совместной деятельности в данной области; 3) регулярных языковых контактов, в ходе которых они приобретают и накапливают наборы средств взаимодействия, опыт совместной деятельности и способы решения возникающих проблем. Коммуникативные потребности таких сообществ обслуживаются как АЛФ, так и

социолектами их национальных языков [10. С. 110]. При этом межнациональная коммуникация в таких сообществах ведется на ПОАЛФ и характеризуется стабильным набором наименований элементов, формирующих реальность данной сферы человеческой деятельности, и эти номинации могут переходить из ПОАЛФ этих сообществ в национальные языки их членов. Естественно, что вторичная социализация членов университетского сообщества и интернализации ими АЯ сопровождается усвоением КСР в процессе коммуникативной практики.

Завершая краткий анализ англоязычных КСР, используемых студентами в нтернет-коммуникации, мы приходим к следующим выводам.

1. Англоязычные КСР в интернет-коммуникации студенческого сообщества на ПОАЛФ являются результатом двойной трансферации: из национального АЯ – в глобальный английский язык-посредник, из него – в региональные контактные варианты, включая ПОАЛФ, а также в национальные языки.

2. В молодежной онлайн-коммуникации практически отсутствует трансферация традиционных, национальных англоязычных КСР.

3. Эта культурно-специфическая область характеризуется трансферацией и аккомодацией не отдельных англоязычных КСР, а групп лексических единиц, отражающих целые секторы англоязычной реальности, в которой протекает коммуникативная деятельность студентов.

4. В исследованных нами блогах вербализуется тематический репертуар КСР, отражающий интернациональную культуру конкретного виртуального сообщества, объединяемого на основе разделяемой области интересов, совместной деятельности в данной области и регулярной практики речевого взаимодействия.

5. Представители данного сообщества имеют различные уровни коммуникативной компетенции, различную национально-культурную основу, но используют достаточно стабильный набор КСР в общении как на ПОАЛФ, так и на русском языке.

Выдвинутые положения требуют дальнейшего исследования КСР на материале интернет-коммуникации в других сообществах пользователей.

Библиографический список

1. Филиппова М.М. Английский язык в обучении специалистов по связям с общественностью // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. колл.: В.В. Красных, А.И. Изотов, В.Г. Кульпина. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 84–96.

2. Pennycook A. Global Englishes and Transcultural Flows. L.: Routledge, 2007. 189 p.

3. Berry E., Epstein M. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication. N. Y.: St. Martin's Press, 1999. 338 p.

4. Woolard K., Schieffelin B. Language Ideology // Annual Review of Anthropology. 1994. V. 23. P. 55–82.

5. Кабакчи В.В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб.: СПбГУЭФ, 2007. С. 51–70.

6. Alptekin C. Dual Language Instruction: Multiculturalism through a Lingua Franca // TESOL Symposium on Dual Language Education: Teaching and Learning in Two Languages in the EFL Setting. Virginia, U.S.A: TESOL, 2005. P. 5–11.

7. Russia Language Exchange – Russian Language Partners // Электронный ресурс Интернет:: https://www.mylanguageexchange.com/Search.asp?selCountry=79&selTxtChat=true.

8. Кабакчи В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: Союз, 2001. 480 с.

9. Лукина Я.В. Формирование навыков адекватного понимания англицизмов при обучении иностранных учащихся чтению русских газетно-публицистических текстов: Автореф. дис. … канд. пед. наук. СПб., 2002. 20 с.

10. Мележик К.А. Стратификационная вариативность составляющих языковой ситуации // Социальные аспекты языковой вариативности: Монография / А.Д. Петренко и др. Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2013. С. 72–121.

11. Мала Э. К трансферации английских имен существительных в русский язык // Русский язык в центре Европы. Банска Бистрица: Ассоциация русистов Словакии, 2001. С. 39–44.

12. Giles H. Towards a Theory of a Language in Ethnic Group Relations // Language, Ethnicity and Intergroup Relations / Ed. H. Giles. L.: Academic Press, 1977. P. 307–348.

13. Михальченко В.Ю. Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.

Сведения об авторе

Мележик Карина Алексеевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков № 3
Института иностранной филологии
Таврической академии (СП)
КФУ им. В.И. Вернадского
E-mail: melezhik.karina@yandex.ru

УДК 811.111'373:32

ВАРИАТИВНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ИХ МОДИФИКАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

С.Ю. Павлина

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

Статья посвящена исследованию особенностей семантики фразеологизмов, использующихся в текстах выступлений британских и американских политиков. В ней рассматриваются варианты фразеологических единиц (ФЕ) и формы их трансформаций, такие как расширение, субституция, редукция и контаминация. Трансформации позволяют оживить внутреннюю форму ФЕ, сделать выражение более подходящим для номинации и оценки конкретной политической ситуации.

Ключевые слова: фразеологизм, политический дискурс, вариативность, трансформация, экспрессивность

Variations and Modifications of Idioms in British and American Political Discourse

Svetlana Pavlina

The article investigates some semantic peculiarities of phraseologisms with regard to their functioning in British and American political discourse. It also considers variations and transformations of phraseological units. The latter include expansion, substitution, reduction and blending. Transformations revive metaphors embedded in phraseologisms to fit some specific political context.

Key words: phraseologism, political discourse, variability, transformation, expressiveness.

Как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике фразеологические единицы (ФЕ) исследуются в разных аспектах. Достаточно подробно описано их функционирование в художественных и рекламных текстах, выполнены исследования идиом, употребляемых в научном дискурсе. Однако использование фразеологизмов в политическом дискурсе рассмотрено недостаточно. В то же время даже поверхностное знакомство с текстами речей британских и американских политиков позволяет утверждать, что фразеологические единицы весьма активно применяются ими для оказания речевого воздействия на получателя информации. Какие свойства фразеологизмов делают их столь востребованными? В чем заключаются особенности функционирования фразеологических выражений в англоязычном политическом дискурсе?

Материалом исследования послужили фразеологические единицы, выделенные методом сплошной выборки из текстов выступлений британских и американских политиков 2010–2016 гг.

Основной целью политического дискурса является воздействие на электорат, побуждение слушателей к поддержке отдельного политика или политической партии, которую он представляет. В ходе своих публичных выступлений политики стремятся вызвать резонанс в массовом сознании, их посылы «должны укладываться во “вселенную” мнений и оценок (то есть во все множество внутренних миров) его адресатов, “потребителей” политического дискурса. Поэтому умелый политик оперирует символами, архетипами и ритуалами, созвучными массовому сознанию» [1. С. 43].

Языковым средством, отвечающим данным критериям, являются фразеологизмы. Особенность их семантики заключается в тесной связи с фоновыми знаниями носителей языка, с культурно-историческими традициями. По наблюдению М.Л. Ковшовой, в образе фразеологизмов заложены «те или иные культурные смыслы, хранятся их мотивационные источники» [2. С. 3]. В лингвокультурологических исследованиях речь идет о фразеологизмах, образное основание которых включает многообразие «кодов культур», таких как «природа», «пространственные объекты», «антропоморфный код» и др. [2. С. 3].

Идиомы являются клишированными, а потому легко декодируемыми языковыми единицами. Их узнаваемость является гарантией того, что идеи, выражаемые политиком с помощью фразеологизма, будут понятны массовому получателю информации.

Другим свойством фразеологических единиц, определяющим их вплетение в канву политического дискурса, является присущая им информационная емкость. В ходе идиоматизации происходит компрессия, свертывание информации. По наблюдению Л.В. Молчковой, идиоматизация приводит «к росту нелинейности, приращению смысла в плане содержания и лаконизации средств плана выражения» [3. С. 127].

Иллюстрацией тому может служить высказывание Дональда Трампа в ходе предвыборных теледебатов Клинтон – Трамп 2016 года. Говоря о своем отношении к проблеме притока иммигрантов, Трамп использует фразеологизм *Trojan horse*:

And this is what's caused the great migration, where she's taking in tens of thousands of Syrian refugees, who probably in many cases – not probably, who are definitely... in many cases, ISIS-aligned, and we now have them in our country, and wait until you see – this is going to be the great ***Trojan horse*** [4].

Выражение «троянский конь» позволяет передать смысл в компактной, плотно скрученной форме. За краткой фразой стоит обширный пласт значений, история о том, как цель достигается коварным, обманным путем. Фразеологизм характеризуется яркой образностью, оценочностью и эмотивностью. Сравнивая иммигрантов с троянским конем, Д. Трамп стремится вызвать у избирателей чувство тревоги, явно негативно оценивая скрытую опасность политики «открытых дверей».

Из сказанного вытекает еще одно свойство фразеологических единиц, делающее их эффективным средством речевого воздействия в политической риторике. Этой характеристикой является образность, которая, как правило, сопряжена с оценочностью и эмотивностью. Данное свойство делает фразеологизмы экспрессивными.

Таким образом, можно заключить, что фразеологические вкрапления позволяют политикам донести свою мысль в сжатой, информационно насыщенной и экспрессивной форме, оказывая воздействие на электорат как на рациональном, так и на эмоциональном уровне.

Совершенно очевидно, что воздействующая сила фразеологизма зависит от того, насколько прозрачной является его внутренняя форма. Идиомы, обладающие застывшей, непрозрачной внутренней формой, не воспринимаются как метафорические выражения, а значит, не являются образными и экспрессивными.

Фразеологизмы характеризуются узуальностью, частой повторяемостью в речи разных носителей языка. Для придания привычным выражениям нового звучания, для оживления стертого образа применяются различные трансформации фразеологических единиц. Изменяемость фразеологизмов зависит от степени семантической спаянности компонентов. Если значение фразеологической единицы не выводимо из значений составляющих ее элементов, то трансформация не может быть осуществлена. Л.В. Молчкова объясняет это тем, что «у одних фразеологизмов синтаксическая структура осознается носителями языка и поэтому

может актуализироваться, а у других она не осознается (“заморожена”) и поэтому не может актуализироваться, она “застывает”» [3. С. 126]. Подобные «застывшие» выражения именуются также «синтаксически непроницаемыми» [5].

Структура остается фиксированной, неизменной у немотивированных идиом, фразеологизмы с менее затемненной внутренней формой способны образовывать варианты и могут подвергаться трансформациям различного рода.

Единого мнения относительно того, что следует считать трансформацией идиомы, или ее вариантом, в лингвистической литературе не существует. Так, А.А. Степанова понимает под вариантами фразеологизмов все видоизменения, не нарушающие смысла и соответствующие узусу. Трансформации трактуются автором как определенный подтип вариативности [6. С. 6] Однако данная интерпретация вариантов идиом представляется слишком широкой. Более четко разграничение между созданием вариантов фразеологических единиц (ФЕ) и их модификациями проводится в работах А.П. Коуи. Автор отмечает, что определенные компоненты фразеологизмов допускают варьирование в рамках фразеологической системы. Это означает, что варианты ФЕ имеют общий семантический маркер, они, как правило, закреплены в словарях, а значит, являются конвенциональными. Их следует отличать от «творческих модификаций идиом», применяемых отдельными авторами для достижения определенного стилистического эффекта [7. P. 130]. Исходя из этого можно заключить, что варианты и трансформации отличаются прежде всего степенью конвенциональности.

Рассмотрим фразеологизмы, употребленные Х. Клинтон и Д. Трампом в ходе предвыборных теледебатов 2016 года:

I believe in building safe zone, I believe in having other people pay for them, as an example the [Arabian] Gulf states who are not ***carrying their weight*** *but they have nothing but money and take care of people* [8].

We, by no means, are ***carrying*** *anywhere near* ***the load*** *that Europe and others are* [8].

Поскольку выражения *to carry the weight* и *to carry the load* обладают семантической общностью и закреплены в словарях, их следует рассматривать как варианты ФЕ, или – в терминах А.П. Коуи – как «системные варианты», компоненты которых

(в данном случае *weight* и *load*) являются «контекстуальными синонимами» [7. P. 130].

Анализ материала показывает, что существенная часть фразеологизмов, используемых в англоязычном политическом дискурсе, претерпевает модификации. А.А. Степанова выделяет три формы фразеологизмов: каноническую, трансформированную и редуцированную. Под трансформацией автор понимает изменение канонической формы ФЕ, под редукцией – сокращение компонентного состава [6. С. 6]. Однако более логичным представляется рассматрение редукции как одного из видов трансформации. В данной работе термины «модификация» и «трансформация» являются взаимозаменяемыми.

Анализ фразеологизмов выборки, которые претерпели авторские, оригинальные модификации, позволяет выделить следующие классы трансформаций: субституция, редукция, расширение и контаминация.

Наибольшее распространение в англоязычном политическом дискурсе получает такой вид трансформации ФЕ, как *расширение*.

Как показывает материал выборки, расширение фразеологизмов может осуществляться за счет следующих элементов.

- Препозитивное определение

Their view is that if Scotland left the UK then yes, that would be sad, but we could just ***wave them a <u>wistful</u> goodbye*** *and carry on as normal* [9].

В данном отрывке из речи по поводу референдума о независимости Шотландии Камерон использует выражение *to wave goodbye* («распрощаться с чем-то»), расширив его за счет прилагательного *wistful* («грустный, тоскливый»). Таким образом, обыгрывая прямое и переносное значение выражения, политик передает свое отношение к возможному отделению Шотландии.

- Постпозитивное определение

So let's ***put ourselves in the shoes of young black and Latino men and women*** *who face the effects of systemic racism, and are made to feel like their lives are disposable. Let's* ***put ourselves in the shoes of police officers****, kissing their kids and spouses goodbye every day and heading off to do a dangerous and necessary job* [10].

В речи на съезде Демократической партии Х. Клинтон говорит о конфликтах на расовой почве, призывая с пониманием отнестись к позиции каждой из сторон. Политик употребляет выражение

to put oneself in smb's shoes («поставить себя на чье-либо место»), применяя расширение, которое включает информацию о конфликтующих сторонах, нуждающихся в понимании.

- Обстоятельство

…*and yes – we'll be* ***back in the black****…but only if Conservatives are back in Government* [11].

Фразеологизм *to be in the black* («не иметь долгов, иметь положительный баланс») расширяется при помощи наречия *back*, которое далее обыгрывается Камероном в *to be back in Government*. Таким образом, на основе расширения ФЕ строится предвыборный лозунг консерваторов.

Еще одним видом модификации ФЕ является *субституция*, под которой понимается замена одного или нескольких компонентов высказывания при сохранении синтаксической модели. В ходе дебатов с Найджелом Фараджем лидер либеральных демократов Ник Клегг высказал свое мнение о выходе Великобритании из ЕС с помощью метафорического выражения *Billy No Mates*:

If you do what Nigel Farage recommends and you isolate Britain, sort of ***Billy-No-Mates Britain*** *– well it will be worse than that – it will be* ***Billy-No-Jobs Britain****, a* ***Billy-No-Influence Britain*** [12].

Фразеологизм *Billy No Mates* означает человека, не имеющего друзей. Данное высказывание имеет негативную оценочность, что в дальнейшем обыгрывается политиком при построении градации на основе субституции. Компонент *mates* замещается на *jobs* и далее на *influence*. Таким образом, трансформация фразеологизма позволяет автору в лаконичной и образной форме обозначить печальные перспективы дезинтеграции с Европой, имплицитно выразить собственную оценку данного процесса.

Анализ материала показал, что такой вид трансформации ФЕ, как *редукция,* не является распространенным в исследуемом политическом дискурсе. Были выделены лишь единичные случаи сокращения компонентного состава фразеологических выражений. Так, Дэвид Камерон в период предвыборной кампании 2015 года говорил о необходимости экономии бюджетных средств, используя канонический фразеологизм *to put aside money for a rainy day*:

We want to make sure that we do ***put aside money for a rainy day*** [13].

В дальнейшем, поднимая вопрос борьбы с бедностью, Камерон предложил людям с низким доходом откладывать сбережения на черный день, выразив эту мысль при помощи редуцированной формы приведенного ранее выражения:

We intend to bring forward a 'help to save' scheme to encourage those on low incomes to build up ***a rainy day fund****, and full details of this scheme will be announced at the Budget* [14].

Наименьшее распространение получает вид трансформации, именуемый в данной работе *контаминацией*. К данному классу относятся фразеологизмы, образованные путем наложения, слияния двух выражений.

I ***have a pulse to the ground****. I think I know what's wrong with the country, and I think I've been able to portray that in a way that people agree with* [15].

Высказывание *to have a pulse to the ground* образовано в результате наложения двух идиом: *have one's finger on the pulse* («держать руку на пульсе» – быть в курсе событий) и *have one's ear to the ground* («приложиться ухом к земле» – пристально следить за происходящим).

Фразеологизмы, созданные путем контаминации, могут рассматриваться как особый вид языковой игры, когда образы двух идиом остроумно совмещаются в единое целое. Рассмотрим в качестве примера высказывание политика-демократа Энн Ричардс о Джордже Буше – младшем:

Poor George, he can't help it. He ***was born with a silver foot in his mouth****.* [16].

В данном случае обыгрывается значение двух идиом: *to be born with a silver spoon in one's mouth* («родиться с серебряной ложкой во рту» – унаследовать высокий социальный статус, родиться в богатой семье) и *put a foot in one's mouth* («положить ногу в рот» – сморозить глупость). Выражение, полученное в результате слияния двух фразеологизмов, создается автором намеренно и является чрезвычайно выразительным.

В ряде случаев подобного рода трансформации являются непреднамеренными, они получают в лингвистической литературе наименование «дефектных». Однако непреднамеренность создания контаминаций ни в коей мере не снижает степень их экспрессивности.

Суммируя сказанное, следует отметить, что фразеологизмы получают распространение в политическом дискурсе в силу особенностей своей семантики. В них заключены символы, созвучные массовому сознанию, поэтому фразеологизмы легко декодируются получателями информации. Кроме того, им присуща информационная емкость: каждая фразеологическая единица содержит большой объем информации, которая свернута и компактно упакована в одном выражении. И наконец, значение ФЕ характеризуется образностью, оценочностью и эмотивностью, что позволяет политикам при помощи фразеологизмов оказывать речевое воздействие не только на рациональном, но и на эмоциональном уровне. В политическом дискурсе фразеологизмы часто употребляются в трансформированном виде, что позволяет оживить их внутреннюю форму, заставить стершуюся метафору заиграть новыми гранями. Основными видами трансформаций являются расширение и субституция. Меньшее распространение получают редукция и контаминация. Модифицируя фразеологические выражения, политики встраивают их в политическую канву исходя их конкретной ситуации, тем самым они добиваются высокой степени экспрессивности высказывания.

Библиографический список

1. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. Вып. 1 (24). 2008. С. 43–48.

2. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокульторогический аспект): Автореф. дис. … д-ра. филол. наук. М., 2009. 48 с.

3. Молчкова Л.В. Идиоматизация как способ компрессии информации // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С 124–128.

4. The Final Trump – Clinton Debate // Электронный ресурс Интернет: https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/10/19/the-final-trump-clinton-debate-transcript-annotated/?utm_term=.f6ddf0c6d70c.

5. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 51–64.

6. Степанова А.А. Фразеологические единицы: их редукции и трансформации: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2010. 22 с.

7. Cowie A. Phraseology: Theory, Analysis, and Applications. Oxford: Clarendon Press, 1998. 220 p.

8. The Second Trump – Clinton Debate // Электронный ресурс Интернет: https://www.nytimes.com/2016/10/10/us/politics/transcript-second-debate.html?_r=0.

9. David Cameron's Speech on Scottish Independence // Электронный ресурс Интернет: https://blogs.spectator.co.uk/2014/02/david-camerons-speech-on-scottish-independence-full-text-and-audio/.

10. Hillary Clinton's DNC Speech // Электронный ресурс Интернет: https://www.nytimes.com/2016/07/29/us/politics/hillary-clinton-dnc-transcript.html.

11. David Cameron Manifesto Speech // Электронный ресурс Интернет: http://www.politics.co.uk/comment-analysis/2015/04/14/david-cameron-manifesto-speech-in-full.

12. Nick Clegg vs Nigel Farage, Europe Debate 2 (02.04.14) // Электронный ресурс Интернет: https://www.youtube.com/watch?v=fd9rsmD4HiM.

13. David Cameron's Conservative Conference Speech // Электронный ресурс Интернет: http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=360.

14. David Cameron's Speech on Life Chances // Электронный ресурс Интернет: https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-speech-on-life-chances.

15. Who Advises Candidate Trump? // Электронный ресурс Интернет: https://www.nytimes.com/2015/07/20/us/politics/trump-refuses-to-apologize-for-comments-on-mccains-service.html?_r=0.

16. Ann Richards vs George W. Bush TX Gov Debate // Электронный ресурс Интернет: https://www.youtube.com/watch?v=k0yvLneDHpA.

Сведения об авторе

Павлина Светлана Юрьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
английского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: Pavlina.Svetlana@mail.ru

УДК 811.112.2'373

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕНСИВНОСТИ ДЕЙСТВИЯ

Н.Н. Прокопьева

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

В статье рассматривается проблема изучения семантики фразеологических единиц, в частности их внутренней формы как важнейшего компонента фразеологического значения. С помощью метода моделирования исследуется образная составляющая плана содержания немецких фразеологизмов со значением интенсивности действия, выявляются основные модели данных фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, внутренняя форма, модель, речевое действие, интенсивность.

The Image Component of German Phraseological Units with the Meaning of Intensity of Action

Nadezhda Prokopyeva

This paper considers the semantics of phraseological units, focusing on the image component as an essential component of phraseological meaning. Using the method of modelling, the author analyzes German idioms with the meaning of intensity of action and identifies the primary models of these idioms.

Key words: phraseological unit, semantics, image component, model, speech act, intensity.

Как неоднократно отмечалось исследователями фразеологического фонда различных языков, особое внимание при изучении проблем фразеологии следует уделять анализу семантики фразеологических единиц, поскольку фразеологизация языковых выражений связана, прежде всего, с семантической трансформацией исходных переменных словесных комплексов. Специфика фразеологического значения определяется, по мнению ученых, целым рядом факторов, в том числе языковой картиной мира, ассоциативным комплексом, типом смысловой мотивации и т. п.; следовательно, «для полного представления механизма идиомообразования необходимо представить в описании многочисленные имплицитные моменты, напрямую не выраженные в структуре фразеологизма, но обязательно подразумеваемые в образе идиомы» [1. С. 57].

На особую значимость образной составляющей фразеологических единиц неоднократно указывали ведущие специалисты, занимающиеся изучением фразеологии, поскольку, по их мнению, внутренняя форма определяет не только семантические особенности, но и синтаксические, стилистические и прагматические характеристики фразеологизмов. Так, Л.М. Золотова видит особую роль внутренней формы в том, что «она создает богатый мотивирующий подтекст, благодаря которому формируется не только концептуальное значение фразеологических единиц, но, что особенно важно, коннотация, служащая отличительной чертой фразеологизмов, – то, ради чего и создаются эти гиперсемантизированные знаки» [2. С. 10]. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский подчеркивают, что «образная составляющая слов и фразеологизмов… позволяет предсказать набор их актуальных значений, а также некоторые черты семантики этих значений. Образ в этом случае действует как когнитивная схема – структура знаний, содержащая в свернутом виде опыт взаимодействия человека с окружающим миром» [3. С. 25]. Поэтому выявление типичных способов взаимодействия образа и актуального значения фразеологизмов ученые считают одним из важнейших направлений исследований.

Объектом рассмотрения в данной статье является группа немецких фразеологизмов с семантикой интенсивности действия, объединенных некоторой общностью значения, а именно называющих речевые действия. Данная группа насчитывает 37 фразеологических единиц, отобранных методом сплошной выборки из «Немецко-русского фразеологического словаря» Л.Э. Биновича, Н.Н. Гришина, а также из «Словаря немецкой идиоматики», изданного в серии «Duden» под редакцией Г. Дроздовски. Цель исследования заключается в изучении способов реализации семы «интенсивность действия» в актуальном значении немецких фразеологических единиц, обозначающих речевые действия, методом моделирования их внутренней формы.

Очевидно, что, как и у слов, внутренняя форма фразеологизмов не всегда достаточно четко осознается носителями языка. Тем не менее, исследователи подчеркивают, что «в сфере идиоматики процент единиц с живой образной составляющей значительно выше» [4. С. 36]. Внутренняя форма наиболее четко фиксируется у

идиоматических выражений, возникших на базе свободных словосочетаний, которые существуют в данном языке наряду с эквивалентными им по составу фразеологизмами. При наложении фразеологических единиц на подобные им в плане выражения свободные словосочетания достаточно ясно выявляется как внутренняя форма фразеологизма, так и его актуальное значение (ср.: *подливать масло в огонь, шито белыми нитками* и т. п.), как правило, существенно различающиеся, благодаря чему образуется эффективное и яркое средство языкового выражения. Яркость и выразительность фразеологических единиц обусловливают их употребление в тех случаях, когда у говорящих возникает особая потребность в использовании таких языковых средств, которые оптимально подходят для реализации специфических речевых интенций коммуникантов, например для усиления перлокутивного эффекта высказывания. К таким языковым средствам относятся и фразеологизмы с семантикой интенсивности действия.

Известно, что категориальное значение действия является прерогативой глагола, как и выражение интенсивности действия, для чего язык, как правило, располагает синонимическими лексемами со схожими денотативными значениями, отличающимся семой интенсивности, ср. в немецком языке *laufen – rennen, arbeiten – schuften, weinen – heulen* и т. д. Аналогичное значение могут выражать также глаголы в сочетании с наречиями, имеющими усилительное значение (например, *schnell laufen*), или в паре с существительными (например, *ohne Ablass reden*). Однако особый интерес представляют фразеологические единицы со значением интенсивности действия, которые благодаря комплексному характеру семантики и своей образности не просто называют соответствующие действия, но являются эмоционально-экспрессивными средствами номинации, что и определяет их уникальность и прагматическую значимость. Особого внимания заслуживает вопрос о том, каким образом в плане содержания фразеологической единицы формируется и реализуется семантический компонент «интенсивность действия». Представляется, что с помощью анализа образной составляющей таких фразеологизмов можно попытаться ответить на этот вопрос.

Немецкий язык располагает богатой фразеологической системой, характеризующейся как структурным, так и семантическим и тематическим разнообразием. Устойчивые словесные комплексы,

называющие речевые действия, образуют одну из уникальных микросистем в немецком фразеологическом фонде. Сюда относятся как фразеологизированные сочетания (по классификации И.И. Чернышевой), например *ein Bekenntnis ablegen* (*einen Eid ablegen*, *ein Zeugnis ablegen*), *Bericht abstatten* (*j-m seinen Dank abstatten*), характеризующиеся серийностью образования, так и собственно фразеологические единицы: *ohne Punkt und Komma reden*, *j-n mit leeren Worten abspeisen*, *ach und weh schreien* и т. п. Подобно фразеологизмам других тематических групп, они могут не просто называть разнообразные речевые действия, но и указывать на их интенсивность, создавая эффект гиперболизации. Заметим, что интенсивность речевого действия может относиться к его различным аспектам – таким как громкость, длительность, многословность, частота выполнения и т. д. Это представляется важным для определения корпуса фразеологических единиц, подлежащих рассмотрению: в него включены те фразеологизмы, в толковании значения которых встречаются семантические компоненты *viel* «много», *sehr* (*sehr laut*) «очень» («очень громко»), *pausenlos* «без остановки», *heftig* «сильно» и т. п. Как известно, подобно словам, фразеологические единицы способны образовывать синонимические пары и даже синонимические ряды. Тем более важной задачей представляется выявление своеобразия внутренней формы синонимичных фразеологизмов, поскольку при сходстве актуального значения они, тем не менее, зачастую отличаются лежащими в их основе образами, что может предопределять и разницу в их стилистических характеристиках, возможностях их дискурсивного употребления и т. п.

Способ указания на актуальное значение, фиксированный во внутренней форме фразеологизма, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский называют моделью внутренней формы [3. С. 23]. Ученые рассматривают целый ряд моделей как метонимического, так и метафорического характера, посредством которых можно описать внутреннюю форму идиом. Так, для выражения семантики интенсивности речевого действия достаточно эффективной представляется модель множества, которая характеризуется тем, что актуальное значение соответствующей фразеологической единицы формируется путем указания на множество определенных элементов, например: *mit <u>tausend</u> Zungen reden*. Данная модель может

реализовываться и с использованием отрицания, когда указание на отсутствие каких-либо элементов некоторого множества подчеркивает интенсивный характер (в рассматриваемом примере воспринимаемый как безостановочность) речевого действия: *ohne Punkt und Komma reden*.

Как и во многих языках, в немецкой фразеологии широко представлена и модель эксплицитного сравнения. Специфика значения устойчивых сравнительных конструкций, как правило, и заключается в том, что с помощью сравнения в образной составляющей семантики таких идиом реализуется интенция интенсификации признака или действия: *frisch wie der junge Morgen, schlafen wie ein Bär, fressen wie ein Scheunendrescher*. Весьма распространена данная модель и среди фразеологизмов, обозначающих речевые действия: *reden wie ein Wasserfall, schimpfen wie ein Rohrspatz, schreien wie ein gestochenes Schwein*.

Однако чаще при исследовании семантического аспекта фразеологии метод моделирования фразеологического значения используется в несколько ином плане. Предложенный А.Д. Райхштейном метод фразообразовательного моделирования предполагает «установление типичных корреляций между семантическими инвариантами трех типов, т. е. между компонентными, ситуационными и фразеосемантическими инвариантами» [5. С. 66]. Учитывая, что эти корреляции могут быть установлены на различных уровнях абстракции, Д.О. Добровольский предлагает выделять макро- и микромодели, понимая под ними ситуационно-сценарные и компонентные инварианты, лежащие в основе актуального значения определенных групп фразеологизмов [6. С. 108]. Исследование методом моделирования фразеологических единиц, называющих речевые действия, показало, что их актуальное значение, включающее сему интенсивности действия, формируется на основе следующих макро- и микромоделей (ситуационно-сценарных и компонентных инвариантов соответственно).

1. Макромодель «наносить ущерб кому-либо / чему-либо»

Микромодели: 1.1. «утратить какой-либо орган»: *sich den Hals ausschreien, sich die Seele aus dem Leib schreien*; 1.2. «лишить другого какого-либо органа»: *j-m die Seele aus dem Leib fragen*; 1.3. «нанести травму другому»: *j-m ein Loch in den Bauch fragen*; 1.4. «нанести ущерб окружающей среде»: *das Blau vom Himmel herunterreden*.

2. Макромодель «снабжать кого-либо чем-либо»

Микромодели: 2.1. «наполнить что-либо чем-либо»: *j-m die Hucke voll lügen, j-m die Ohren voll blasen*; 2.2. «снабжать кого-либо чем-либо в большом количестве»: *j-n mit Lob überschütten*.

3. Макромодель «привести кого-либо в необычное состояние»

Микромодели: 3.1. «превращать кого-л. в одушевленное существо»: *j-n zur Schnecke machen*; 3.2. «раздеть кого-либо»: *j-n aus den Lumpen schütteln*.

4. Макромодель «выполнять действие, используя что-либо в полную силу (в полной мере)»

Микромодели: 4.1. «использовать в полную силу органы речевого аппарата»: *aus dem Hals schreien, aus voller Lunge singen*; 4.2. «полностью использовать какой-либо предмет»: *durch das ganze Abc loben*.

5. Макромодель «выполнять действие, как кто-либо / что-либо».

Данная макромодель представляет особый случай: сюда относятся фразеологизмы, являющиеся устойчивыми сравнениями, которые рассматривались выше, например *reden wie ein Buch, schreien wie am Spieß*.

Таким образом, выявленные в ходе исследования модели, на основе которых формируется фразеологическое значение, отражают некоторые типичные действия, которые выполняет человек в своей повседневной жизни. Опыт практической деятельности человека, закрепленный в языковой картине мира, включает и знание о том, какими способами может быть обеспечена интенсификация действия, а также каковы могут быть результаты соответствующих действий. Так, одним из последствий чрезмерных усилий может стать доведение говорящего или его партнера по коммуникации до определенного (как правило, необычного и неприятного) состояния. Это знание хранится в языковом сознании человека в виде упорядоченных когнитивных схем – своего рода сценариев, находящих свое отражение в различных языковых структурах, в том числе и во фразеологических единицах. Это объясняет существование в различных языках идиоматических выражений с усилительным значением, построенных по аналогичным ситуационно-сценарным моделям, ср.: рус. *спорить до хрипоты*, англ. *talk till / until one is blue in the face*, нем. *sich die Zunge fusselig reden*. Несмотря на разнообразие их компонентного состава, единый образ, лежащий в

основе их фразеологического значения, позволяет четко идентифицировать данные устойчивые сочетания слов как фразеологизмы со значением интенсивности действия.

В заключение следует отметить, что метод фразеологического моделирования представляется весьма важным способом исследования внутренней формы фразеологических единиц, так как с его помощью можно выявить некоторые семантические закономерности процесса фразообразования и описать внутреннюю форму не только отдельных фразеологизмов, но и целых фразеосемантических групп. Широкие возможности открываются при этом как при исследовании фразеологизмов в рамках одного языка, так и при сопоставительном анализе фразеологии разных языков. Единство или сходство внутренней формы при очевидном различии актуального денотативного значения фразеологизмов может указывать на универсальность лежащих в их основе когнитивных схем, отражающих способ восприятия, языковой переработки и фиксации человеческим сознанием окружающей действительности.

Библиографический список

1. Зимин В.И., Ковалевская Л.А. Уяснение механизма идиомообразования // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Международного научного симпозиума 4–6 мая 2009 г. / Отв. ред. В.И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. С. 55–57.

2. Золотова Л.М. К проблеме семантической мотивированности фразеологизмов: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1978. 23 с.

3. Баранов А.Н, Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–34.

4. Баранов А.Н, Добровольский Д.О. Внутренняя форма идиом и проблема толкования // Известия АН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 1. С. 36–44.

5. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980. 143 с.

6. Современная фразеология: тенденции и инновации: Монография / Н.Ф. Алефиренко, В.И. Зимин, А.П. Василенко, Т.Н. Федуленкова, Д.О. Добровольский, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко / Отв. ред. А.П. Василенко. М. – СПб. – Брянск: Новый проект, 2016. 200 с.

Сведения об авторе

Прокопьева Надежда Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: pro-nadja@yandex.ru

УДК 811.133.1'38:34:821.133.1

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. ПРУСТА «В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ»)

Е.С. Савина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

В статье рассматривается проблема стилистического функционирования юридической терминологии в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени». Были выделены и проанализированы различные юридические термины, как отдельные, так и относящиеся к конкретным отраслям права, а также являющиеся частью общеправовой лексики, в составе стилистических фигур, прежде всего образных сравнений и метафор, которые автор использует для описания ситуаций повседневной жизни, чаще всего для характеристики зарождающейся любви Сванна к Одетте.

Ключевые слова: метафоры, образные сравнения, стилистические фигуры, юридическая лексика, юридическая терминология.

Stylistic Functions of Legal Vocabulary in Fiction (*In Search of Lost Time* by Marcel Proust)

Elena Savina

The article examines the stylistic function of legal vocabulary in Marcel Proust's novel *In Search of Lost Time*, analyzing different legal terms, both isolated and those belonging to specific branches of law, and studying legal vocabulary within stylistic figures, particularly in comparisons and metaphors, used by the author to describe everyday situations, such as the beginning of Swann's love towards Odette.

Key words: metaphors, comparisons, stylistic figures, legal vocabulary, legal terminology.

Некоторые лингвисты описывают юридическую лексику как лексико-семантическое поле, в ядре которого располагаются «специальные однозначные юридические термины, главной функцией которых в контексте является наименование и определение юридических понятий» [1. С. 29]. Нам же ближе точка зрения Ж. Корню, юриста, исследователя юридической терминологии и автора одного из наиболее авторитетных юридических словарей французского языка [2], который считает, что подобная лексика, напротив, не является релевантной для правовой системы, так как отображает скорее маргинальные, второстепенные явления в праве [3. P. 68].

Ж. Корню считает, что, напротив, большая часть юридических терминов употребляется также в общелитературном языке. При этом под общелитературным языком мы будем понимать, вслед за исследователем, «обычное использование общего языка» (« l'usage ordinaire de la langue commune ») [3. P. 11]. Значение, в котором они в нем используются, может совпадать с их специальным значением, но в большинстве случаев речь идет о другом смысле. Чаще всего за счет своей многозначности термин относится как к специальному юридическому, так и к общелитературному языку (« Dans leur immense majorité les termes du vocabulaire juridique ont également un sens dans le langage commun. À la vérité, ce peut être le même. Mais, dans la plupart des cas, il s'agit d'un sens différent. Lorsque cela est, un même terme est, par la pluralité de ces sens, à cheval sur le langage du droit et sur le langage courant ») [3. P. 68].

Ж. Корню предлагает разделять юридическую лексику на юридические термины, имеющие исключительно юридическое значение (« termes d'appartenance juridique exclusive »), и термины, функционирующие как в юридическом подъязыке, так и в общелитературном языке (« termes de double appurtenance ») [3. P. 62]. При этом под юридической терминологией французского языка исследователь понимает «совокупность всех слов французского языка, которые имеют одно или несколько значений в праве» (« Le vocabulaire juridique français est l'ensemble des termes de la langue française qui reçoivent du droit un ou plusieurs sens ») [3. P. 14].

Согласно мнению Ж. Корню, именно термины, относящиеся как к юридическому, так и к общелитературному языку, находятся в центре французской юридической терминологии. Речь идет о таких словах, как *préjudice*, *délit*, *tutelle* и подобные им. Эти термины отражают основные правовые понятия и категории правовой системы. Они понятны носителям языка. Исследователь объясняет данный факт тем, что рассматриваемые основные понятия в общественном сознании несут в себе первоначальные представления, а с точки зрения правового порядка являются «ключами» к праву. Данный факт и объясняет их проникновение в общелитературный язык [3. P. 71].

В связи с этим мы также будем рассматривать в нашем исследовании термины, которые, строго говоря, не являются «исключительно» юридическими. Так, например, существительное *voleur* («вор») фигурирует во «Французско-русском юридическом

словаре» Г.И. Мячковского [4. С. 435], а существительное *vol* («кража»), производным от которого оно является, представлено как во «Французско-русском юридическом словаре» Г.И. Мячковского [4. С. 434], так и в «Юридическом словаре» Ж. Корню [2. P. 971], а в словаре *Trésor de la langue française* оно дается с пометой *droit* [5].

В работе Ж. Корню прослеживается идея, во-первых, о том, что общелитературный язык и юридический подъязык тесно связаны между собой, во-вторых, о том, что взаимоотношения между общеупотребительными словами и специальными юридическими терминами на самом деле сложны и многообразны. Цель нашей работы будет заключаться в изучении стилистического функционирования юридических терминов в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени», поскольку анализ употребления данного пласта лексики ранее не проводился. Тем не менее, его использование в романе важно, поскольку писатель изучал право на юридическом факультете Парижского университета.

Чаще всего юридические термины употребляются М. Прустом в составе образных сравнений и метафор. Автор использует юридические термины в составе данных фигур для описания самых разных аспектов повседневной жизни.

Проблемами классификации и анализа стилистических фигур занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи [6; 7; 8; 9; 10; 11]. Мы в нашем исследовании будем придерживаться точки зрения французского лингвиста Ж. Молинье, который считал, что образное сравнение является основой для создания метафоры [12. P. 213] и что оно отличается от нее лишь по формальным основаниям, в частности наличием сравнительного союза *comme* и других, сходных с ним по значению. В связи с этим мы будем рассматривать образные сравнения и метафоры, созданные на основе юридических терминов, вместе, не противопоставляя их друг другу.

Далее рассмотрим некоторые примеры из второй части романа « Du côté dechez Swann » («В сторону Сванна»), которая называется « Un amour de Swann » («Любовь Сванна»).

В качестве образной части сравнений и метафор в тексте М. Пруста функционируют как отдельные юридические термины, такие как *un certificat* («справка»), наречие *en blanc* («без указания требуемых данных»), *une lettre de crédit* («аккредитив»), *une valeur de change* («меновая стоимость»), *le Président de la République*

(«президент Франции»), *l'air national* («государственный гимн»), *les voleurs* («воры»), так и лексика, обозначающая общеправовые понятия, в частности выражения *l'exercice du droit* («осуществление права»), *la restriction au droit universel de libre circulation* («ограничение всеобщего права на свободное передвижение»), *un acte licite* («законное, правомерное действие»). Для изучения стилистического функционирования данных юридических терминов мы проверили их значение по двуязычным переводным и одноязычным толковым словарям французского языка, как общим, так и специальным [2; 4; 5; 13; 14], а также интернет-ресурсам, чтобы удостовериться в том, что они не используются в переносном значении в стилистических целях в текстах иных жанров, например в рекламных объявлениях.

Ниже рассмотрим отдельные юридические термины.

I. Отдельные юридические термины

В рамках данной группы мы проанализируем употребление таких терминов, как существительное *certificat*, наречие *en blanc*, а также юридической лексики, относящейся к различным отраслям права: конституционному, финансовому, в частности кредитному, а также таможенному и уголовному.

1. *Certificat*

Словосочетание *certificat de vie* толкуется словарем *Trésor de la langue française* как «справка, удостоверяющая существование лица», если речь идет о человеке, получающем рентные или пенсионные платежи. В романе же данное выражение используется для указания на то, что в картинах великих художников Сванна привлекало не только и не столько сходство с тем известным лицом, которое на них было изображено, а, напротив, то, что в них он мог разглядеть определенный прототип «низшего порядка», сходный, например, с его кучером Реми, и именно данный факт и являлся в глазах персонажа неким «сертификатом», указывающим на связь этих картин с реальностью и подтверждающим их жизнеспособность:

<…> Peut-être ayant toujours gardé un remords d'avoir borné sa vie aux relations mondaines, à la conversation, croyait-il trouver une sorte d'indulgent pardon à lui accordé par les grands artistes, dans ce fait qu'ils avaient eux aussi considéré avec plaisir, fait entrer dans leur œuvre, de tels visages qui donnent à celle-ci <u>un singulier certificat de réalité et de vie</u>, une saveur moderne ; peut-être aussi s'était-il tellement laissé gagner

par la frivolité des gens du monde qu'il éprouvait le besoin de trouver dans une œuvre ancienne ces allusions anticipées et rajeunissantes à des noms propres d'aujourd'hui [15. P. 222–223]. (Здесь и далее курсивом мы будем выделять предложение, в составе которого функционирует юридический термин, а непосредственно ближайший контекст – подчеркиванием).

2. *En blanc*

Наречие *en blanc* используется в юридическом подъязыке, когда речь идет о незаполненном документе. В романе же данное выражение употребляется для образного указания на то, что в глазах Сванна Одетта всегда ассоциировалась с самыми прекрасными произведениями искусства, хотя сама и не была красавицей, и он осознавал, что она далеко не «возвышенный идеал». Так, соната Вентейля избавляла Сванна от материальных забот и пробуждала в нем высокие помыслы в общем, не привнося в них ничего конкретного, что и сравнивается с незаполненным бланком документа, в который он словно вписывал имя Одетты:

<…> De sorte que ces parties de l'âme de Swann où la petite phrase avait effacé le souci des intérêts matériels, les considérations humaines et valables pour tous, <u>elle les avait laissées vacantes et en blanc</u>, et il était libre d'y inscrire le nom d'Odette. [15. P. 236].

3. *Lettre de crédit, valeur d'échange*

В начале второй части романа говорится о том, что Сванна больше не интересовали дамы из высшего общества, поскольку он их слишком хорошо знал, но он хотел иметь успех и у женщин более скромного происхождения, и его связи в мире аристократии, которые он использовал для того, чтобы впечатлить последних, сравниваются с аккредитивами и с меновой стоимостью товара:

Mais Swann aimait tellement les femmes, qu'à partir du jour où il avait connu à peu près toutes celles de l'aristocratie et où elles n'avaient plus rien eu à lui apprendre, il n'avait plus tenu à ces lettres de naturalisation, presque des titres de noblesse, que lui avait octroyées le faubourg Saint-Germain, que <u>comme à une sorte de valeur d'échange, de lettre de crédit dénuée de prix en elle-même</u>, mais lui permettant de s'improviser une situation dans tel petit trou de province ou tel milieu obscur de Paris, où la fille du hobereau ou du greffier lui avait semblé jolie. [15. P. 192].

4. *Le Président de la République*

Коттар, который не верит Сванну, когда тот говорит, что он часто ужинает с президентом Франции, сравнивается с солдатом муниципальной гвардии, у которого проходящий мимо человек просит разрешения увидеть президента и который, делая вид, что соглашается, на самом деле отправляет того в отделение психиатрического освидетельствования при префектуре полиции:

« Comment ça, M. Grévy ? vous connaissez M. Grévy ? » dit-il à Swann de l'air stupide et incrédule d'un municipal à qui un inconnu demande à voir le Président de la République et qui, comprenant par ces mots « à qui il a affaire », comme disent les journaux, assure au pauvre dément qu'il va être reçu à l'instant et le dirige sur l'Infirmerie spéciale du Dépôt. [15. P. 216].

5. *L'air national*

Соната Вентейля, которая у Сванна и Одетты ассоциируется с историей их любви, сравнивается с государственным гимном:

<…> À son entrée, tandis que Mme Verdurin montrant des roses qu'il avait envoyées le matin lui disait : « Je vous gronde » et lui indiquait une place à côté d'Odette, le pianiste jouait, pour eux deux, la petite phrase de Vinteuil qui était comme l'air national de leur amour. [15. P. 218].

6. *Douanier*

Когда же Коттар оказывается удовлетворен ответом Сванна, объясняющим факт его близкого знакомства с президентом Франции, он сравнивается с таможенником, который, будучи сначала подозрительным, после объяснений путешественника пропускает его, даже не открывая его чемодан:

« Ah ! bien, bien, ça va bien », dit-il sur le ton d'un douanier, méfiant tout à l'heure, mais qui, après vos explications, vous donne son visa et vous laisse passer sans ouvrir vos malles. [15. P. 216].

7. *Voleurs*

Существительное *voleurs* («воры»), относящееся к области уголовного права, используется для описания ревности, которую Сванн испытывает по отношению к Одетте, когда она сама сравнивается с ларцом с драгоценностями, а прохожие, которые могут увидеть ее в его отсутствие, – с ворами:

<…> Les journées, Swann les passait sans Odette; et par moments il se disait que laisser une aussi jolie femme sortir ainsi seule dans Paris

était aussi imprudent que de poser un écrin plein de bijoux au milieu de la rue. Alors il s'indignait contre tous les passants comme contre autant de voleurs. [15. P. 291].

Далее мы рассмотрим лексику, обозначающую общеправовые понятия.

II. Общеправовая лексика

1. *Exercice du droit*

Словосочетание *l'exercice du droit* используется М. Прустом в следующем контексте для выражения идеи о том, что Сванн не встречался с Одеттой до вечера у Вердюренов, поскольку предпочитал «осуществить право» на возвращение вместе с ней к ней домой после его окончания:

<...> *Et c'était peut-être à cause de cela, pour ne pas lui demander toutes les faveurs, qu'il sacrifiait le plaisir moins nécessaire pour lui de la voir plus tôt, d'arriver chez les Verdurin avec elle, à l'exercice de ce droit qu'elle lui reconnaissait de partir ensemble et auquel il attachait plus de prix, parce que, grâce à cela, il avait l'impression que personne ne la voyait, ne se mettait entre eux, ne l'empêchait d'être encore avec lui, après qu'il l'avait quittée.* [15. P. 219]

2. *Acte licite*

Выражение *acte licite* («дозволенное законом действие», «действие, соответствующее правовым нормам») употребляется для указания на то, что Сванн имеет моральное право поехать в Пьерфон несмотря на то, что Одетта ему это запретила. Законность подобного действия формально подтверждается наличием расписания движения поездов и самим фактом того, что они ходят в данный город:

<…> *Si on faisait savoir au public, par voie d'imprimés, qu'à huit heures du matin partait un train qui arrivait à Pierrefonds à dix heures, c'est donc qu'aller à Pierrefonds était un acte licite, pour lequel la permission d'Odette était superflue; et c'était aussi un acte qui pouvait avoir un tout autre motif que le désir de rencontrer Odette, puisque des gens qui ne la connaissaient pas accomplissaient chaque jour, en assez grand nombre pour que cela valût la peine de faire chauffer des locomotives.* [15. P. 288].

3. *Restriction au droit universel de libre circulation*

Юридический термин *restriction au droit universel de libre circulation*, в свою очередь, используется для указания на то, что

именно запрет ехать в Пьерфон и является доказательством того, что Сванн занимает особое место в жизни Одетты:

<…> *Et Swann était heureux malgré tout de sentir que, si de tous les mortels il n'avait pas le droit en ce jour d'aller à Pierrefonds, c'était parce qu'il était en effet pour Odette quelqu'un de différent des autres, son amant, et que cette restriction apportée pour lui au droit universel de libre circulation, n'était qu'une des formes de cet esclavage, de cet amour qui lui était si cher.* [15. P. 290].

Таким образом, посредством использования различных юридических терминов М. Пруст описывает повседневные ситуации, выражает отношение тех или иных персонажей к таким видам искусства, как живопись и музыка, а также описывает сложность, многогранность и противоречивость зарождающегося чувства Сванна к Одетте. В последнем случае в некоторых примерах заметна авторская ирония, поскольку для морального оправдания своего желания подстроить «случайную» встречу с Одеттой, несмотря на то что она ему это категорически запретила, Сванн мысленно апеллирует к общеправовым понятиям

Библиографический список

1. Кэюнь Д. Юридическая лексика в судебной речи // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». Т. 25 (64). № 1. Ч. 2. С. 27–30.
2. Cornu G. Vocabulaire juridique. Paris: PUF, 2007. 986 p.
3. Cornu G. Linguistique juridique. Paris: Montchrestien, 2005. 443 p.
4. Мячковский Г.И. Французско-русский юридический словарь. М.: Руссо, 2004. 437 с.
5. Le Trésor de la langue française // Электронный ресурс Интернет: http://atilf.atilf.fr/tlf.htm.
6. Манчева Е.Г. Значение образного сравнения как результат непрямой номинации и семантической абстракции // Известия вузов. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. № 3 (4). С. 298–302.
7. Гаспаров М.Л. Античная риторика как система // Гаспаров М.Л. Т. 1. О поэтах. М.: Языки славянских культур, 2004. 288 с.
8. Общая риторика / Перевод с французского Е.Э. Разлоговой, Б.П. Нарумова. М.: Прогресс, 1986. 392 с.

9. Bacry P. Les figures de style et autres procédés stylistiques. Paris – Belin, 1992. 335 c.
10. Dupriez B. Gradus, les procédés littéraires. Paris: 10 X 18, 2003. 544 p.
11. Fromilhague C. Les figures de style. Paris: Armand Colin, 2010. 128 p.
12. Molinié G. Dictionnaire de rhétorique. Paris: Le livre de poche, 1992. 350 p.
13. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 2002. 1195 с.
14. Le nouveau petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris: Dictionnaires Le Robert, 1994. 2467 p.
15. Proust M. Du côté de chez Swann. Paris: L'Aventurine, 2000. 415 p.

Сведения об авторе

Савина Елена Сергеевна
кандидат филологических наук,
PhD университета Париж-Сорбонна (Париж-IV)
старший преподаватель кафедры иностранных языков
юридического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: savinaelena2006@yandex.ru

УДК 811.161.1'42:271.2

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ДИСКУРС: ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ПРОПОВЕДИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «КАЗАНСКИЙ СОБОР»)

Е.В. Сергеева, А.М. Четырина

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

В статье рассматривается содержание и жанровая специфика современного религиозного православного дискурса на основе анализа лингвистических особенностей проповедей: выявляются способы конкретного религиозно-мотивированного воздействия проповедника на адресата как на понятийном, так и на языковом уровне.

Ключевые слова: религиозный православный дискурс, жанры религиозного дискурса, речевое воздействие, проповедь, монолог, языковые особенности, религиозная лексика.

The Religious Discourse of Russian Orthodox Christianity: Typical Linguistic Properties of a Sermon (based on the material of the newspaper *The Kazan Cathedral*)

Elena Sergeeva, Anna Chetyrina

The article examines the contents and linguistic characteristics of sermons as a genre within the current religious Russian Orthodox discourse, looking particularly at how specific religion-motivated influence of the preacher upon his addressees is realized on both conceptual and linguistic levels, and how the preacher's statements are correlated with sacred values and dogmas.

Key words: Russian Orthodox Christianity, genres of religious discourse, linguistic manipulation, sermon, monologue, language peculiarities, religious vocabulary.

Дискурсивные исследования в современной российской лингвистике не теряют своей актуальности уже более двух десятилетий. Однако если рассмотрение значительной части типов институционального дискурса фактически не осложняется мировоззренческим фактором (даже анализ политического дискурса ориентирован прежде всего на то, как и какими языковыми средствами, а не с каких идеологических позиций представлено содержание: ср., например, содержание журнала «Политическая лингвистика»), то лингвистический анализ религиозного дискурса затрудняется необходимостью учитывать вопрос о содержании этого дискурса. Не случайно в статье Е.А. Кожемякина «Религиозный дискурс: методология исследования» наиболее важной частью

определения этого дискурса стала формулировка, указывающая «на формирование, трансляцию и изменение догматического мышления, сакрального мироощущения и мистического опыта» [1], а в автореферате докторской диссертации Е.Ю. Балашовой в качестве основного признака религиозного христианского дискурса выделяется «текстовая прецедентная природа, т. е. соотношение с текстами Св. Писания и Св. Предания» [2].

Рассмотрение текстового феномена, который уже традиционно называется «религиозный дискурс», началось со статьи Л.П. Крысина «Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка» [3]. Однако положение, что язык, связанный со сферой религии, не является самостоятельным стилем, а должен быть квалифицирован как «дискурс», в середине 2010-х гг., по-видимому, можно считать доказанным, хотя в лингвистике продолжает употребляться термин «церковно-религиозный стиль» [4]. По отношению к этой сфере использовались также термины «религиозный язык», «язык Церкви», «язык религии», «религиозно-просветительский стиль», «церковно-религиозный стиль», «религиозная коммуникация», «теолингвистика», «религиолект» [5].

Е.В. Бобырева пишет о том, что религиозный дискурс – реализующийся в виде определенных жанров и выражающийся с помощью определенных языковых средств коммуникативный и культурный феномен, основой которого является определенная система ценностей [6]. Подобное определение может быть отнесено к любой разновидности дискурса, от рекламного до политического. Определение «религиозного дискурса в узком смысле как совокупности речевых актов, используемых в религиозной сфере» [6], слишком лаконично. Специфика религиозного дискурса (если понимать дискурс как совокупность разноплановых высказываний определенной социокультурной сферы, обладающих набором общих языковых признаков) связана, во-первых, с обязательностью ключевых концептов «Бог» и «Вера» (эксплицитно или имплицитно представленных) [6], во-вторых, с ориентацией на сакральные прецедентные феномены, прежде всего на Библию, труды Отцов Церкви и канонические тексты (молитвы, псалмы и т. д.), а в-третьих, с наличием специфической лексики (религионимов), связанной с

жизнью Церкви, религиозными понятиями, экспликацией названных концептов и интерпретацией прецедентных высказываний.

При изучении жанровой специфики религиозного дискурса необходимо прежде всего рассмотреть вопрос о «базовых», основополагающих для него текстах Священного Писания и Священного Предания. Е.Ю. Балашова относит их к группе первичных религиозных жанров, тогда как святоотеческие писания, духовная поэзия, церковная публицистика, проповедь, молитва и др. причисляются к группе вторичных религиозных жанров, поскольку они строятся на базе текста Священного Писания и содержат многочисленные цитаты и отсылки к нему. И.В. Бугаева выделяет «библейские» жанры, относя к ним саму Библию.

Е.В. Бобырева дифференцирует жанры религиозного дискурса «по степени их институциональности, субъектно-адресатной направленности, социокультурной дифференциации, событийной локализации, функциональной специфике и полевой структуре. Выделяются первичные и вторичные жанры религиозного дискурса (притчи, псалмы, молитвы – проповедь, исповедь), противопоставляемые по признаку прямой либо ассоциативной связи с исходным библейским текстом» [6]. В эту жанровую систему совершенно справедливо не включается Священное Писание, поскольку само исследование какого-либо типа дискурса подразумевает, что мы рассматриваем, во-первых, тексты на *русском* языке определенного периода развития (в данном случае – на *современном* русском языке); во-вторых, тексты хотя бы отчасти «равноправные», равнозначимые в дискурсивной системе (Священное Писание является базовым источником для всех жанров религиозного дискурса); в-третьих, тексты, которые, безусловно, созданы в рамках человеческой цивилизации, а не считаются или являются боговдохновенными и «добуквенно» сакральными.

Следовательно, при рассмотрении современного православного религиозного дискурса следует выделять в нем различные жанры церковной публицистики, пастырское обращение, проповедь, святоотеческие писания, исповедь, духовную поэзию, молитву (как производимый, а не воспроизводимый текст), но не сакральные источники этого дискурса.

Представляется, что, действительно, «границы религиозного дискурса выходят далеко за рамки церкви»; однако нельзя считать,

что «религиозный дискурс жестко ритуализован» [6] в целом, поскольку обращение верующего к Богу, не нуждающееся в посредниках (молитва), духовная поэзия или проповедь, «маскирующаяся» под искусствоведческий дискурс (например, система лекций верующего и воцерковленного сотрудника Эрмитажа на тему «Сюжеты Библии в Эрмитаже») фактически не связаны с религиозно-церковным ритуалом.

Не являются жестко ритуализированными также те «публицистические» жанры религиозного дискурса, которые можно, в противоположность жанрам собственно сакральным (пастырское обращение, проповедь, святоотеческие писания, исповедь, молитва), назвать прагматическими жанрами.

Целью настоящей статьи стало рассмотрение языковых особенностей проповеди как одного из основных жанров религиозного православного дискурса. Материалом для исследования послужили проповеди, опубликованные в газете «Казанский собор» в августе – декабре 2015 года. Это проповеди Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, с которыми он обратился к верующим по окончании богослужения в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы и в праздник Преображения Господня; проповеди к молящимся в праздник Успения Пресвятой Богородицы митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия и настоятеля Казанского собора протоиерея Павла Красноцветова, а также Первосвятительское слово патриарха Кирилла к участникам богослужения в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.

Проповедь с лингвистической точки зрения представляет собой «монолог, содержащий поучения, наставления, разъяснения основ веры и т. п. с целью конкретного религиозно-мотивированного воздействия на адресата» [6]. Организующая стратегия такого монолога определяется задачей проповедника «раскрыть и донести до верующего положения и основные истины христианской веры, помочь глубже проникнуть в смысл Писания, побудить слушателей сообразовывать свою жизнь с христианским учением» [6].

Во всех рассмотренных проповедях можно увидеть целенаправленное воздействие на адресата с помощью использования соответствующей аргументации при комментировании евангельских сюжетов и православных истин, постоянного сопоставления жизни современных верующих с жизнью библейских персонажей.

Патриарх Кирилл, рассуждая о жизни Пресвятой Богородицы, говорит: «*Мы не может сравнить свои молитвенные подвиги с тем, что происходило в глубине Иерусалимского храма, когда там пребывала Дева Мария. Но ведь и мы, посещая храм, сердцем чувствуем, что с нами происходит нечто особенное, когда благодать Божия нас касается*» [7]. Митрополит Варсонофий начинает свою проповедь о празднике Успения Пресвятой Богородицы следующими словами: «*В тот день, как сегодня мы, собралась апостольская семья вокруг Божией Матери*» [8]. Аналогия как способ убеждения лежит и в основе следующего утверждения патриарха Кирилла: «*Бог передает свою энергию окружающему миру. Она не видна, как не видна и физическая энергия, но ведь оттого сам факт ее существования никто не ставит под сомнение. Мы знаем, что физическая энергия существует, достаточно замкнуть электрическую цепь и увидеть загоревшийся свет. Точно то же самое происходит в мире духовном. Божественная энергия не видна, но если мы подключаемся к этой энергии через свою веру в Бога, если мы входим в общение с Ним, то внутри нас загорается Божественный свет…*» [9].

Часто проповедники в своих выступлениях ссылаются на общеизвестные факты, на опыт каждого верующего: «*Ни одно предприятие не может быть успешным, если ему не сопутствуют факторы силы – политической, административной, финансовой, научной. Каждый знает, что если человек игнорирует эти факторы, его замысел потерпит крах, будь то в бизнесе, науке или политике. А христианство существует 2000 лет, и в его основе лежит не человеческая сила, не человеческая мудрость, а то, что шокировало современников в проповеди апостола Павла, – Крест Христов*» [10]. «*Божественное слово не несет человеку никакой опасности, никакой беды, – это знает каждый, кто хоть раз в жизни послушал это слово*» [9]. «*И подобный опыт имеет каждый верующий, приходящий в храм…*» [7].

В православном вероучении, как и в любом другом, отношение к Богу, вере, религиозным ценностям на вербальном уровне выражается с помощью оценочной лексики. Каждая проповедь наполнена словами и словосочетаниями, оценочными или приобретающими оценочность в контексте, что обусловлено задачей распространения православных истин: «Дева Мария… приготовила

себя к *высочайшей* миссии – послужить делу спасения и осуществить в плоти Своей Божественный замысел о спасении *падшего* мира»; «Но именно то, что произошло с Божией Матерью, дает нам *очень ясный и правильный* план действий»; «Верим, что только тогда возможен *подлинный* прогресс человечества»; «без этого восхождения к Богу… не обрести личное спасение и *абсолютно невозможно* помочь ближним своим»; «ради чего Господь совершил *искупительный* подвиг»; «Но ведь оттого опасность таких *ложных* маяков не уменьшается»; «Такими *дивными* словами Святая Церковь повествует нам о Деве Марии…» и др.

Не менее значимы для жанра проповеди и в целом оценочные суждения, воплощающие значимую особенность религиозного дискурса – соотнесение высказывания с сакральными ценностями христианской догматики и положениями Св. Писания и Св. Предания. Так, патриарх Кирилл, говоря о странностях, связанных с восшествием Богородицы по ступеням Иерусалимского храма, заключает: «*Но у нас нет ни малейшего сомнения в том, что так все и было, и, движимый Духом, первосвященник встретил младенца…*» [7]. Однозначная оценка божественной природы спасения содержится в следующих суждениях: «*И если мы хотим сделать нечто значительное не только для самих себя и своей души, – а это есть спасение души и жизнь вечная, – то мы должны начать наш путь с храма*» [7]; *«никакая человеческая сила – ни власть, ни деньги, ни образование, ни что-либо другое – не имеет отношения к спасению людей*»; «*Но никто и никогда не спасался внешней человеческой силой*» [10].

Основу языка проповедей составляет нейтральная лексика. Часто употребляются книжные слова (*именоваться, пришествие, благоволение, пребывать, обрести, проистекать, благодатный, сонм, благоговение, шокировать*), а также слова, придающие экспрессию приподнятости, торжественности и имеющие в словарях помету *высок.* (*восшествие, святилище, деяние, свершения, возжигать, воспеть*). Большинство из этих слов церковнославянского происхождения. Отметим и наличие некоторых разговорных слов и выражений (*тогдашний, взбудоражить, «забегая вперед, скажу», «мне пришли в голову некоторые мысли»* и др.). Странным, на первый взгляд, кажется присутствие в одной из проповедей слова *переформатировать*, употребление которого

связано со сферой информационных технологий. Однако актуальность подобной лексики для современной языковой личности делает его употребление в проповеди XXI в. вполне оправданным.

Для успешной проповеди необходимо соблюдение определенных требований, в числе которых владение коммуникантами общим кодом, примерно одинаковый объем фоновых и специальных знаний [6]. Обращаясь к верующим, проповедники часто опускают те или иные факты, ссылаясь на их общеизвестность: «*Не буду останавливаться подробно на житии преподобного Иосифа, многим из вас оно известно*» [10]. «*Мы помним из Евангелия, как Она родилась у престарелых родителей, но только три года провела в семье*» [8]. «*Мы знаем, сколь сложной была история христианской церкви на Западе*» [10].

Ориентацией на осведомленного и заинтересованного слушателя обусловлено, вероятно, и употребление некоторых церковнославянизмов без разъяснения их значения. В одной из своих проповедей патриарх Кирилл поясняет религиозный смысл цитаты из тропаря на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы («Днесь благоволения Божия предображение и человеков спасения проповедание»). Слово *предображение,* отсутствующее в словниках современных толковых словарей русского языка, патриарх употребляет несколько раз. Однако семантика этого значимого для данной проповеди слова не поясняется. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. слово *предображение* сопровождается пометой *церк.* и означает «предшествующее чему либо явленіе; предзнаменованіе; прообразованіе» [11]. В качестве примера употребления этой лексемы в словаре приводится та же цитата, о которой говорил патриарх Кирилл. Подобных слов, восприятие которых может быть затруднено, в проповедях немного, что связано с целеустановкой священника оказать воздействие на систему ценностей слушателя, для того чтобы быть в полной мере понятым.

Сопоставление семантики основополагающих для православной проповеди религионимов (*Бог, Богородица, Господь, Дух, Спаситель, апостол, святой, храм, молитва, святыня, вера, крещенный, проповедь, ересь, грех, благословить, благодать Божия* и др.) в современных толковых словарях русского языка и в «Словаре церковнославянского и русского языка» (Словаре 1847 г.) позволяет

сделать вывод о том, что значение таких лексических единиц не изменилось. Воплощенное в современных проповедях отношение к Богу и Богоматери, святым и апостолам, понятие о вере, верных и еретиках, о храме, молитве и грехе, кресте и проповеди соответствует представлениям православной языковой личности XIX века. Такое сравнение не теряет своей актуальности в силу менявшегося в нашей стране отношения к религии и религиозным ценностям на протяжении XX–XXI веков.

Отметим, что некоторые лексемы употреблены в проповедях в религиозных значениях, не закрепленных в современных лексикографических источниках. Например, лексема *оглашать* в словосочетании «оглашал Словом Евангельским» имеет значение «наставлять изустно начальнымъ истинамъ вѣры» (Словарь 1847 г.); лексема *крестоношение* в предложении «Служение преподобного Иосифа было крестоношением» означает «терпѣливое сношеніе бѣдствій» (Словарь 1847 г.). Слово *спасение* в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова имеет два значения: «1. к Спасти и Спастись. *С. имущества от огня. Медаль за с. утопающих. Найти убежище для спасения от грозы.* 2. То, что спасает, избавляет от чего-л.; выход из опасного, затруднительного положения. *С. пришло неожиданно*» [12]. В текстах проповедей под спасением понимается «вѣчное блаженство» (Словарь 1847 г.), что демонстрируют следующие примеры: «Царица Небесная послужила спасению всего мира, что не дано никому из нас». «Ведь если бы не было введения, но, наверное, не было бы связано с Девой Марией все то, что касается спасения рода человеческого» [7]. «Она видела, что Он принадлежит всему роду человеческому, что Он – источник благодати, откуда люди черпают спасение» [8]. «Огромная ответственность тех, кто облечен государственной властью, или располагает финансами, или обладает глубокими познаниями, и заключается в том, чтобы, исходя из своих человеческих возможностей помогать Богу совершать дело спасения, соучаствовать в тайне человеческого спасения» [10] и др. Слова с корнем *спас-* довольно частотны в проповедях (в рассмотренных нами текстах их 32), что указывает на значимость этого понятия для языковой картины мира православного христианина.

Показательна лексическая сочетаемость слова *подвиг* в проповедях: с одной стороны, это «молитвенный подвиг», «подвиг родителей» (крестивших ребенка), с другой стороны, это подвиг Богоматери, Господа, святых («Матерь Божия завершает свои труды и подвиги»; «Господь совершил искупительный подвиг»; «Подвиг преподобного Иосифа»). В данных контекстах под подвигом понимается «совершенiе труднаго, важнаго, великаго дѣла» (Словарь 1847 г.). В религиозном сознании подвиг связывается с самопожертвованием, с высокой ответственностью человека перед Богом и перед другим человеком. Сама идеология подвига, с точки зрения православного священника, имеет религиозную основу, что демонстрируют следующие слова протоиерея Павла Красноцветова: «*Идеология подвига и жертвы собой, которая исторически так близка русскому народу, также следует из этой идеи отрицания главенства земной жизни над жизнью небесной*» [13].

Важной особенностью языка проповедей является использование устойчивых словосочетаний, которые, как и в публицистическом стиле, обеспечивают оптимальное сочетание экспрессивности и стандарта, способствующее усилению речевого воздействия: *не отдавая себе отчет, камня на камне не оставляет, бросают вызов, испустила дух, в конечном итоге, идет нога в ногу, нести крест* и др., а также выражений, характерных для текстов публицистического и официально-делового стиля: *вменяется в обязанность, потерпит крах, облечен властью, располагает финансами, ставил под сомнение, создала бы предпосылки, вышел победителем, внесшем решающий вклад, совершил подвиг, обладает глубокими познаниями* и др.

Наряду с приведенными выражениями можно увидеть включающие религиозную лексику словосочетания, специфические для церковных текстов: *Божественный замысел, причащающийся Тела и Крови Господа и Спасителя нашего, дар Святого Духа, по милости Божией, Божественный Свет, послужить делу нашего спасения, приклонить милость Свою, благодать Божия* и др.

Образный характер проповедям придают многочисленные метафоры: «*Но именно в этом мире разворачивается вся гамма человеческой истории…*», «*какую искру они призваны высечь*», «*эллинов, стоявших на высоте тогдашних философских знаний*», «*кто хотел бы переформатировать нас всех, подогнав под*

привычные лекала», «*В духовном мире горят маленькие огоньки, в которых отображается Божественный свет*», «*дабы не заблудиться в потемках духовного мира*», «*многочисленные иконы всюду изливают токи исцелений*» и др.

Анализ православных проповедей демонстрирует специфику одного из основных жанров современного религиозного православного дискурса. Способы речевого воздействия священника на сознание верующих определяются интенцией проповедника побудить адресата сообразовывать свою жизнь с христианским учением, полнее осознать религиозные понятия и ценности. Такое воздействие, характерное прежде всего для проповеди, можно назвать активизирующим, стимулирующим духовную работу адресата, заставляющим его более глубоко осознавать проблемы, которые актуальны для верующего.

Библиографический список

1. Кожемякин Е.А. Религиозный дискурс: методология исследования // Электронный ресурс Интернет: www.cyberleninka.ru/article/n/religioznym-diskurs-metodologiya-issledovaniya.

2. Балашова Е.Ю. Роль телеономных концептуальных полей в организации религиозного дискурса // Электронный ресурс Интернет: www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2015/09/09/dissertaciya_balashovoy.pdf.

3. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сб. памяти Т.Г. Винокур. М.: Наука, 1996. С. 135–138.

4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка // Электронный ресурс Интернет: www.stylistics.academic.ru/256/Церковно-религиозный_стиль.

5. Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития // Электронный ресурс Интернет: www.oldvak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/filolog/2009/28-12/BugaevaIV.pdf.

6. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) // Электронный ресурс Интернет: www.dlib.rsl.ru/loader/view/01003061862?get=pdf.

7. Проповедь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси

Кирилла, с которой он обратился к верующим по окончании богослужения в Успенском соборе Московского Кремля в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы // Казанский собор. 2015. № 12 (120). С. 1–2.

8. Проповедь митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия, с которой он обратился к молящимся по окончании богослужения в Казанском кафедральном соборе в праздник Успения Пресвятой Богородицы // Казанский собор. 2015. № 08 (116). С. 1–3.

9. Проповедь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, с которой он обратился к верующим по окончании богослужения в храме святых мучеников и страстотерпцев Бориса и Глеба в Дегунине в праздник Преображения Господня // Казанский собор. 2015. № 08 (116).

10. Первосвятительское слово Патриарха Кирилла к участникам богослужения в Свято-Успенском Иосифо-Волоцком ставропигиальном мужском монастыре в праздник воздвижения Честного и Животворящего Креста господня // Казанский собор. 2015. № 10 (118). С. 1–3.

11. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: в 2 кн.: в 4 т. / С.-Петерб. гос. ун-т. Межкаф. слов. каб. им. проф. Б.А. Ларина. Репр. изд. [1847 г.]. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 416 с. + 473 с. + 591 с. + 489 с.

12. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.

13. Проповедь на Успение Пресвятой Богородицы протоиерея Павла Красноцветова // Казанский собор. 2015. № 08 (116). С. 5.

Сведения об авторах

Сергеева Елена Владимировна
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Российского государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена
E-mail: elena.v.sergeeva@gmail.com

Четырина Анна Михайловна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Российского государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена
E-mail: anna_chet@mail.ru

УДК 811.111'37

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА “WEATHER” В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А.Ю. Трусова, С.В. Птушко

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

Статья посвящена рассмотрению специфики лингвистических средств выражения концепта “weather” в современном английском языке. Выявлены ключевые лексические единицы, репрезентирующие концепт “weather”, которые предлагается структурировать в следующие фреймы: “sun”, “fog”, “cloud(s)”, “thunder”, “frost” и “snow”.

Ключевые слова: концепт, лингвистические средства выражения, фреймовое моделирование.

The Linguistic Means of Expresing the Concept “Weather” in the Modern English Language

Anna Trusova, Svetlana Ptushko

The article deals with some of the linguistic means of expressing the concept “weather” in modern English. The paper analyzes key lexical items which form the concept “weather,” grouping them into the frames “sun,” “fog,” “cloud(s),” “thunder,” “frost,” and “snow.”

Key words: concept, linguistic means of expression, frame representation.

В современной лингвистике существует ряд вопросов и понятий, постоянно находящихся под пристальным вниманием исследователей, одним из которых является понятие «концепт» и средства его выражения в языке [1; 2; 3; 4; 5].

Культурные концепты представляют собой многомерные ментальные образования. Существенными представляются оппозиции между культурным концептом и концептом вообще (ментальным образованием, определяющим либо не определяющим ту или иную культуру), между лингвокультурным концептом и культурным концептом (получающим или не получающим языковое выражение), между этнолингвокультурным и социолингвокультурным концептом (релевантным для всего социума либо для определенной группы в его составе).

По утверждению С.Г. Воркачева, план содержания лингвокультурного концепта включает ряд семантических признаков,

являющихся общими для его реализации, которые «отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка либо с менталитетом национальной языковой личности» [1. С. 269]. Рассмотрение анализируемого в статье концепта *weather* как лингвокультурного представляется логичным вследствие его стереотипичности для английской ментальности.

Не подлежит сомнению тот факт, что определенные представления о погоде являются национальной особенностью ментальности англичан, все шутки и насмешки, которым они за это подвергаются, совершенно справедливы. Любой английский разговор затрагивает тему погоды: полуофициальные письма из организаций содержат упоминания о хорошей или плохой погоде, для частных разговоров тема погоды неизбежна. Подтверждением могут служить слова известной исследовательницы английского национального характер Кейт Фокс (“Any discussion of English conversation, like any English conversation, must begin with THE WEATHER” [6. С. 25]) или знаменитого создателя произносительного словаря английского языка Джонсона (“When two Englishmen meet, their first talk is of the weather” [цит. по: 6. P. 25].

В настоящей работе для анализа средств выражения концепта *weather* методом сплошной выборки были выделены 300 фрагментов из современной англоязычной художественной литературы общим объемом 2340 страниц. Рассматриваемые примеры отбирались исходя из наличия в тексте лексем *sun, fog, cloud(s), snow, frost* и *thunder* и т. д., ассоциируемых с погодой, и подвергались статистическому анализу частотности их употребления.

Применение методов концептуального и контекстуально-ситуативного анализа позволило не только подтвердить положение о том, что концепт *weather* неразрывно связан с ментальностью английской нации, но и показало, что максимальными по частотности для выражения концепта *weather* являются лексемы *rain* и *wind*.

Следует отметить, что в ходе составления выборки примеров наряду с непосредственным употреблением базовых лексем-существительных было зафиксировано их использование в сочетании с глаголами, в частности обозначающими начало, продолжение и завершение действия. Кроме того, логичным представляется совместное рассмотрение *rain* и характеризующих его степень лексем

shower, *storm*, *spot*, *spatter*, *drizzle*. Все это позволяет прийти к выводу о возможности объединения данных лингвистических средств в единую группу – фрейм *rain*.

Фрейм представляет собой «структуру представления знаний, организованную вокруг некоторого понятия…» [7. С. 19]. В отношении сложных лингвокультурных концептов (одним из которых является *weather*) обращение к фреймовому моделированию позволяет более структурированно представить систему лингвистических средств выражения изучаемого концепта. Так, фрейм *rain* в структуре концепта *weather* представлен на лексическом уровне: существительными (51), глаголами (39), прилагательными (20), наречиями (8). Более подробно эти лингвистические средства рассмотрены в [8].

В ходе анализа отобранного материала было установлено, что структура концепта *weather* может быть дополнена следующими фреймами: *sun*, *cloud(s)*, *fog*, *snow*, *frost* и *thunder*. Частотность репрезентирующих их языковых единиц в фактическом материале существенно меньше по сравнению с *rain* и *wind*, однако достаточна для выдвижения положения о наличии соответствующих фреймов, детальному рассмотрению которых посвящена настоящая статья.

Солнце – явление редкое в английском климате, оно никогда не светит ярко, оно проглядывает сквозь облака (тучи) и идущий дождь. Переменчивость погоды, обусловленная исключительно географическим положением Британских островов, не могла не наложить отпечаток на противоречивость характера англичан и неоднозначное восприятие ими одних и тех же погодных условий. Исследователи менталитета английской личности приходят к заключению, что несмотря на постоянные дожди англичанин нередко может утверждать, что не всегда любит солнце и солнечную погоду [2; 3; 4].

Фрейм *sun* представляет собой третью (по частотности употребления репрезентирующих его единиц) составляющую концепта *weather*. Исследовательская база данного фрейма составила 99 лексических единиц (имена существительные – 41 случай употребления, глаголы (30), причастия, прилагательные (22), наречия (4).

Примерами лексических средств выражения фрейма *sun* являются:

А. Существительные: непосредственно лексическая единица *sun* (32) – “the sun was full of promise” [9. P. 22], остальные единицы (9 из 41) представляют собой либо сложные слова *sunshine*, *sunlight*, *sunrise* (“the sunrise with the birds all starting to sing and the wheat in the fields in the cool light of the beginning day” [10. P. 117, 118, 157]), либо *light* в полном синонимичном значении *sun*, либо выражения: существительное + предлог + лексема *sun / sunshine* (“a burst of, the gleam of”: “the gleam of April sunshine” [11. P. 54]; “a burst of sun” [10. P. 117]; “the heat of, the warmth of” [12. P. 260]).

Б. Глаголы (*shine* (5), *penetrate*, *go* (нередко с предлогом), *flicker*, *stream* (2), *become*, *hide*, *give way*, *enter*, *last long*, *glow*, *sparkle*, *sink*, *flame*): “the sun was full of promise; the sun went in; I found the sun had gone; the sun shone; the sunlight flickered; the sun streamed, tried to penetrate the heavy sky, the sun shone down, the sun became pallid, the sun was hidden” [9. P. 21–22, 111, 114, 164, 170, 177, 272, 280], “gave way to chill; the sun was getting severe; entered; would last long overhead; glowing and sparkling all about; going down and covering” [12. P. 157], “sinking beyond the westward bay, flaming; it appeared over the trees that fringed the lawn; the sun had drawn all moisture” [13. P. 256, 265]; неличные формы глагола (причастия): **“**with crossing sun” [10. P. 116], “sunbaked” [12. P. 116].

В. Прилагательные (в функции аттрибутива или именной части составного именного сказуемого): “a great orange sun, midday sun, a pale sun, full and strong from out of the white mist, pale and cold, yellow, spacious and tender, the sun became pallid” [9. P. 32, 69, 272, 280], “April sunshine, a little February sun” [11. P. 54–55], “warm and full, rosy; brilliant, cool sunshine” [10. P. 127, 157], “fitful sunshine” [14. P. 153, 205, 278], “was good to bask in, grew hotter every day” [13. P. 52–55].

Г. Наречия: “too warm on sun” [9. C. 110], “lovely sunny day” [10. P. 156].

Отдельно следует отметить стилистические средства выражения фрейма *sun*, основанные на переносе значения:

А. Метафорический перенос (в том числе олицетворение): “the sun was so full of promise”, “the sun streamed in from the window in the alcove and made gold patterns on the dark paneling” [9. P. 22, 177], “the sky was a glazed hard blue, and it seemed to me, that the sun had drawn all moisture from the land” [13. P. 32], “above my head a pale sun tried to penetrate the heavy sky” [9. P. 272].

Б. Перифраз: “I remembered the house walking to the sunlight, and seeing *the round ball of* (курсив наш. – *А. Т., С. П.*) it appear over the trees that fringed the lawn” [13. P. 265].

Следующими рассматриваемыми в работе фреймами, составляющими анализируемый концепт *weather*, являются *fog* и *cloud(s)*. Средствами вербализации в рамках этих фреймов являются имена существительные *fog* и *mist* (24 случая употребления), глаголы (16), которые употребляются вместе с упомянутым существительным, прилагательные (13) и наречия (2).

Примеры употребления лексических единиц, составляющих фрейм *fog*.

А. Существительные: “Of course you miss fogs at Manderley”, “…and the trees were shrouded in a white mist” [9. P. 19, 186].

Описание природы в английском романе соотносится с внутренним состоянием персонажа и обусловлено самой английской ментальностью – отношением к погоде (даже не очень благоприятной) как к обязательной составляющей внутреннего мира (нередко гармонии). С природными явлениями связаны естественные суеверия людей, уходящие корнями в языческий период дохристианской Англии. Человек готов верить в загадочную связь явлений природы (несмотря на тот факт, что в современности они объяснены законами физики) с тем или иным событием, которое произошло или произойдет в жизни героя (“the mist was a good sign” [9. P. 186]).

Б. Глаголы (как правило, глаголы движения или изменения состояния – *turn, drip, roll, fill, come, lift, rise, sting, cling, go, hang about, lie, shroud*): “the mist had turned to moisture, dripped upon my head, fog rolled towards the house”, “the fog filled the open window”, “it [the fog] stung my eyes, it clung to my nostrils”, “the fog came”, “the fog was lifting, it was rising” [9. P. 221–271], “the fog had almost gone”, “and fogs hung about the streets” [11. P. 273, 278], “a thin mist lay breast high over the park” [14. P. 96], “the trees were shrouded in a white mist” [9. P. 386] (пример употребления причастия второго в рамках формы сказуемого в страдательном залоге).

В. Прилагательные: “the great day dawned misty”, “white fog”, “the fog, damp and clammy, thicker than before”, “a thin mist” [9. P. 96, 221, 260, 267], “a slight fog, wet mist” [14. C. 168, 205], “so dense, morning mist” [12. P. 79, 125].

Г. Наречия: “still misty” [9. P. 274].

В рассмотренных примерах употребления лексических единиц для выражения анализируемого фрейма концепта *weather* можно выделить единичный случай употребления средства морфологического уровня – степени сравнения прилагательных (компаратив – см. пример *thicker than before*), употребление суперлятива (в рамках рассматриваемого массива данных) не было зафиксировано.

С точки зрения семасиологии, как и в рассматриваемых предыдущих примерах на базе лексемы *sun*, представлены метафорические переносы (в том числе олицетворение): “stood at the edge of the woods bathed in that white wall of fog”, “and the trees were shrouded in a white mist” [9. P. 260, 386], “A thin mist lay breast high over the park” [14. P. 96], “His hair and shoulders were furred with droplets from the morning mist” [12. P. 125].

Образ природы как таковой высокометафоричен – сравнение природы с женскими образами (*were shrouded, lay breast*) является типичным для дескриптивно-нарративной англоязычной литературы.

Анализируемый далее фрейм *cloud(s)*, входящий в состав концепта *weather*, представлен именами существительными, глаголами (в том числе причастиями) и прилагательными, наречий не было зафиксировано (массив данных составил 56 единиц).

Имена существительные составили основной массив данных для выражения фрейма *cloud(s)* (25 случаев, из них лексическая единица *cloud* употреблена 23 раза, группа существительное – предлог – лексема *cloud* – 2 случая: “ridges of (cloud), threads of (cloud)” [9. P. 280, 412].

Остальной массив представлен следующим образом.

А. Глаголами (12) (“clouds stretched above the setting sun, the clouds left us, they rolled away, hid the sun, formed in the western sky, covered” [9. P. 33, 66, 97, 280], “emptied themselves” [13. P. 284]) и неличными формами – причастиями (8) (“I can see the rippled sky, fluffy with cloud”, “the cloud leaving a great blue sky above our heads”, “a hurrying cloud hid the sun” [9. P. 30, 66, 97], “with swollen clouds scudding across” [14. P. 205], “fast-moving clouds” [12. P. 145]), функционирующими в качестве определения.

Употребление глаголов движения для выражения фрейма *cloud(s)* в структуре концепта *weather* позволяет судить об отношении

человека к небу (облакам) как к живой материи; высокая образность произведений (примеры представляют собой олицетворения) может объясняться этим же фактом.

Б. Прилагательными (11): “a great ridge of clouds, little clouds, overcast clouds, a white cloud, white and grey clouds [9. P. 33, 111, 221, 280, 153], low clouds [14. P. 112], thick black clouds” [12. P. 121].

Средства стилистической семасиологии, составляющие рассматриваемый фрейм, представлены (как и в предыдущих примерах) метафорическим переносом (в том числе олицетворением): “I can see the rippled sky, fluffy with cloud, and the white-whipped sea”, “there were threads of cloud to” [9. P. 30, 412], “…the sky overhead was neutral and steely with swollen clouds scudding across it” [14. P. 205], “Great clouds with dragging tails, black-edged and filled with rain, came scudding from the west” [13. P. 284], “the clouds left us at Exeter, they rolled away behind us, leaving a great blue sky above our heads”, “a hurrying cloud hid the sun for a moment as I watched” [9. P. 66, 97].

Концепт *weather* также может быть представлен фреймами *thunderstorm, snow, frost*. Вышеупомянутые погодные явления не являются типичными для климатической зоны Англии, поэтому статистический анализ употребления средств выражения данных фреймов показал их наименьшую частотность для выражения концепта *weather*.

Фрейм *thunderstorm* представлен сравнительно немногочисленными лексическими единицами – анализируемый массив данных составил 14 единиц (существительные (7), глаголы (5), прилагательные (2), употребление наречий не было зафиксировано).

Примерами вышеупомянутых средств могут служить: “the air was full of thunder” [9. P. 330] – имя существительное, “crack of thunder in the air” [9. P. 344] – сочетание существительное – предлог – лексема *thunder*, глагольный массив данных (“it was thundering when I left, the sky was like ink over my head”, “there was no more thunder” [9. P. 347–348], “the thunder rumbled, had passed over” [14. P. 123]), имя прилагательное (атрибутивная функция и часть составного сказуемого) “first thunder, thunderstorm seemed imminent” [9. P. 344].

Лингвистические средства выражения фреймов *frost, snow*, так же как и фрейма *thunderstorm*, представлены сравнительно немногочисленными единицами лексического уровня (массив данных составил 23 лексических единицы).

А. Имена существительные (11): “the first frosts, the frost was light” [13. P. 187, 225]; сочетаниями существительное – предлог – лексема *snow:* “fall of snow – though it was only mid-October”, “flakes of snow” [9. P. 150].

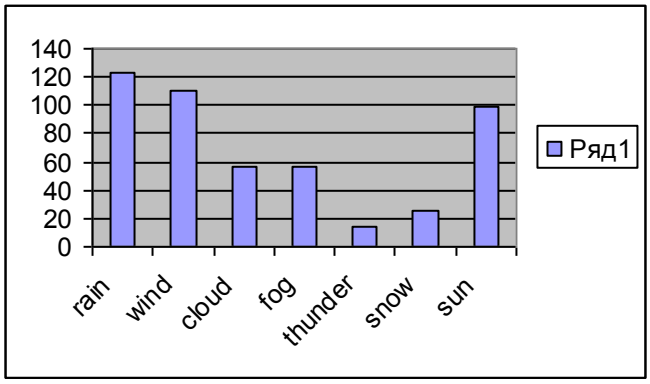
Б. Глаголы (6): “the snow came” [11. P. 150], “it was going to snow” [10. P. 65], “frosts came” [13. P. 187]; неличными формами (причастиями (2) – «frosted sky» [11. P. 17], «touched with frost» [13. P. 265]).

В. Прилагательные (5): “heavy snow, soft flakes” [11. P. 150], “frosty morning” [10. P. 55].

Г. Наречия (1): “the snow came silently” [11. P. 150].

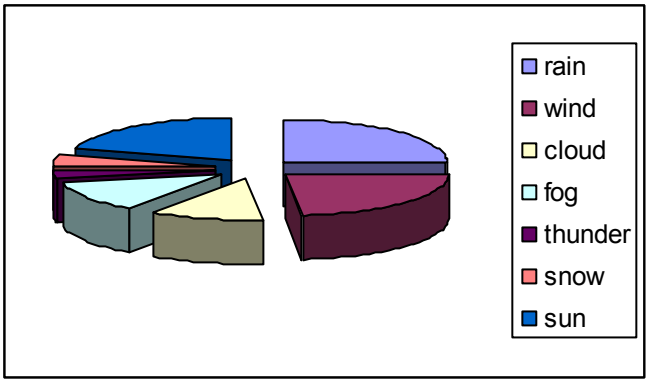
Таким образом, концепт *weather* в современном английском языке может быть представлен рядом фреймов, два из которых отличаются максимальной частотой употребления вербализирующих их языковых единиц в анализируемом массиве данных (рассмотрены в [8]), остальные рассмотренные в настоящей работе показывают менее частотные случаи употребления.

Следующие диаграммы демонстрируют: а) статистические данные всех проанализированных лингвистических средств для выражения концепта *weather* в современном английском языке (рис. 1), б) трехмерную модель концепта *weather*, представленную фреймами, рассмотренными в настоящей работе и в [8] (рис. 2).



А

Рис. 1 Объем лингвистических средств выражения фреймов концепта *weather*



Б

Рис. 2. Фреймовая структура концепта *weather*

Таким образом, анализ лингвистических средств, служащих для выражения концепта *weather* в современном английском языке, показал, что структура изучаемого концепта может быть представлена посредством фреймов *sun*, *fog*, *cloud(s)*, *thunder*, *frost*, *snow*, каждый из которых может быть вербализован с помощью имен существительных, глагольных конструкций, имен прилагательных и выражений, построенных по принципу переноса значения. Планируется дальнейшая проработка и уточнение выявленных фреймов (выявление входящих в них слотов) для построения детальной модели, отражающей структуру концепта *weather* в современном английском языке.

Библиографический список

1. Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. «Гуманитарные науки». Т. 17. Вып. 2. Краснодар, 2003. С. 268–276.

2. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.

3. Павловская А.В. Англия и англичане. М.: Изд-во Моск. ун-та: Триада, 2004. 264 с.

4. Трусова А.Ю. Английская языковая личность как отражение менталитетных свойств англоязычного социума // Социальные варианты языка – III: Материалы международной научной конференции 22–23 апреля 2004 г. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2004. С. 409–412.

5. Трусова А.Ю. К вопросу об английской национальной концептосфере (на материале произведений П.Г. Вудхауса) // Теория и

практика лингвистического описания разговорной речи. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2006. С. 96–103.

6. Fox K. Watching the English. L.: Hodder and Stoughton. 2005. 424 p.

7. Гурина Р.В., Соколова Е.Е. Фреймовое представление знаний: Монография. М.: Народное образование, 2005. 175 с.

8. Трусова А.Ю., Птушко С.В. Лингвистические средства выражения концепта «погода» в современном английском языке // Теория и практика лингвистического писания разговорной речи: Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Скребневские чтения» 26 октября 2016 г. Н. Новгород: НГЛУ, 2016. С. 181–186.

9. du Maurier D. Rebecca. М.: Каро, 2010. 544 p. (Modern prose).

10. Lawrence D.H. Lady Chatterley's Lover. СПб.: Антология, 2010. 448 p.

11. Cronin A. The Citadel. L.: Little, Brown and Co, 1995. 368 p.

12. Harris J. Chocolat. L.: Black Swan, 2007. 384 p.

13. du Maurier D. My Cousin Rachel. L.: Little, Brown and Co, 2003. 304 p.

14. Waugh I. A Handful of Dust. L.: Penguin Popular Classics, 2011. 288 p.

Сведения об авторах

Трусова Анна Юрьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры основ английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: hswhome@mail.ru

Птушко Светлана Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры основ английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: svetaptu@gmail.com

УДК 811.161.1’373.611

СТРУКТУРА ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ван Цзинхуэй

Московский педагогический государственный университет, Москва

Статья посвящена описанию структуры особого типа гнезда – отфразеологического словообразовательного гнезда, которое представляет собой комплекс, состоящий из производящей фразеологической единицы и образованных на ее базе однокоренных дериватов. На основе анализа примеров доказывается, что вершиной отфразеологического словообразовательного гнезда является или один компонент фразеологизма, или весь фразеологизм. Отмечается также, что структура отфразеологического словообразовательного гнезда может исследоваться и в синтагматическом, и в парадигматическом аспектах.

Ключевые слова: отфразеологические дериваты, отфразеологическое словообразовательное гнездо, вершина отфразеологического словообразовательного гнезда, словообразовательная цепочка, словообразовательная парадигма.

The Structure of Families of Derivatives, Formed from Phraseological Units, in the Modern Russian Language

Wang Jinghui

The article describes the structure of the special word-formation family, comprised of phraseological units and all the words derived from them, in the modern Russian language. Based on the analysis of selected examples, the author concludes that the apex of the family of derivatives, formed a specific phraseological unit, may be both a component of this unit and the whole phraseological unit. It is also demonstrated that the structure of the family of words, formed from phraseological units, can be investigated both in its syntagmatic and its paradigmatic aspects.

Key words: derivatives, family of derivatives, formed from phraseological units, apex of the family of derivatives, word formation chain, word formation paradigm.

Словообразовательные гнезда играют важную роль в системной организации русского словообразования. Гнездовой подход к описанию словообразовательной системы стал формироваться в 60-е годы XX века. В настоящее время в связи с активным развитием отфразеологических дериватов в современном русском языке проблематика исследования словообразовательного гнезда расширяется, так как появляется особый тип гнезда – словообразовательное гнездо с вершиной – фразеологической единицей. С течением времени ряд слов, образованных от

фразеологических единиц, в свою очередь служит базой для создания новых производных слов. Изучение образования слов на базе фразеологических единиц началось в 70–80-е годы XX века в работах Е.А. Василевской, Р.Н. Поповой, В.В. Истоминой, Т.М. Кондратюка, А.М. Бушуя и др. Для обозначения гнезд, вершиной которых выступают фразеологические единицы, использовались разные термины. Термин «фразеодеривационное гнездо» был предложен Т.П. Белоусовой в ее кандидатской диссертации «Фразеологическая деривация в современном русском языке (лексические производные)» [1. С. 14]. Она определила фразеодеривационное гнездо как «упорядоченную мотивационными отношениями совокупность исходного фразеологизма и его производных – слов и фразеологических единиц; тематическое единство гнезда строится на общей семантике, конденсированной в исходном фразеологизме, а структурное единство – на представленности во всех производных хотя бы одного компонента (или основы компонента) исходного фразеологизма» [1. С. 14].

Термин «отфраземное гнездо» представлен в исследованиях А.В. Петрова. В своей статье «Отфраземные гнезда в русском языке (на материале адъективных, адвербиальных и пропозициональных фразеологизмов)» А.В. Петров предложил называть гнездо с вершинным фразеологизмом отфраземным. По его мнению, определяющей характеристикой для отфраземного гнезда является ступенчатость. А.В. Петров приводит анализ частеречных моделей гнезд с вершинными адъективными, адвербиальными и пропозициональными фразеологизмами в русском языке [2. С. 74].

В 2008 году в статье «Разноуровневое гнездо “производящий фразеологизм – производная лексема”» Е.Н. Ермакова рассмотрела «разноуровневое гнездо» как «совокупность фразеологизма и образованных от него дериватов-лексем, созданных любым способом и упорядоченных отношениями формально-семантической производности на определенном синхронном срезе. Такое гнездо состоит из двух частей: первая часть – исходная – производящий фразеологизм, а вторая часть – производная – лексема или лексемы, связанные отношениями производности с фразеологизмом и вступающие в отношения производности между собой» [3. С. 74].

Более глубокое видение проблемы, с нашей точки зрения, наблюдается в работах А.Р. Поповой. По ее мнению,

«фразеодеривационное гнездо представляет собой единство, включающее в себя базовый фразеологизм и образованные от него лексемы. Например, *спустя рукава – рукавоспустие, спустярукавный*» [4. С. 183]. А.Р. Попова рассматривает фразеодеривационное гнездо как конкретный лексико-фразеологический комплекс, так как вершиной фразеодеривационного гнезда является компонент фразеологизма и в этом случае проявляется корневая общность с исходным словом [4. С. 183].

В нашей статье мы используем термин «отфразеологическое словообразовательное гнездо» и понимаем его как комплекс, состоящий из производящей фразеологической единицы и образованных на ее базе однокоренных дериватов. Целью исследования, представленного в данной статье, является описание структуры отфразеологического словообразовательного гнезда на основе анализа собранных нами отфразеологических дериватов.

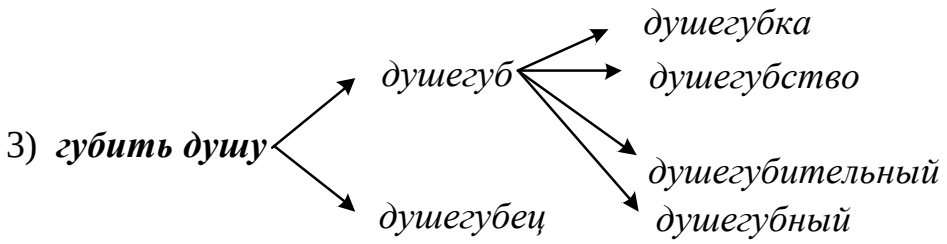
Отфразеологическое словообразовательное гнездо состоит из двух частей – вершины и отфразеологических производных слов. Являясь первой частью отфразеологического словообразовательного гнезда, вершина представляет собой либо один компонент фразеологизма, либо весь фразеологизм, и в этом проявляется отличие словообразовательного гнезда с вершиной – фразеологической единицей от словообразовательного гнезда с вершиной – непроизводным словом. Ср., например:

1) *тянуть* ***канитель*** → *канителить* → *канителиться*
→ *канительный* → *канительно*
→ *канительщик* → *канительщица*

Вершиной гнезда в данном случае является один субстантивный компонент фразеологизма – *канитель* [5. С. 147–148].

2) ***смотать*** *удочки* → *смотаться* → *сматываться*

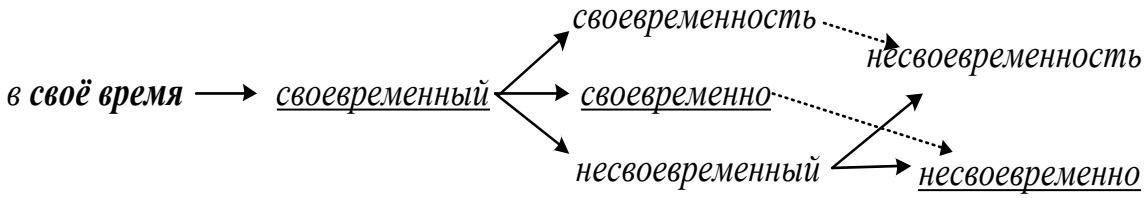
Вершиной гнезда здесь выступает глагольный компонент фразеологизма – *смотать* [5. С. 303].



Вершиной гнезда в данном случае выступают все компоненты глагольного фразеологизма – *губить душу* [5. С. 114–115].

Анализ материала показал, что на основе собранных нами отфразеологических дериватов и их производных (всего 579 единиц) образовано 246 отфразеологических словообразовательных гнезд, в них большинство вершин (58 % от общего количества гнезд) представляет собой целый фразеологизм, и лишь 42 % базируются на одном компоненте фразеологизма.

Структура отфразеологического словообразовательного гнезда может исследоваться и в синтагматическом, и в парадигматическом аспектах. На горизонтальной оси структуру отфразеологического словообразовательного гнезда представляют две единицы: минимальная – словообразовательная пара, включающая в себя два члена, один из которых является производящим, а другой – производным (члены словообразовательной пары связаны между собой формально и семантически), и более крупная – словообразовательная цепь – «совокупность производных, упорядоченная так, что каждая предыдущая единица является непосредственно производящей для последующей» [6. С. 334]. Приведем пример словообразовательной цепи в составе гнезда. Ср. [5. С. 292–293]:

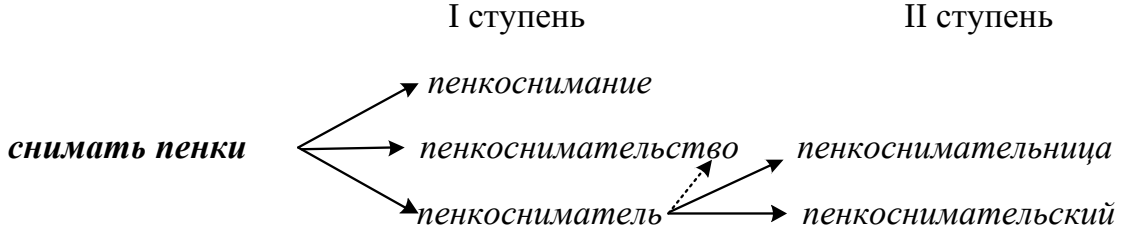


В эту цепь входят три производных слова, т. к. наречие *несвоевременно* характеризуется множественной мотивацией. Данная цепь состоит из следующих словообразовательных пар: *в свое время → своевременный, своевременный → своевременно,*

своевременно → несвоевременно. Здесь слово *своевременный* является мотивированным по отношению к исходному фразеологизму *в свое время* и мотивирующим по отношению к слову *своевременно*. Таким образом, слова некрайних звеньев выполняют две функции: выступают и как мотивированные, и как мотивирующие. А слова крайних звеньев выполняют только одну функцию: исходное слово выступает в качестве мотивирующего (фразеологизм *в свое время*), слово последнего звена является мотивированным. Все эти слова являются однокоренными, находятся в отношениях последовательной мотивированности. Количество компонентов словообразовательной цепи зависит от деривационного потенциала ее вершины.

Состав словообразовательной цепи бывает разным. Для отфразеологической словообразовательной цепи наиболее характерны 3–4 звена, например: *бить баклуши → баклушник → баклушница* [5. С. 37], *вертеть хвост → вертихвост → вертихвостка* [5. С. 70], *на хлебах → нахлебник → нахлебница* [5. С. 196–197], *даром хлеб есть → дармоед → дармоедничать → дармоедство* [5. С. 101–102], *голова кружится → головокружение → головокружительный → головокружительно* [5. С. 93], *ломать голову → головолом → головоломный → головоломно* [5. С. 93–94] и др.

Кроме того, словообразовательная цепь демонстрирует ступенчатый характер деривационных отношений. Компоненты цепи находятся на разных ступенях словообразования, и все производные от исходного слова располагаются на первой ступени, образованные от них слова помещаются на второй ступени и т. д. На каждой ступени словообразования может быть образовано большое количество производных. Например [5. С. 232; 7. С. 196–197]:



Отфразеологические дериваты *пенкоснимание, пенкоснимательство* и *пенкосниматель,* непосредственно образованные от вершины *снимать пенки*, находятся на I ступени словообразования. Следует отметить, что существительное

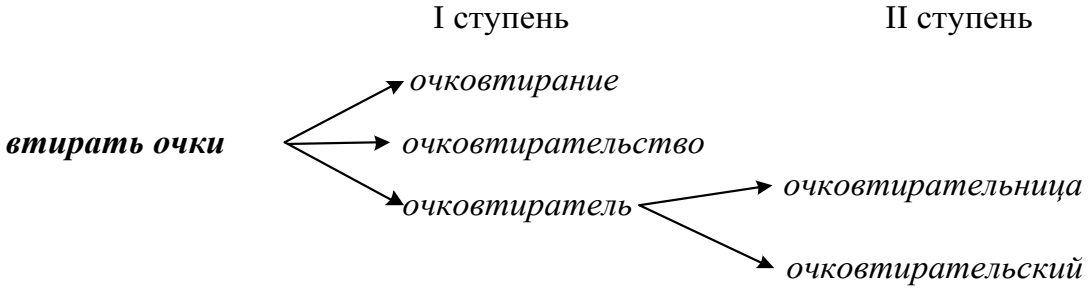
пенкоснимательство характеризуется множественной мотивацией, оно может быть мотивировано существительным *пенкосниматель*, в данном случае дериваты *пенкоснимательница*, *пенкоснимательский и пенкоснимательство* – на II ступени.

Приведем другой пример [5. С. 138–139]:

Так, в отфразеологическом словообразовательном гнезде с вершиной *на злобу дня* дериваты *злободневник* и *злободневный*, образованные непосредственно от вершины гнезда, относятся к I ступени производности, а *злободневность, злободневно* – к дериватам II ступени производности (образованы от одного и того же производящего прилагательного *злободневный*).

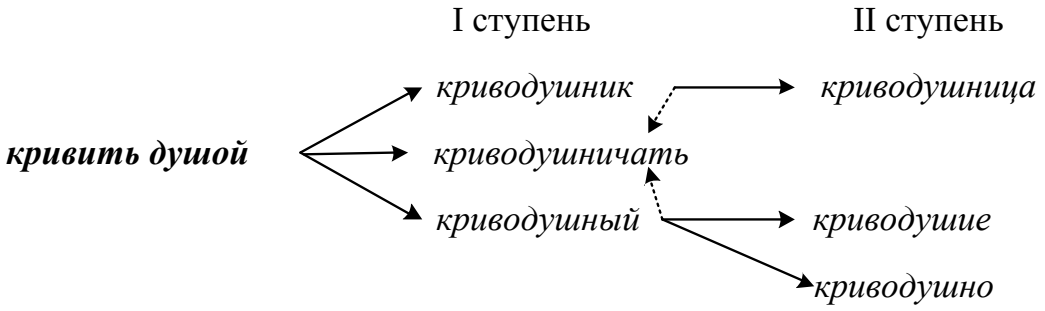
Теперь рассмотрим производные отфразеологические слова в составе гнезда по вертикали. В качестве основной единицы вертикальной оси выступает словообразовательная парадигма. В работах Е.А. Земской словообразовательная парадигма определяется как «совокупность производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на одной ступени словопроизводства» [6. С. 334]. Например, парадигму *своевременный* образуют производные *своевременность, несвоевременный* и *своевременно*.

В качестве примера отфразеологической словообразовательной парадигмы приведем отфразеологическое словообразовательное гнездо с вершиной *втирать очки* [5. С. 227–228].



Дериваты *очковтирание, очковтирательство* и *очковтиратель* образованы от вершины *втирать очки* и входят в одну словообразовательную парадигму, а дериваты *очковтирательница* и *очковтирательский* образованы от одного и того же деривата первой ступени *очковтиратель* и составляют уже другую словообразовательную парадигму. Отфразеологическое словообразовательное гнездо с вершиной *втирать очки*, таким образом, включает две парадигмы.

Рассмотрим другой пример [5. С. 158–159]:



Дериваты *криводушник, криводушничать* и *криводушный* образованы от фразеологической единицы *кривить душой*, находятся на одной ступени деривации и входят в одну словообразовательную парадигму. Дериваты второй ступени *криводушие, криводушно* и *криводушничать* образованы от деривата первой ступени *криводушный* и составляют другую парадигму. Дериваты *криводушница и криводушничать* образованы от производящего слова *криводушник,* эти дериваты в этом случае вступают в другую словообразовательную парадигму. Следует отметить, что глагол *криводушничать* характеризуется множественной мотивацией: он может быть мотивирован непосредственно фразеологической единицей, прилагательным *криводушный* и существительным *криводушник*. В зависимости от этого меняется его место в парадигме. Таким образом, отфразеологическое словообразовательное гнездо с вершиной *кривить душой* включает три парадигмы.

Итак, однокоренные отфразеологические дериваты формируют отфразеологическое словообразовательное гнездо. В качестве вершины отфразеологического словообразовательного гнезда могут выступать не только компоненты фразеологизма, но и целый фразеологизм. В качестве структурных элементов отфразеологического словообразовательного гнезда используются

отфразеологическая словообразовательная пара, словообразовательная цепь и словообразовательная парадигма. В отфразеологических словообразовательных гнездах отражаются словообразовательные связи и взаимоотношения между всеми отфразеологическими дериватами.

Библиографический список

1. Белоусова Т.П. Фразеологическая деривация в современном русском языке (лексические производные): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 1992. 17 с.
2. Петров А.В. Отфраземные гнезда в русском языке (на материале адъективных, адвербиальных и пропозициональных фразеологизмов) // Культура народов Причерноморья. 2007. Т. 2. № 100. С. 74–81.
3. Ермакова Е.Н. Разноуровневое гнездо «производящий фразеологизм – производная лексема» // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 21. С. 74–77.
4. Попова А.Р. Структурные составляющие лексикофразеологического комплекса: типология, признаки, разновидности // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2015. № 3(66). С. 181–186.
5. Алексеенко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. М.: Азбуковник, 2003. 400 с.
6. Земская Е.А. Современный русский язык: словообразование / Под ред. В.А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
7. Ширшов И.А. Толковый словоообразовательный словарь русского языка: ок. 37 000 слов русского языка, объединенных в 2000 словообразовательных гнезд: комплексное описание русской лексики и словообразования. М.: Ермак, 2004. 1022 с.

Сведения об авторе

Ван Цзинхуэй
аспирант кафедры русского языка
Московского педагогического
государственного университета,
E-mail: jinghui1988@yahoo.com

УДК 81'25

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ТЕКСТ И СТРАТЕГИЯ ПЕРЕАДРЕСАЦИИ

Р.М. Шамилов

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

В статье на примере перевода отрывка из инструкции к лекарственному препарату рассматривается реализация стратегии переадресации применительно к специальному переводу как таковому. Устанавливается комплекс переводческих тактик, которые в рамках избранной стратегии служат наиболее эффективному достижению цели перевода в данной коммуникативной ситуации специального перевода.

Ключевые слова: специальный перевод, коммуникативная ситуация специального перевода, стратегия переадресации, переводческая тактика, инструкция к лекарственному препарату

A Specialised Text and the Readdressing Translation Strategy

Raviddin Shamilov

The paper deals with the application of the readdressing translation strategy to specialised translation, exemplified by a translation of a patient information leaflet. It establishes a complex of translation tactics under the chosen strategy which serve to effectively accomplish a translation goal defined in the given communicative situation of specialised translation.

Key words: specialised translation, communicative situation of specialised translation, readdressing translation strategy, translation tactic, patient information leaflet

Переводческая практика показывает, что среди многообразия специальных текстов нередко встречаются материалы, которые в силу своих текстуальных особенностей, выступая в качестве объекта перевода, предопределяют общее поведение переводчика в коммуникативной ситуации с использованием перевода, в особенности в вопросе выбора стратегии перевода. Подобное утверждение особенно справедливо в отношении инструкции к медицинскому препарату. Представляется, что своим «особым» с точки зрения осуществления переводческого процесса характером инструкция обязана в большей степени таким взаимообусловленным особенностям, как *структурно-стилистическое оформление* и *специфика коммуникативной ситуации создания исходного текста (ИТ)*.

Первая особенность обусловлена особой регламентацией написания инструкции, которую формируют соответствующие нормативно-правовые документы. К примеру, при создании инструкции на русском языке в России можно руководствоваться Федеральным законом «Об обращении лекарственных средств» (см. прим. 1), различными методическими рекомендациями, утвержденными Росздравнадзором (см. прим. 2), и др. Предполагается, что придерживаясь прописанных в этих документах норм, составитель инструкции, или автор ИТ, ориентируется как на специалистов в области обращения лекарственных препаратов, так и на пациентов. Причем каждому из этих субъектов информирования предназначается своя конкретная порция информации, включенная в тот или иной раздел или параграф инструкции.

Распределение информации происходит вовсе не случайно и зависит от коммуникативной ситуации создания текста, которая, безусловно, заключается в широкие регламентирующие рамки и подчиняется конвенциям нормативно-правовой документации. Вместе с тем здесь автор, как и в любой иной ситуации порождения специального текста, реализует свою коммуникативную интенцию, прежде всего с учетом ожиданий адресата в отношении текста [1. P. 161]. Учет этого обстоятельства вкупе с различиями между получателями текста в образовательном уровне и вероятной принадлежностью к различным профессиям позволяет автору комбинировать при построении текста сразу два уровня, или, скорее, две коммуникативные ситуации, что выражается прежде всего в выборе соответствующей вариативности медицинского языка. Так, разделы для медицинских работников (врачей, фармакологов, фармацевтов), изобилующие терминологическими единицами для описания характеристик и свойств лекарственного препарата, результатов исследований и пр., пишутся на профессиональном медицинском языке (*language of medical occupation*) [2. P. 21], в то время как «облегченные» разделы о правильном применении лекарственного препарата – дозировка, способ применения, противопоказания, побочные действия, особые указания и пр. – излагаются на языке по принципу врач – пациент (doctor – patient language) [2. P. 22] и предназначены как пациентам, так и врачам. Соответственно, можно утверждать, что именно подобного рода информация будет воспроизведена на переводящем языке (ПЯ) в

коммуникативной ситуации специального перевода (КССП), инициированной пациентом / потребителем лекарственного препарата (см. [3]). Для этой цели переводчик избирает стратегию переадресации.

Стратегия переадресации, по определению В.В. Сдобникова, – это общая программа осуществления переводческой деятельности, которая направлена на «создание текста на ПЯ, предназначенного для получателя, который отличается от реципиента ИТ не только своей национально-культурной принадлежностью, но и социальными характеристиками» [4. С. 170]. К последним относятся возраст, профессия, образовательный уровень, место в ситуации общения и др. [5. С. 20]. Данной стратегией, довольно широко применяемой при переводе художественных текстов, вполне успешно можно воспользоваться и при переводе специального текста, в нашем случае – инструкции к медицинскому препарату. Сразу же отметим, что, реализуя стратегию переадресации в этой ситуации, мы будет исходить из следующего суждения. Дело в том, что несмотря на, казалось бы, изначальную адресованность информации неспециалистам, в тексте нередко могут находить отражение случаи, когда из-за своей привычки использовать специальную лексику и выражения практически всегда, вне зависимости от коммуникативной ситуации, медицинский специалист оказывается не способным «снизить уровень сложности используемого им специального языка и… подстроиться под целевую аудиторию из неспециалистов» (здесь и далее перевод наш. – *Р. Ш.*) [6. P. 68]. Главной задачей переводчика в таком случае будет восполнить в переводческом тексте (ПТ) возможные «упущения» адаптации оригинала к менее компетентной аудитории и, как результат, получить текст, «измененный в содержательном и / или формальном отношении, построенный с учетом фоновых знаний и запросов потенциальных читателей, которые не могут понять текст-источник» [7. С. 133].

С учетом вышесказанного в настоящей статье попытаемся выяснить, к каким переводческим тактикам переводчик обращается для реализации стратегии переадресации и как, собственно, экстралингвотекстуальные особенности заданной нами КССП в совокупности определяют решения и действия переводчика на пути создания текста перевода. В качестве практического материала возьмем отрывок-раздел «Клинические характеристики»

(4. *CLINICAL PARTICULARS*) из инструкции по применению порошка и растворителя для раствора для инъекции “***Abbosynagis* 50 *mg* / 100 *mg Powder and Solvent for Solution for Injection***” [8].

Тактика передачи оперативной информации. Суть этой тактики сводится к обязательной передаче в ПТ ведущего типа информации в инструкции – оперативной, или предписывающей [9. С. 106]. Именно эта информация главенствует в выбранном нами разделе. Важно отметить, что представление о реализации тактики передачи оперативной информации должно складываться с учетом масштабности ее характера. Она проявляется в том, что в ней так или иначе пересекаются и другие переводческие тактики, не менее важные по своему значению, которые, однако, по степени применимости можно было бы условно обозначить как «локальные», а именно: *тактика эксплицирования подразумеваемой информации*, *тактика симплификации терминологических единиц*, *тактика модификации синтаксической структуры текста* и *тактика модификации типа повествования* (о которых речь пойдет ниже). Эти тактики можно вполне успешно подвергнуть анализу с точки зрения совокупности действий, предпринимаемых переводчиком для их реализации, осознанного выбора им тех или иных переводческих операций, приемов, различных языковых средств и пр., которые послужат обеспечению наиболее полного соответствия ПТ параметрам КССП в композиционном, коммуникативном и языковом отношении, причем речь может идти как о тексте в целом, так и об отдельном его фрагменте. Сказанное не относится к передаче оперативной информации. Это связано с тем, что оперативная информация красной нитью проходит через весь текст, и при реализации каждой последующей тактики вместе с тем закономерно будет передаваться определенная порция оперативной информации. Другими словами, эта информация не может не быть передана в силу ее фундаментальной роли в наполнении текста информационным содержанием – тем, без чего текст элементарно не будет иметь смысла. Поэтому перевод любого смыслового отрезка (подчас вкупе с другими тактиками) текста следует рассматривать как реализацию всеобъемлющей тактики передачи оперативной информации.

Рассмотрим фрагмент из текста с характерными для оформления оперативной информации императивными конструкциями.

Method of administration Palivizumab is administered in a dose of 15 mg/kg of body weight once a month intramuscularly, preferably in the anterolateral aspect of the thigh. The gluteal muscle ***should not be*** used routinely as an injection site because of the risk of damage to the sciatic nerve. The injection ***should be*** given using standard **aseptic technique**. The volume (expressed in mL) of palivizumab to be administered at one-monthly intervals = [patient weight in kg] multiplied by 0.15 Injection volumes over 1 ml ***should be*** given as a **divided dose**.	Способ применения Вводите паливизумаб внутримышечно предпочтительно в наружную боковую область бедра дозами в 15 мг/кг от массы тела. ***Не используйте*** часто для проведения инъекций в ягодичную мышцу из-за риска повреждения седалищного нерва. Инъекцию ***проводите*** в **условиях полной стерильности и с применением дезинфицирующих средств**. Месячная доза препарата (в мл) рассчитывается по формуле: масса тела пациента (кг) x 0,15. Дозу свыше 1 мл ***вводите*** **небольшими дозами через определенные интервалы времени**.

Как видно из отрывка, оперативная информация заключается в сообщении пациенту строго сформулированных правил о том, как именно и как часто следует принимать лекарственный препарат. При переводе этого фрагмента переводчик не задается вопросом, почему (или зачем) он его переводит. Перевод отрывка воспринимается как само собой разумеющееся в рамках того текста, который был изначально отобран для перевода в соответствии с потребностями потребителя ПТ. Другое дело, **как** переводчик переводит этот отрывок, какие конкретные действия в рамках «локальных» тактик он предпринимает для упрощения содержания текста и облегчения его восприятия адресатом.

Тактика эксплицирования подразумеваемой информации. Суть этой тактики заключается в передаче исходного термина не межъязыковым соответствием на ПЯ, понятным только компетентным в данной сфере специалистам, а более доступным для понимания неспециалистов-пациентов способом. Наиболее эффективным в этом смысле представляется описательный перевод.

Вернемся к уже рассмотренному отрывку.

Предложение *The injection should be given using standard aseptic technique*. Единственный термин в предложении – ***aseptic technique*** – имеет, безусловно, широко распространенный эквивалент на русском языке: *асептика*, или *методы асептики*. Предполагается, что каждый врач / фармацевт знает, что всякая медицинская процедура должна выполняться строго в соответствии с условиями асептики, которые

включают «совокупность методов и приемов работы, направленных на предупреждение попадания инфекции в рану, в организм больного, создание безмикробных, стерильных условий для хирургической работы» [10. С. 5]. Более общее определение асептики дается в словаре *Mosby's Medical Dictionary*: «any health care procedure in which added precautions, such as use of sterile gloves and instruments, are used to prevent contamination of a person, object, or area by microorganisms» [11]. Данные определения позволяют создать в сознании переводчика довольно четкое и полное представление о крайне важной с медицинской точки зрения операции. Переводчику же в свою очередь нужно донести до пациента в ПТ значение термина, оформив его как можно компактнее, с минимальным использованием языковых средств, но при этом попытаться сохранить равнозначную или по крайней мере максимально близкую информационную наполненность термина. Для описания следует отобрать наиболее значимые элементы, формирующие семантику терминологической единицы, с помощью которых, тем не менее, можно «облегчить» понимание потребителем ПТ. Судя по определениям, главные требования асептики – «особые стерильные условия» и «средства / методы противоинфекционной защиты (организма, раны и др.)». Представляется, что именно эти смыслообразующие элементы должны найти отражение в описательном переводе. В итоге перевод предложения может выглядеть следующим образом: *Инъекцию проводите в* ***условиях полной стерильности и с применением дезинфицирующих средств***.

Предложение *Injection volumes over 1 ml should be given as a divided dose*. В этом предложении эксплицированию подлежит термин ***divided dose***. Медицинский словарь *Mosby's Medical Dictionary* определяет этот термин следующим образом: «a measured fraction of a full dose of a medication, given at short intervals so that the full dose is eventually taken within a specified period» [12]. В русскоязычном медицинском дискурсе эту «разновидность» дозы называют *дробной дозой*, значение которой практически совпадает со значением английского соответствия: доза, которая «назначается многократно через краткие промежутки времени, так что в продолжение определенного времени больной получает полную дозу» [13. С. 110]. Определение довольно содержательное и оформлено предельно просто, что позволяет переводчику вовсе не упоминать в переводе

общепринятое в профессиональной медицинской среде обозначение вида дозы, не отбирать смыслообразующие элементы в качестве опорных единиц для разъяснения термина, а вместо этого использовать с незначительными изменениями словарное определение. В результате получаем перевод предложения: *Дозу свыше 1 мл вводите* ***небольшими дозами через определенные интервалы времени***.

Тактика симплификации терминологических единиц. В основе этой тактики лежит суждение о таком факторе, как синонимия в медицинской терминологии. Синонимия обусловливается двухуровневостью инструкции, и ее реализация в тексте соотносится с двойственностью реципиента. С учетом двойной знаковой структуры текста инструкции И.С. Алексеева отмечает: «Некоторые термины даны сразу в двух вариантах – общеязыковом и специальном, второй из них, как правило, помещен в скобках…» [9. С. 106]. Таким должно быть положение дел в идеальной ситуации, когда в инструкции сохраняется ориентация сразу на двух потенциальных потребителей с разным уровнем компетенции. На практике, однако, это явление довольно редкое. Выход из этой непростой ситуации переводчику нужно искать в синонимических единицах, которые могут без потери смысловой наполненности выступить полноценной заменой использованных в ИТ терминологических единиц «высшего порядка». Как отмечает Э. Абрахамссон, «…синонимическая замена могла бы иметь большой потенциал в упрощении медицинского текста в силу наличия огромного количества синонимов в данной области знаний, применение которых различается преимущественно типичным для той или иной единицы контекстом» [14. P. 58]. В терминоведении в понятие «синонимия» вкладывают понятие *дублетности*, подразумевающее тождественность двух терминологических единиц в их одинаковом семантическом значении и в отсутствии между ними эмоционально-экспрессивных, стилистических или оттеночных различий [15. С. 191]. Нередко такие термины-синонимы именуют **терминами-дублетами**. По мнению Е.В. Смирновой, в современном медицинском дискурсе (русском и английском в частности) синонимия в терминологии представлена пятью группами терминов-дублетов [15]:

- *межъязыковые термины-дублеты*: лапаротомия (греч. *lapara* «живот»; греч. *tome* «разрез») – чревосечение;

- *терминологические синонимы, в которых один из эквивалентов представлен словосочетанием*: гемотрансфузия – переливание крови;

- *терминологические дублеты, различающиеся только своими начальными элементами:* ангиография (греч. *angion* «сосуд»; греч. *graphia* «записывание») – вазография (лат. *vas* «сосуд»);

- *терминологические дублеты, представленные разнокоренными словами или образованные с помощью различных словообразовательных элементов:* полость – полость живота;

- *терминологические дублеты, выражающие бытовые и общелитературные названия:* свинка – эпидемический паротит.

Закономерной особенностью представленных выше групп терминологических дублетов (за исключением, быть может, только третьей группы) является то, что одна из синонимических единиц пары подразумевает построение диалога в коммуникативной ситуации по принципу врач – пациент / потребитель ввиду большей степени ее доступности для понимания и осознания менее компетентным получателем. С этой точки зрения данная классификация синонимических терминов кажется полезной, ибо отчасти объясняет действия переводчика по выбору тождественного по значению термина с целью симплифицировать исходный эквивалент. Рассмотрим несколько примеров из выбранного нами материала исследования.

Предложение *Children less than 2 years of age and with haemodynamically significant congenital heart disease*. Наречие ***haemodynamically***, происходящее от термина ***haemodynamic*** *(сущ.* ***haemodynamics****)*, в русском языке может без проблем переводиться так же наречием, образованным от межъязыкового соответствия *гемодинамика*. Такой вариант был бы вполне оправданным, если бы потребителем ПТ был медицинский специалист, но никак не пациент. Англоязычный медицинский словарь *Medical Dictionary for the Health Professions and Nursing* определяет исходный термин *hemodynami*с как «relating to the physical aspects of blood circulation» [16]. В русскоязычном «Толковом словаре медицинских терминов» под гемодинамикой понимается «движение крови по сосудам» [17. С. 12]. При прочтении определения в памяти читателя всплывает

общеизвестное ему из школьного курса по анатомии и часто используемое в быту и абсолютно доступное для понимания понятие ***кровообращение***. Относящийся к первой группе терминов-дублетов, этот общеязыковой вариант термина раскрывает смысловую часть предложения, недоступную для понимания потребителем при сохранении в переводе исходного «специального» варианта, а вместе с ней и все сообщение. Предложение на ПЯ может выглядеть следующим образом: *Для детей в возрасте до 2 лет с врожденными пороками сердца,* ***влияющими на кровообращение*** *организма*.

Предложение *As with any intramuscular injection, palivizumab should be given with caution to patients with thrombocytopenia or any coagulation disorder*. В этом предложении симплифицированию будет подлежать термин ***thrombocytopenia***, который означает «reduction in blood platelets which increases risk of bleeding or bruising» [18]. Русское определение этого заболевания, известного врачам как *тромбоцитопения*, мало чем отличается от английского: «уменьшение числа тромбоцитов в крови» [19]. Вместе с тем в отличие от русскоязычных специализированных источников, в частности интернет-ресурсов, некоторые англоязычные онлайн-ресурсы медицинской направленности [20; 21; 22] одновременно с узкоспециализированным ***thrombocytopenia*** вполне разумно и ожидаемо, с учетом широкого круга субъектов информирования, предлагают синонимически упрощенный вариант – ***low platelet count*** (низкое количество тромбоцитов). Нетрудно догадаться, что в основе этого общеупотребительного термина лежит этимология исходного термина, которое образовано с помощью двух корней: *thrombocyte* + G. *penia, poverty* (тромбоцит + греч. *penia* «бедность») [23]. Опираясь на все ту же классификацию терминов-дублетов Е.В. Смирновой, можно увидеть, что данная пара терминов-дублетов относится ко второй группе. Отсюда вполне разумно будет со стороны переводчика пойти по «английскому» пути и, руководствуясь этимологией, повторить ту же операцию по равноценному симплифицированию исходного термина. К примеру, можно предложить такой вариант, как ***недостаток тромбоцитов***. В этом термине довольно удачно передается основная информация, подлежащая осмыслению неспециалистом, и – что важно – это достигается за счет минимального количества лексических средств. Перевод всего предложения может звучать следующим образом: *Как и в случае*

любой внутримышечной инъекции, назначайте паливизумаб с особой осторожностью пациентам, страдающим ***недостатком тромбоцитов*** *или нарушениями в системе свертывания крови*.

Тактика модификации синтаксической структуры текста. Данная тактика имеет своей целью исключить или по крайней мере сгладить в переводе те синтаксические характеристики инструкции, которые вполне очевидно подчеркивают ориентацию текста на медицинских специалистов. В частности, к таким особенностям можно отнести *длинные и сложные предложения* [6]. Эту проблему можно решить путем деления одного сложного предложения на несколько простых. Однако справедливости ради следует отметить, что особо сложных предложений, которых потребовалось бы модифицировать в более облегченную версию, в тексте не имеется. Рассмотрим предложение *For children undergoing cardiac bypass, it is recommended that a 15 mg/kg of body weight injection of palivizumab be administered as soon as stable after surgery to ensure adequate palivizumab serum levels*. Теоретически это предложение, конечно, можно представить в переводе двумя отдельными предложениями с обязательным сохранением причинно-следственной связи, например: *Детям, перенесшим шунтирование сердца, рекомендуем вводить дозу препарата паливизумаб (15 мг/кг массы тела) сразу же по достижении стабильного состояния после операции. Это необходимо для поддержания необходимого уровня паливизумаба в сыворотке крови*. Но вряд ли от этого содержание предложения становится действительно более «легким» для понимания. Думается, что не менее доступным было бы сохранение в переводе структуры исходного предложения. Отсутствие очевидных и более убедительных примеров применения тактики модификации синтаксической структуры текста в нашем случае, однако, вовсе не умаляет значимости этой тактики, которая преимущественно обусловлена лингвистическими особенностями каждого отдельно взятого объекта перевода.

Тактика модификации типа повествования. Этой тактикой можно воспользоваться, чтобы избежать в ПТ довольного частого для инструкции *пассивного залога и безличного стиля* изложения сообщения [6]. Одна из операций, направленных на достижение этой цели, – превращение исходного пассивно-безличного стиля в определенно-личный. В частности, эта операция вполне осуществима

в упомянутом чуть ранее предложении *For children undergoing cardiac bypass,* ***it is recommended*** *that a 15 mg/kg of body weight injection of palivizumab be administered as soon as stable after surgery to ensure adequate palivizumab serum levels*. Пассивно-безличная конструкция (выделено нами полужирным шрифтом и курсивом) заменяется на глагол в форме первого лица множественного числа, за счет чего создается эффект сближения с пациентом, прямой контакт, призванный пробудить в пациенте чувство доверия по отношению к предписаниям и, соответственно, более внимательно подойти к их выполнению: *Детям, перенесшим шунтирование сердца,* ***рекомендуем*** *вводить дозу препарата паливизумаб (15 мг/кг массы тела) сразу же по достижении стабильного состояния после операции для поддержания необходимого уровня паливизумаба в сыворотке крови*. Аналогичный эффект достигается, если исходную безличную императивность заменить прямым обращением к субъекту информирования с помощью личного местоимения второго лица множественного числа. Тем самым у пациента создается чувство большей вовлеченности в процесс потребления препарата. Для наглядности можно привести уже рассмотренный нами ранее отрывок:

The gluteal muscle ***should not be*** used routinely as an injection site because of the risk of damage to the sciatic nerve. The injection ***should be*** given using standard aseptic technique. <…> Injection volumes over 1 ml ***should be*** given as a divided dose.	***Не используйте*** часто для проведения инъекций ягодичную мышцу из-за риска повреждения седалищного нерва. Инъекцию ***проводите*** в условиях полной стерильности и с применением дезинфицирующих средств. <…> Дозу свыше 1 мл ***вводите*** небольшими дозами через определенные интервалы времени.

Это вовсе не значит, однако, что подобного рода операции по модификации типа повествования текста нужно производить каждый раз, когда предложение будет содержать пассивно-безличные конструкции. Как пишут И. Аскехаве и К.К. Сетсен, «нельзя полностью избегать использования пассивных и безличных конструкций во вкладышах к лекарственным препаратам. Однако в тех случаях, когда от пациента требуется предпринять какое-нибудь

действие (выпить микстуру, надавить на насос или обратиться к врачу), необходимо использовать активные конструкции» [6. P. 72].

Из проведенного исследования можно заключить, что все пять тактик перевода в рамках стратегии переадресации реализуются в комплексе, и только в таком случае переводчик может рассчитывать на полноценную реализацию цели перевода в данной коммуникативной ситуации специального перевода, а именно – обеспечить пациента возможностью надлежащим образом потребить лекарственный препарат. Вместе с тем можно утверждать, что установленный в ходе исследования набор переводческих тактик вполне может претендовать на универсальность и успешно находить практическое применение и в иных коммуникативных ситуациях специального перевода, требующих использования стратегии переадресации.

Примечания

1. Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» // Электронный ресурс Интернет: http://docs.cntd.ru/document/902209774.

2. Подготовка текста инструкции по медицинскому применению лекарственного препарата: методические рекомендации / Н.В. Юргель и др. М. Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения и социального развития, 2009. 47 с.

Библиографический список

1. Hoffman L. Texts and Text Types in LSP // Subject Oriented Texts: Languages for Special Purposes and Text Theory / Ed. by Hartmut Schröder. Berlin – N. Y.: de Gruyter, 1991. P. 158–166.

2. Lankamp R.E. A Study on the Effect of Terminology on L2 Reading Comprehension: Should Specialist Terms in Medical Texts be Avoided. Amsterdam: Rodopi, 1989. 251 p.

3. Шамилов Р.М. Экстралингвистические факторы специального перевода: коммуникативно-функциональный подход // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2016. Вып. № 4. С. 108–112.

4. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 464 с.

5. Петрова О.В. Прагматическая адаптация и переадресация текста при переводе // Проблемы перевода и переводоведения: Сб. науч. тр. Сер. «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 13. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. С. 17–23.

6. Askehave I., Zethsen K.K. Medical Texts Made Simple – Dream or Reality? // Hermes. Journal of Linguistics. 2000. № 25. P. 63–74.

7. Первухина С.В. Характеристики медицинского адаптированного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. Ч. 2. Вып. № 7 (49). С. 133–137.

8. Abbosynagis 100Mg // The Israel Drug Registry // Электронный ресурс Интернет: https://www.old.health.gov.il/units/pharmacy/trufot/PerutTrufa.asp?Reg_ Number=119%2001%2029909%2000&safa=e.

9. Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Междунар. отношения, 2008. 184 с.

10. Белобородов В.А., Кельчевская Е.А. Асептика, антисептика: Уч. пос. для иностранных студентов. Иркутск: ИГМУ, 2013. 26 с.

11. Aseptic Technique // Mosby’s Medical Dictionary // Электронный ресурс Интернет: http://medical-dictionary.thefreedictionary.com/aseptic+technique.

12. Divided Dose // Mosby’s Medical Dictionary // Электронный ресурс Интернет: http://medical-dictionary.thefreedictionary.com/divided+dose.

13. Алексеев А.П. Латинско-русский словарь медицинской терминологии. М.: Центрполиграф, 2004. 507 с.

14. Medical Text Simplification Using Synonym Replacement: Adapting Assessment of Word Difficulty to a Compounding Language / E. Abrahamsson, T. Forni, M. Skeppstedt, M. Kvist // Proceedings of the 3rd Workshop on Predicting and Improving Text Readability for Target Reader Populations. Gothenburg: EACL, 2014. P. 57–65.

15. Смирнова Е.В. Синонимия в современной медицинской терминологии и ее лексикографирование (на примере англо-русских словарей) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2011. Вып. № 2. С. 190–194.

16. Hemodynamic // Medical Dictionary for the Health Professions and Nursing // Электронный ресурс Интернет: http://medical-dictionary.thefreedictionary.com/hemodynamic.

17. Криничанский А.В., Богданова Л.А. Толковый словарь медицинских терминов. 2000 слов и выражений. Сочи: Сонет, 1991. 59 с.

18. Thrombocytopenia // Glossary of Medical Terms in Lay Language // Электронный ресурс Интернет: http://besttext.pl/upload/htmle/file/Glossary_of_Medical_Terms_pil_spc.pdf.

19. Тромбоцитопения // Электронный ресурс Интернет: http://www.medical-enc.ru/18/thrombocytopenia.shtml.

20. Do You Have a Low Platelet Count? Risks & 7 Natural Treatments // Электронный ресурс Интернет: https://draxe.com/low-platelet-count/.

21. Low Platelet Count (Thrombocytopenia) // Электронный ресурс Интернет: http://www.healthline.com/health/thrombocytopenia#Overview1.

22. Thrombocytopenia (Low Platelet Count) // Электронный ресурс Интернет:http://www.mayoclinic.org/diseasesconditions/thrombocytopenia/basics/definition/con-20027170.

23. Thrombocytopenia // Farlex Partner Medical Dictionary // Электронный ресурс Интернет: http://medical-dictionary.thefreedictionary.com/Thrombocytopaenia.

Сведения об авторе

Шамилов Равиддин Мирзоевич
аспирант кафедры теории и практики
английского языка и перевода
НГЛУ им. Н. А. Добролюбова
E-mail: raviddin@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.111(73)

СИСТЕМА ПОВЕСТВОВАТЕЛЕЙ В РОМАНЕ РОЛАНДО ИНОХОСЫ «КЛЕЙЛ-СИТИ»

М.И. Баранова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

В статье рассматривается система повествователей в романе «Клейл-Сити» писателя-чикано Роландо Инохосы как принцип изображения мексикано-американской общины, который реализуется путем сочетания многоголосия и комбинирования различных повествовательных техник.

Ключевые слова: мексикано-американская литература, чикано, Роландо Инохоса, Клейл-Сити, полифония.

The System of Narrative in Rolando Hinojosa's *Klail City*

Maria Baranova

The article deals with the narrative system of *Klail City* by a Chicano writer Rolando Hinojosa as an integral part of depicting the Mexican American community through polyphony and combined narrative techniques.

Key words: Mexican American literature, Chicano, Rolando Hinojosa, Klail City, polyphony.

Лишь единичные произведения авторов-чикано переведены на русский язык, поэтому немногие в России знают о литературе чикано. Мексикано-американская литература базируется на идеях возрождения этого народа, его особой миссии в мире, возвращения к индейским корням и характеризуется фольклорностью, мифологичностью и символизмом [1]. Так, российский читатель не знаком со всемирно известным писателем-билингвом, преподавателем Техасского университета города Остин (*University of Texas at Austin*) Роландо Инохосой (*Rolando Hinojosa*, 1929), который создал целый цикл о нескольких поколениях мексикано-американцев и произведения которого включены в программу филологических факультетов США.

С одной стороны, будучи чикано, Инохоса пишет о судьбе мексикано-американцев, развивает в своих романах традиционную проблематику чикано: проблемы самоопределения, дискриминации, культурного противостояния, сохранения этнической идентичности, проблемы языкового барьера, эксплуатации меньшинств, разбившейся мечты, личностного кризиса. С другой стороны, его творчество не вписывается в общее представление о мексикано-американском направлении, он не поддерживает этические установки литературы чикано, не преследует цель ни поразить новизной англо-американского читателя, ни создать в его сознании положительный образ мексикано-американца, чего на протяжении долгого времени пытались добиться его коллеги. Его романы лишены идеализации чикано, а вследствие этого и политизации, поскольку Инохоса считает миф о «бронзовом человеке», идею о предназначении чикано объединить весь мир пропагандой 70-х годов: «Некоторые беспокоятся, что у англо-американцев сложится о нас неверное впечатление… если писатель-чикано будет руководствоваться такими соображениями, у него ничего не получится. Точно так же у него ничего не получится, если он будет идти на поводу у любой другой группы чикано… Недостаток, которого не должно быть ни у одного писателя-чикано, – это нежелание или неспособность правдиво рассказывать о всех чикано» (перевод наш. – *М. Б.*) [2. P. 61]. В его романах слабо прослеживаются характерные для литературы чикано составляющие, а на первое место выходят внутренний и внешний конфликты персонажа, обусловленные мексикано-американской проблематикой.

Родившийся в Техасе, Инохоса выбрал именно этот регион местом действия своих романов, он пишет о жизни Долины (англ. *the Valley*) – области США, в которую входят четыре округа на юге штата Техас, отделенные от Мексики рекой Рио-Гранде. Как и Фолкнер, Инохоса создает вымышленный округ – Бэлкэн, штат Техас (англ. *Belken County*), – объединивший всю серию “*Klail City Death Trip*” («Конечная остановка – Клейл-Сити» (перевод наш. – *М. Б.*)), которая включает 15 романов о жизни чикано начиная с 1930-х вплоть до настоящего времени. Туда он помещает персонажей своей «общины», которые переходят из одного романа в другой в рамках строго фиксированной географии (Инохоса тоже создает карту своего округа).

Писатель изображает жизнь нескольких поколений большой этнической группы, которые переживают череду непростых событий, включая Мексиканскую революцию, Вторую мировую войну и войну в Корее – это связано с тем, что главная задача Инохосы – «показать влияние истории и социальных перемен на отдельного человека и на все мексикано-американское сообщество в целом» [3. P. 23].

В своих произведениях Инохоса повествует о жизни и отношениях мексикано- и англо-американцев, о культурных столкновениях, процессе ассимиляции американцев мексиканского происхождения и их культурного обогащения. Инохоса, как и другие писатели-чикано, обращается к южной теме, в которой на смену главному «проклятию» юга – рабству – приходит проблема американского национального самосознания и места представителей разных этнических групп в американском обществе. У Инохосы нет противопоставления «хороший» мексиканец – «плохой» американец, в его романах все пребывает в равновесии: на американского полицейского, преступившего закон, найдется продажный полицейский-чикано, на шерифа-чикано, всегда готового прийти на помощь своим людям, – американская пара, строящая на свои деньги и собственными силами дома для мексикано-американцев. Многие персонажи Долины – и англо-американцы, и мексикано-американцы – называют себя именно «техасцами», поскольку автор подчеркивает, что этнические различия между ними стираются.

Цель данной статьи – рассмотреть, как система повествователей помогает создать образ мексикано-американской общины в романе Роландо Инохосы «Клейл-Сити» (англ. *Klail City*, 1987) [4].

В центре романа находится мексикано-американская община, основанная на принципах преемственности поколений, взаимопомощи, уважения традиций. Большинство персонажей – это люди прошлого, на смену которым приходит новое американизированное поколение, которое должно выбрать свой путь развития: остаться верным жизненной философии отцов и дедов или принять американский стиль жизни и адаптироваться к нему.

В романе сложно выделить сюжетную линию. Для Инохосы важнее не само событие, а то, как персонаж это событие переживает. Принципы изображения общины и общинного сознания роднят повествование Инохосы с повествованием Фолкнера. Инохоса «подсвечивает» определенный момент жизни персонажа, нарушая

хронологическую последовательность событий, поэтому образ получается четким на определенном, конкретном участке, но размытым и не завершенным в целом в рамках романа.

Читатель знакомится с историями большого количества персонажей опосредованно, через других персонажей, истории которых складываются в единую картину, формируя у читателя образ того или иного персонажа. Роман может возвращать читателя снова и снова к одному и тому же эпизоду или моменту жизни героя, рассказанному с разных точек зрения. Таким образом, судьбы персонажей у Инохосы, как и у Фолкнера, «постоянно переплетаются, исчезают и затем возникают вновь», возникает взаимоотношение голосов, благодаря чему и создается образ общины. [5. С. 6]

Повествование строится по принципу ретроспективы: уже взрослые главные герои серии Рафе Буэнростро (исп. Rafe Buenrostro – дословно Рафе «Хорошее Лицо») и Хэу Малькара (исп. Jehu Malcara – дословно Хэу «Плохое Лицо») вспоминают о своем детстве и юношестве. В этом романе читатель знакомится с Рафе и Хэу на разных этапах жизни персонажей: от школьной скамьи до возвращения с фронта. Однако б*о*льшая часть романа охватывает события, когда Рафе и Хэу учатся в старших классах, когда они переживают первое испытание в своей жизни. Хэу, будучи сиротой, находится в поиске себя, своего места и тех, кому он не безразличен. Рафе переживает смерть отца. Сын зажиточного ранчеро из уважаемой семьи, он вынужден работать в баре и сам принимать первые взрослые решения.

Отец Рафе дон Хесус Буэнростро становится жертвой своего врага Алехандро Легисамона. Между ними существует давняя вражда: Легисамон всеми доступными способами присваивает хорошие земли, но на его пути встает семейство Буэнростро, которое не собирается отдавать принадлежащую им по закону территорию. Кроме того, Буэнростро помогают другим чикано получить земли. В результате, чтобы подорвать авторитет семьи и навсегда изгнать их, Легисамон платит наемным убийцам из Мексики, чтобы они «убрали» Хесуса. Мексиканцы убивают отца Рафе самым подлым способом – во сне, но их деяние не остается безнаказанным: брат Хесуса Хулиан убивает людей Легисамона в Мексике, а затем и его самого.

Гибель Хесуса в разной степени освещается во всех главах: некоторые части романа посвящены исключительно убийству отца Рафе (например, главы от лица Эчеварриа), часто это событие упоминается персонажами (например, диалог Рафе с Аурелиано Мора), и почти всегда персонажи так или иначе связаны с семьей Буэнростро и доном Хесусом (Чоче Маркхэм – полицейский, которому заплатил Легисамон, чтобы тот не расследовал убийство Хесуса, донья Состенес – сестра жены Хулиана Буэнростро и т. д.). Таким образом, смерть отца Рафе становится сюжетообразующим мотивом, объединяющим все части романа и его персонажей. Это событие красной нитью проходит через все главы романа, превращая отдельные голоса в голос общины.

Основные рассказчики в романе – это Рафе и Хэу. Автор не зря дает своим главным персонажам такие говорящие фамилии, по его замыслу они представляют собой две стороны одной медали, вместе становятся своеобразным двуликим Янусом: они разные, но неразделимые, смотрят в прошлое и в будущее. В связи с этим повествование романа фрагментированное – это взгляд из настоящего в прошлое и из прошлого в настоящее. У Инохосы фрагментация проходит на нескольких уровнях: на уровне самого сюжета и истории, а также на уровне персонажей – создается многоголосие.

В книге разработана разветвленная система рассказчиков – это персонажи, которых автор создает «по своему образу и подобию»: лирический герой, П. Галиндо (исп. P. Galindo), Рафе Буэнростро, Хэу Малькара.

В основном повествование ведется от первого лица и ориентировано на читателя, его так или иначе вовлекают в повествование: обращаются к нему напрямую как к персонажу-читателю, делают его случайным очевидцем событий или адресатом записей. Однако читатель не может, особенно поначалу, безошибочно определить, кто к нему обращается. Опознать повествователя можно лишь некоторое время спустя, например если всплывет какой-то уже знакомый факт из его биографии, если кто-то обратится к нему по имени. Ближе к концу книги читатель уже может понять, от чьего лица ведется рассказ, поскольку стиль главных героев становится узнаваемым.

Согласно Б.А. Успенскому, повествовательные «точки зрения» можно классифицировать в соответствии с различными уровнями

анализа структуры произведения, однако наиболее плодотворным является фразеологический план повествования, другими словами, то, какой язык и чью речь использует автор [6. С. 18].

Так, все главы в зависимости от повествователя можно разделить на несколько групп: 1) автор; 2) лирический герой; 3) Рафе; 4) Хэу; 5) Галиндо; 6) слияние лирического героя и персонажа; 7) сочетание двух повествователей в одной главе.

Инохоса старается как можно сильнее запутать читателя. С одной стороны, в нескольких главах повествование прерывается авторскими отступлениями: писатель вмешивается в повествование и, подобно Джойсу, включает в роман события из собственной жизни. Эти фрагменты приобретают большую значимость, поскольку именно ради них писатель жертвует своей невидимостью. В одной из глав, рассказывающих о работе Галиндо, он открыто заявляет, что это его реальный опыт, что он, как и многие мексикано-американцы, занятые в сельском хозяйстве, ездил на заработки в другие штаты, когда на юге заканчивался сезон сбора урожая.

С другой стороны, прибегая к приему авторской маски, в этой же главе он сливается с образом Галиндо, и повествование продолжается уже от лица персонажа (в других книгах цикла именно Галиндо выражает авторскую позицию). В некоторых главах, в которых рассказ ведется от лица Хэу, где он также называет себя *the writer*, персонаж сливается с лирическим героем и писателем, образуя единого рассказчика. Только в последней главе книги мы узнаем, что Хэу называет себя «писателем», поскольку пишет хроники округа Бэлкэн.

Повествование в романе делится примерно пополам между Хэу и Рафе: от лица Рафе написана в основном первая половина книги, а от лица Хэу – вторая. Тем не менее, не сразу становится очевидным, от лица какого из главных персонажей ведется повествование. Можно заметить, что главы, написанные от лица Рафе, более сдержанные и лаконичные, в то время как повествование Хэу более живое, он использует крепкие выражения, его речь полна простонародных метафор и сравнений. Можно говорить о том, что Рафе, Хэу и некоторые второстепенные персонажи, от лица которых ведется рассказ, представляют собой одновременно рассказчика и предмет повествования, поскольку в разных главах они выполняют разные функции.

Итак, можно говорить о множественности повествовательных «точек зрения», а также о сближении авторской речи и речи повествующих лиц – или о «замещенной прямой речи», когда автор говорит за своего персонажа, частично или полностью перевоплощаясь в него [6. С. 41]. Инохоса использует ретроспективное повествование из настоящего в прошлое, чередуя субъективную (повествование от лица персонажей) и объективную (предоставление читателю конкретных, лишенных оценки фактов) точки зрения. При этом субъективная точка зрения может быть направлена персонажем на самое себя или на другого персонажа. Тогда, в случае если объектом повествования предстает второстепенный персонаж, мы имеем дело с повествованием, направленным «извне» главным персонажем. А если объектом повествования становится один из главных персонажей, мы можем говорить о совмещении двух планов: внешнего, когда главный герой показан глазами внешнего наблюдателя, и внутреннего, когда повествование ведется от первого лица. Однако цель этих повествовательных способов может совпадать: путем взгляда «извне» читатель реконструирует также и внутренний мир персонажа [6. С. 91]

Еще один фактор, который усложняет систему рассказчиков, – это различные повествовательные техники, используемые в романе. Наибольший интерес представляет их сочетание внутри одной главы или подглавы.

Многие главы построены по следующим схемам: диалогизированный монолог, диалог или полилог, состоящие только из прямой речи, которые открывает и закрывает монолог лирического героя или одного из главных персонажей. В некоторых подглавах представлена исключительно прямая речь без какого-либо авторского комментария.

Другой способ организации повествования, который реализуется в романе, – это сочетание нескольких относительно коротких диалогов или полилогов, которые чередуются с комментариями одного из рассказчиков. Интересный вариант этой повествовательной схемы представлен в подглаве «Искатели II» (англ. *the Searchers* II), в которой полилоги разных персонажей чередуются с рекламными текстами, цель которых – убедить

мексикано-американцев выбрать ту или иную кампанию для сезонной работы на севере.

Третья базовая схема – это монологическое повествование, прерываемое диалогами и полилогами. Эта схема также может реализовываться по-разному. Например, в последней главе это внутренний монолог Хэу (который на встрече выпускников вспоминает, какими они были, и рассуждает, какими стали), прерываемый отдельными репликами одноклассников. Подглава «Старое поколение III» (англ. *the Older Generation* III) открывается письмом жены полицейского Гусмана мужу на фронт во время Мексиканской революции 1920 года; сослуживцы и подчиненные Гусмана постоянно мешают ему читать письмо, то сообщая о числе раненых и погибших, то призывая его поторопиться. В результате в главе создается двоемирие: мирная жизнь в Клейл-Сити течет размеренно, хотя люди умирают от «испанки»; на фронте время бежит быстро – люди умирают между строк письма.

Эти три основные повествовательные модели по-разному обыгрываются Инохосой. Так, в некоторых главах прослеживаются комбинации двух схем. Сами техники многообразно взаимодействуют между собой: например, в главе «Донья Состенес» (исп. *Doña Sóstenes*) монолог Рафе плавно перетекает в диалогизированный монолог другого персонажа, Эчеварриа, который сначала прерывается отдельными репликами других персонажей, затем интенсивность этих реплик нарастает, монолог превращается в диалог и в результате обратно «собирается» в монолог Рафе.

За рассказчиками не закреплена одна определенная повествовательная схема, однако можно заметить, что в главах с Рафе и Хэу чаще используется третья модель, а в первой и второй модели повествователями могут выступать и второстепенные персонажи, от лица которых написана только одна глава романа.

Таким образом, создается многоуровневое многоголосие. На уровне сюжета вводится огромное количество персонажей, часть из которых, если они не задействованы в повествовании, мельком появляется перед читателями, часть – лишь упоминается. На уровне повествования отдельные главы написаны от лица второстепенных или неизвестных персонажей, многие диалоги и полилоги разворачиваются между незначительными персонажами, имена которых иногда даже не называются. Часто эти неизвестные голоса

двигают повествование, например задавая русло диалогизированному монологу. Этот прием прослеживается у Фолкнера, когда он вводит в свою «сагу» новое для читателя лицо как давно знакомое, потому что для общины этот персонаж известен (в ней всё и все тесно взаимосвязаны). Со стороны эта связь может казаться сложной и необъяснимой, но для человека общины она естественна и неизбежна [5. С. 8]. Именно это многоголосие, слияние голосов и завершает образ общины в сознании читателя – создавая единство многих. Из этого можно сделать вывод, что перед нами полифонический роман, поскольку точки зрения в романе равноправны и не подчинены одна другой [6. С. 11].

Из-за сильной степени фрагментированности и полифонии читатель собирает историю жизни главных персонажей по частям: из историй, диалогов и отдельных фраз. Процесс складывания личности максимально приближен к реальности: как в жизни мы не узнаем все о человеке при первой же встрече, так и в книге Инохосы мы узнаем все по частям, нам приходится домысливать, забегая вперед, или что-то вспоминать, возвращаясь назад. Это же применимо и к второстепенным персонажам: на всем пути романа встречаются новые имена, на которых мы поначалу не заостряем внимание, считая их незначительными, в то время как они, как и в реальности, играют свою роль в жизни других персонажей. Читателю также приходится хорошо потрудиться, чтобы восстановить причинно-следственную связь событий, хронологию и собрать эту информацию в сюжетные узлы, которые образуют каркас произведения.

Таким образом, в романе «Клейл-Сити» взаимоотношение голосов объединяет фрагментированное повествование, реализуемое через многоуровневую систему рассказчиков. Собирая по крупицам сюжет и устанавливая взаимосвязь между событиями, которые освещаются с разных точек зрения, читатель погружается в мир чикано и формирует в своем сознании образ мексикано-американской общины.

Библиографический список

1. Воронченко Т.В. Мексикано-американский феномен в литературе США. М.: МПУ, 1992. 225 с.

2. Bruce Novoa J.D. Chicano Authors Inquiry by Interview. Austin – L.: University of Texas Press, 1980. 292 p.
3. Lee J.G. The Fictional World of Rolando Hinojosa. Denton, Texas, 1993. 177 p.
4. Hinojosa R. Klail City / Klail City y sus alrededores. Houston: Arte Público Press: University of Houston, 1987. 143 p.
5. Анастасьев Н. Фолкнер. Очерк творчества. М.: Художественная литература, 1976. 223 с.
6. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.

Сведения об авторе

Баранова Мария Игоревна
аспирант кафедры русской филологии,
зарубежной литературы и межкультурной коммуникации,
ассистент кафедры восточных и европейских языков
НГЛУ им Н.А. Добролюбова
E-mail: Baranovamarria@gmail.com

УДК 82“19”

ТРАДИЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА В ЖАНРЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ

А.В. Карпова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

Статья посвящена проблеме возникновения жанра альтернативной истории. Исследуются традиции и новаторство в творчестве авторов исторической прозы. Описываются основные этапы развития жанра в мировой литературе. Рассматривается трансформация традиций романа в исторической прозе XX века.

Ключевые слова: постмодернизм, исторический роман, альтернативная история, точки бифуркации, категория времени.

The Tradition of the Historical Novel in the Alternative History Genre

Alina Karpova

The article looks at the origin of the alternative history genre, tracing its traditions and innovations in the works of historical fiction. It outlines the key stages of the development of the genre and describe the changes in the traditions of historical prose throughout the 20th century.

Key words: postmodernism, historical novel, alternative history, bifurcation points, category of time.

Для литературного процесса последних десятилетий характерен возрастающий интерес к проблемам осмысления истории. При анализе исторических романов минувших эпох становятся очевидными значительные изменения, которые произошли в отношении писателей в изображении прошлого. Постмодернистская децентрализация приводит к тому, что «автора начинают интересовать не известные значительные события прошлого» [1. С. 10], а малые истории, часто не зафиксированные в письменных свидетельствах. Эта попытка найти свое место в истории приводит к появлению новой разновидности романа – альтернативной истории. Авторов таких произведений интересуют не столько исторические факты, сколько возможность их интерпретации.

«Рождение» жанра и бум подобных произведений приходится на время после окончания Второй мировой войны, точнее 60-е годы XX века. Именно тогда вышли в свет романы Филиппа Киндреда Дика «Человек в высоком замке» (1962), Роберта Харриса

«Фатерланд» (1962), Джона Браннера «Времена без числа» (1962), Пола Андерсона «Патруль времени» (1960), названные в последствии классическими произведениями альтернативной истории.

В статье «История в сослагательном наклонении» исследователи Сергей Зайков и Николай Мухортов определяют этот жанр как «развернутую парадоксальную метафору нашего мира» и «средство художественного моделирования реальности» [2. С. 600]. Действие в таких произведениях происходит в мире с измененной историей, то есть изображается ее возможное развитие, если бы в один из своих переломных моментов, так называемых точек бифуркации, она пошла по другому пути. Под «точками искривления времени» подразумеваются ключевые моменты истории. Например, писатель Василий Звягинцев в своем произведении «Андреевское братство» упоминает такие события: ноябрьская революция 1918 года в Германии, революция Мейдзи в Японии в 1867 году, убийство Александра II в 1881 году, начало русско-японской войны в 1904 году. А в романе «Трансатлантический туннель! Ура!» Гарри Гаррисона описывается мир, где американцы проиграли Войну за независимость. При этом важно отметить, что писатели могут и не указывать точку развилки, оставляя читателям простор для фантазии. Нередко авторы обращаются и к теме параллельных миров, где в отличие от нашего мира события развивались другим путем, поскольку такой способ предполагает «одновременное» существование нескольких вариантов исторических сюжетов.

Отвечая на вопрос об истоках жанра альтернативной истории, невозможно не обратиться к «прародителю» – историческому роману. Исследователи сходятся во мнении, что причиной его появления стали Французская революция 1789 года и возвышение и падение Наполеона, которые пробудили интерес к истории. В течение двух-трех десятилетий (1789–1814 гг.) каждый из народов Европы пережил больше потрясений и переворотов, чем за предшествующие столетия. Именно поэтому в это время начинает укрепляться вера, во-первых, в то, что история представляет собой процесс непрерывных изменений и, во-вторых, что история может вторгаться непосредственно в личную жизнь каждого человека. На такой социальной почве и возникает исторический роман.

В рамках исследований поэтики жанра наибольшее количество работ посвящено творчеству Вальтера Скотта, шотландского

писателя, собирателя баллад, критика и поэта, сделавшего исторический роман по-настоящему популярным. Цель исторического романиста Скотт видел в том, чтобы под слоем веков увидеть судьбу человека. А заинтересовать читателя его жизнь сможет лишь тогда, когда предстанет во всем своем национальном, культурном и историческом своеобразии. Отсюда и весь этнографический антураж, необходимый для представления конкретного человека той или иной эпохи.

Исторический роман в понимании Скотта должен был воспроизводить историю полнее, чем научные исследования, поэтому сухие археологические факты он насыщает психологическим содержанием. Писатель наряду с политическими событиями изображает частную жизнь людей, сочетает политическое действие с любовной интригой, реальных исторических личностей и лиц вымышленных [3. С. 274]. Последних Скотт и делает центральными персонажами повествования.

В романах шотландского писателя ощущается тесная связь исторических изменений с событиями личной жизни главного героя, его судьбой. Ключевое же место в произведениях автора занимает изображение истории, ее движения и развития.

Скотт выходит за узкие рамки романа, связывая даже семейно-бытовые конфликты с судьбами нации и государства в целом, при этом он мастерски характеризует черты поведения, свойственные людям определенной социальной среды, а также описывает обычаи, нравы и быт, типичные для разных форм общества.

Творчество Вальтера Скотта оказало огромное влияние на литературу Англии и других стран Запада. Его произведения породили множество подражаний. Исторический роман стал одним из наиболее популярных жанров в эпоху романтизма. Новые художественные черты, которые были внесены Вальтером Скоттом в литературу, а именно широкое изображение обычаев и реальных обстоятельств, драматизм действия и, в тесной связи с этим, новое значение диалога в романе, были впоследствии заимствованы другими авторами. В. Гюго, А. Дюма-отец, Ч. Кингсли, М. Рид, Р.Л. Стивенсон, сестры Бронте создали свои варианты исторического жанра, зачинателем которого явился Скотт.

Если в XIX веке исторический роман во многом развивается в русле романтизма, то уже к концу XIX столетия он значительно

раздвигает границы своей проблематики. В английской литературе этого времени появляются социально-исторический и религиозно-исторический романы.

По мнению немецкого исследователя Х.В. Гепперта, названый им «другим» («*anderer*») исторический роман возникает именно в середине девятнадцатого столетия. В своей работе «Der andere historishe Roman» он пишет, что новая разновидность романа появляется как «реакция на идеологизацию истории» [4]. То есть можно говорить о том, что «пошатнувшаяся вера» в правдивость истории приводит к ее дегероизации, в частности, в таких произведениях, как «Генри Эсмонд» У. Теккерея и «Хроники царствования Карла XI» М. Мериме, которые Гепперт приводит в качестве примера.

Появляются новые разновидности исторического романа: от романов «модернизации истории», в которых исторически достоверны сюжет, национальный и временной колорит, но в конфликты и отношения героев внесены современные проблемы, до «историзации современности», то есть романов, представляющих собой исторически костюмированную современность, где в условно-исторической оболочке изображены вполне современные события и лица («Лже-Нерон» Л. Фейхтвангера или «Дела господина Юлия Цезаря» Б. Брехта).

Не теряет популярности жанр исторического романа и с приходом XX века. Свое развитие он получает уже в рамках поэтики модернизма, а затем и постмодернизма. Многие писатели обращаются к теме прошлого, выходят романы «Божественный Клавдий», «Золотое руно» и «Царь Иисус» Р. Грейвза, дилогия «Тезей» и трилогия «Александр Великий» М. Рено, артурианская пенталогия М. Стюарт. В повествовании акцентируются проблемы «надысторического» [5. С. 500], то есть того, что объединяет людей разных эпох. Наряду с документальными источниками писатели обращаются к легендам, мифам и преданиям. Общей тенденцией становится желание авторов посмотреть на историю с нетрадиционной точки зрения.

Философия постмодернизма отменяет принцип линейности и завершенности, «противопоставляя ему принцип многовариантности, открытости интерпретации» истории [4]. Исторический процесс перестает рассматриваться как нечто единое. Меняется восприятие

самого термина «время». В творчестве писателей-постмодернистов стираются границы между заимствованным и оригинальным, актуализируется проблема авторства. С развитием нового видения истории уходит характерное для Скотта «ощущение неразрывной связи прошлого и настоящего» [4]. Исторический материал становится не поиском причин настоящего, а «декорацией» и средством изображения.

Новый жанр возникает на стыке истории и постмодернистской игры. Если в случае с классическим историческим романом к его достоинствам можно отнести достоверность и «документальность повествования» [6. С. 12], то, пользуясь терминологией Гепперта, «другой» исторический роман делает ставку на игровые стратегии, излюбленные постмодернистами: пародию, иронию, смешение вымысла и реальности, изображение обратного хода истории, многоуровневость текста, стилизацию и анахронизмы (вкрапление современных реалий в исторический текст). Немаловажную роль в поэтике этого жанра играют аллюзии и реминисценции, которые и выводят его за рамки только развлекательной литературы.

В настоящее время интерес к жанру альтернативной истории растет не только у писателей, но и у исследователей. В частности, изучению его особенностей посвящены научные труды Ю. Арской, Ю. Райнеке, В. Струкова и многих других. По их мнению, обращение авторов к данному жанру в современной литературе не случайно, поскольку постмодернизм представляет собой анализ «истории европейской культуры» [7. С. 17]. Действительно, главное отличие постмодернистского исторического романа заключается как раз в том, что «европейская культура осмысляется в нем как единый текст» [7. С. 18], а авторы утверждают характерные для философии постмодерна положения: «отсутствие новизны философии, ограниченное количество исторических сценариев, несостоятельность детерминизма и прогрессистского мышления в истории» [7. С. 20].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в XX веке исторический роман продолжает свое существование, но уже в новом формате. Писатели, переосмысливая концепцию исторического развития, не отказываются от жанра, а ищут пути его модернизации, адаптации под нужды авторских воззрений.

Библиографический список

1. Райнеке Ю.С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 211 с.

2. Зайков С., Мухортов Н. История в сослагательном наклонении // Дик Ф.К. Убик. Человек из Высокого Замка. СПб.: Лениздат, 1992. 608 с.

3. Аникин Г.В., Михальская Н.П. История английской литературы: Учеб. для пед. инс-тов по спец. «Иностранные языки». М.: Высшая школа, 1985. 528 с.

4. Райнеке Ю.С. Исторический роман постмодернизма после В. Скотта // Электронный ресурс Интернет: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4384).

5. Перевезенцева А.Ю. Развитие исторической прозы в английской литературе XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 500–503.

6. Белова Н.А. Исторический детектив: между традицией и постмодерном // Вестник угроведения. Ханты-Мансийск, 2013. № 3 (14). С. 8–14.

7. Арская Ю.А. История на службе у творчества: некоторые особенности жанра исторического романа в немецком постмодернизме // Судьба жанра в литературном процессе: Сб. науч. ст. Иркутск: Иркут. ун-т, 2005. № 2. С. 13–22.

Сведения об авторе

Карпова Алина Владиславовна
аспирант кафедры русской филологии,
зарубежной литературы и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kar.alina.91@list.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 811.111:378.147

СПЕЦИФИКА КУРСОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ И ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

М.В. Золотова, О.А. Демина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

В статье рассматривается место и назначение ESP (English for Special Purposes – английский язык для специальных целей) в системе преподавания английского языка в высшей школе. Приводятся методики и различные технологии, используемые для обучения иноязычной профессиональной коммуникации в курсе ESP. Делается вывод об отличительных чертах ESP.

Ключевые слова: ESP (English for Special Purposes – английский для специальных целей), определение ESP, абсолютные характеристики, переменные характеристики, коммуникация, отличительные черты ESP.

Peculiarities of English for Specific Purposes in Teaching Communication

Marina Zolotova, Olga Demina

The articles describes the role and function of ESP in college level EFL teaching, discusses various methods and techniques used for teaching communication within a ESP course, and outlines a number of distinctive features of ESP.

Key words: ESP (English for Special Purposes), absolute characteristics, variable characteristics, communication, distinctive features of ESP.

В последнее время специалисты в области преподавания английского языка все больше стремятся дифференцировать обучение английскому языку, различая обучение английскому языку для общих целей (*General English*), академическому английскому языку (*Academic English*) и английскому языку для специальных целей (*English for Specific Purposes – ESP*).

Целью настоящей статьи является попытка выявить, какие моменты необходимо учитывать при создании курсов *ESP*, выделить отличительные черты обучения *ESP* и обратить внимание на ряд методов, технологий и стратегий, используемых при обучении *ESP*. В данной статье хотим остановиться на особенностях обучения говорению / устной коммуникации при изучении английского языка для специальных целей (далее – *ESP*).

Прежде чем перейти к методам и технологиям, используемым для формирования устойчивых навыков, необходимых для осуществления успешной иноязычной профессиональной коммуникации на английском языке, остановимся на самом понятии *ESP* и его трактовках, основных чертах, характеризующих *ESP*.

ESP как самостоятельное понятие в методике преподавания английского языка возникло в 1960-х гг. С тех пор оно является объектом постоянного научного исследования.

Известен целый ряд различных интерпретаций данного термина. Так, П. Стревенс [1] определяет *ESP* через его абсолютные и переменные характеристики. Т. Дудлей-Эванс и М. Ст. Джон модифицировали данное определение следующим образом.

I. Абсолютные характеристики:

- *ESP* должен отвечать специфическим потребностям обучаемых;
- *ESP* использует ту методологию и те виды деятельности, которые используются по основной дисциплине изучения / специальности;
- *ESP* концентрируется на языке (грамматике, лексике, стилях), навыках, дискурсе и жанрах, соответствующих видам деятельности по основной специальности.

II. Переменные характеристики:

- *ESP* может быть специально разработан для специальных дисциплин или связан с ними;
- обучение *ESP* может требовать специфических учебных ситуаций и методологии, отличной от той, которая используется при обучении *General English*;

- курс *ESP* обычно разрабатывается для взрослой аудитории, или для системы высшего образования, или для целевой профессиональной аудитории слушателей;
- курс *ESP*, как правило, создается для студентов с уровнем знания английского языка не ниже *B*2 [2].

К представленной трактовке *ESP* близка, на наш взгляд, дефиниция, данная Д. Дэем и М. Кржановски: *ESP* предполагает преподавание и изучение языка с целью овладения специфическими навыками, которые необходимы слушателям для конкретной цели [3]. Это определение подчеркивает, что ***P*** в *ESP* всегда означает профессиональную цель.

Безусловно, приведенные определения *ESP* не противоречат друг другу, но являются взаимодополняющими.

Нельзя не согласиться с тем, что *ESP* прежде всего предназначен для взрослой аудитории, имеющей определенный уровень владения английским языком (*B*2, *C*1 по общеевропейской шкале).

На неязыковых направлениях подготовки университетов и других высших учебных заведений преподавание *ESP* не начинается с первого курса. Сначала студенты не только совершенствуют навыки и умения в области *General English*, полученные в общеобразовательной школе, но и развивают необходимые навыки и умения по основным дисциплинам выбранной специальности. Т. Хатчинсон и А. Вотерс справедливо отмечают, что, так как цель *ESP* – снабдить обучающихся инструментами для адекватного функционирования в целевой ситуации, процесс разработки курса *ESP* должен начинаться с определения целевой ситуации (*target situation*) и сопровождаться тщательным анализом лингвистических характеристик этой ситуации [4].

Преподаватель английского языка в процессе преподавания *ESP*, как правило, выступает в роли не только педагога, но и разработчика курса. Для обучения *General English* существуют (и каждый год появляются новые) прекрасные учебники издательств Кембриджского и Оксфордского университетов, других издательств, а также авторские методические пособия, создаваемые преподавателями английского языка. Все больше появляется учебных изданий по академическому английскому языку (это материалы по

академическому чтению, академическому письму и по другим видам деятельности). Готовых пособий по *ESP* не существует. Поэтому преподаватель, работающий над созданием курса *ESP*, находится в непростом положении. Выход из данной ситуации мы видим в совместной работе с преподавателями профильных дисциплин. Эти преподаватели знают контекстное наполнение «своей» дисциплины, хорошо представляют, в каких ситуациях общения может оказаться специалист данного профиля. Преподаватель профильных дисциплин может помочь даже с конкретным отбором учебного материала (статей, монографий на английском языке по данной специальной тематике).

Разработка курсов *ESP* становится все более актуальной с возрастанием экономической, научной, политической активности стран в международном масштабе и укреплением международного статуса английского языка.

В области изучения и преподавания английского языка стала понятна необходимость дифференциации языка устной коммуникации и письменного общения. От того, какие цели преследует преподаватель в процессе обучения, зависят и методы подачи языкового материала. Это тоже необходимо принимать во внимание при создании курса *ESP*.

Параллельно тематическому плану и продумыванию терминологического наполнения курса разрабатываются обучающие стратегии, необходимые для выработки у студентов устойчивой мотивации. Мотивация – это стимул к изучению. С большим интересом студенты изучают то, что им нужно, соответствует будущим планам, отвечает их амбициям. Т. Хатчинсон и А. Вотерс справеливо отмечают: “ESP is an approach to language learning in which all decisions as to content and method are based on the learner’s reason for learning” [4]. Из этого следует, что для создания успешного курса *ESP* специалист в области преподавания английского языка должен привлекать к его созданию не только преподавателей профильных дисциплин, но и потенциальную студенческую аудиторию. Необходимо досконально изучить потребности целевой аудитории, проводя анкетирования, устные беседы. Нужно также знать мнения работодателей о том, где будет необходим английский язык при

работе в той или иной компании, офисе, на предприятии. Вопросы устной и письменной коммуникации везде будут являться приоритетными.

В чем заключаются отличительные черты обучения иноязычной профессиональной коммуникации в ходе курса *ESP*? Во-первых, в курсе *ESP* обучение строится на использовании аутентичных материалов, что предполагает наличие определенного уровня языковых знаний. Курсы *ESP* требуют также определенной степени автономности студентов [5], так как в этих курсах активно используются проектная деятельность и метод кейсов [6; 7].

Автономный студент положительно относится к учебной деятельности, отличается ярко выраженным интересом к тому, что он изучает. Он в состоянии организовать себя и активно взаимодействовать с другими обучающимися. В проектной деятельности, которая является одной из активных современных методов в *ESP*, автономность студентов возрастает [5].

В проектной деятельности, например, студенты должны уметь вносить предложения, давать свои обоснования / аргументы в защиту данных инициатив, отвечать на контраргументы. В группах студенты обсуждают пути решения проблем. При финальном обсуждении они защищают, отстаивают свои идеи.

Для создания естественных ситуаций англоязычной коммуникации используются такие задания, как подготовка и проведение конференции, имитирующие реальную ситуацию, чтение и конспектирование научных и научно-публицистических текстов по изучаемой тематике с дальнейшим обсуждением прочитанного.

Успешному формированию профессиональных коммуникативных навыков и умений способствует также:

а) создание запоминающегося контекста со значимыми и естественными видами деятельности для стимулирования учебного процесса;

б) использование таких видов деятельности на английском языке, которые заставляют студентов активно мыслить, например, использование пропусков (*Gaps*). Пропуски могут носить разнообразный по целевому предназначению характер; это могут быть информационные пропуски, которые требуют обмена

информацией в студенческой группе и активного говорения, пропуски, связанные с использованием информации, приводимой различными медиа, умением конспектировать, вести дискуссию на основе сделанных записей и так далее;

в) предоставление студентам образцов для подражания, например письменной (деловой / научной) корреспонденции, записей теле- и радиовещания соответствующей тематики и т. п.;

г) развитие рефлексивной беседы-обсуждения, которая, как правило, происходит в формате «вопрос – ответ». Подобные задания на рефлексию помогают выработке совместных знаний практическим путем. Мы называем это выработкой опыта в социальном контексте [8].

Итак, при обучении коммуникации в курсе *ESP* мы используем те же методы, технологии и стратегии, что и при изучении *General English*. Вместе с тем обучение иноязычной профессиональной коммуникации в курсе *ESP* имеет свои отличительные черты:

- обучение строится на аутентичных материалах;
- студенты должны обладать определенной степенью автономности;
- курс должен соответствовать запросам целевой аудитории;
- успешный курс *ESP* создается специалистом в области преподавания английского языка совместно с преподавателем профильных дисциплин;
- курс учитывает пожелания работодателей.

Несомненно, разработка и реализация подобных курсов *ESP* являются весьма перспективными.

Библиографический список

1. Strevens P. ESP after Twenty Years: A Re-Appraisal // Ed. M. Tickoo. ESP: State of the art. 1988. P. 1–13.

2. Dudley-Evans T., St. John M. Developments in English for Specific Purposes. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P.10–11, 19–21.

3. Day J., Krzanowski M. Teaching English for Specific Purposes: An Introduction // Электронный ресурс Интернет: www.thecambridge toolbox.prg/english/resource-box/business/articles/espbooklet.pdf.

4. Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes: A Learner-Centred Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 183 p.

5. Золотова М.В., Ганюшкина Е.В. Формирование навыков автономного студента на занятиях по английскому языку в процессе проектной деятельности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2016. Вып. 35. С. 130–138.

6. Золотова М.В., Демина О.А. О некоторых моментах использования метода кейсов в обучении иностранному языку // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 133–136.

7. Золотова М.В., Каминская Н.В. Метод проекта на занятиях по английскому языку как средство командообразования // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2016. № 1. С. 136–141.

8. Золотова М.В., Ваганова Н.В. Формирование рефлексивной компетенции у преподавателей вузов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки». 2015. №4 (40). С. 164–168.

Сведения об авторах

Золотова Марина Вианоровна
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой английского языка
для гуманитарных специальностей
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: mviazolotova@gmail.com

Демина Ольга Александровна
старший преподаватель
кафедры английского языка
для гуманитарных специальностей
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

УДК 811.111:378.147

BUILDING UP PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS MAJORING IN ELT THROUGH TEACHING CLASSROOM ENGLISH

Tatiana Kolosova, Tatiana Sukhareva

Nizhny Novgorod State Luinguistics University, Nizhniy Novgorod

Nizhny Novgorod Linguistics University (LUNN) undergraduate students majoring in ELT (English Language Teaching) take a course of "*Practical Classroom English*" prior to their practical training at school (third year of studies) with the total input of 30 hours. An integrated spectrum of activities (mechanical language drills, reacting to possible classroom situations, microteaching lesson episodes, etc) ELT students engage in throughout the course provides a sufficient preparation for their teaching practice building up trainees' confidence and assertiveness in the classroom.

Keywords: ELT, professional competence, Classroom English, microteaching.

Лексика педагогического общения как компонент формирования профессиональной компетенции студентов (направление подготовки «Педагогическое образование», уровень бакалавриата)

Т.Ю. Колосова, Т.В. Сухарева

Студенты III курса НГЛУ, обучающиеся по направлению «Педагогическое образование», изучают дисциплину «Лексика педагогического общения» (в объеме 30 часов) непосредственно перед практикой в школе. Комплексный характер обучающих мероприятий в рамках дисциплины (языковые упражнения, реагирование на ситуации педагогического общения, ведение фрагмента урока и т. д.) обеспечивает достаточную подготовку и повышает уверенность студентов-практикантов в своей профессиональной компетенции.

Ключевые слова: педагогическое образование, профессиональная компетенция, лексика педагогического общения, ведение фрагмента урока.

1. Introduction

One of the crucial factors ensuring the efficiency of language teaching and, consequently, language learning is the professional competence of teachers. Various aspects of professional competence of foreign language (FL) teachers have been investigated by K. Salomatov [1], E. Passov [2; 3], L. Shcherba [4], V. Safonova [5], E. Solovova [6], I. Tsatyrova [7], A. Shchukin [8], N. Galskova [9]. Professional competence comprises professional knowledge and skills, as well as methods of performing professional activities. Professional competence of a FL teacher manifests itself in language proficiency, attention to the

interests and individual traits of learners, application of various language teaching techniques, creativity, an ability to solve problems in the educational process, theoretical interpretation of teaching experience, consistency and aspiration towards self-education (Prokop'ev, Mikhalkovich [10]). Professional competence is regarded as one of the components of professionalism, which consists of such indicators as professional satisfaction and professional success.

Thus, training students majoring in ELT to qualify as secondary school EL teachers on completion of a four year bachelor's course at Nizhny Novgorod Linguistics University (LUNN) is aimed at shaping, in the first place, their professional competence.

In an advanced level (3rd–4th years of tuition) the process of FL acquisition involves improving speaking skills and habits (the linguistic component of professional competence) alongside specific professional skills (the methodological aspect of professional competence).

2. Methodology

2.1. The structure of professional teaching competence

This survey focuses on the methodological aspect of professional teaching competence which, in turn, comprises the following key competences:

- cognitive or research competence;
- management competence including planning and organizing classroom activities;
- communicative competence [1. P. 109].

Communicative competence plays a key role in the teaching-learning process being inseparably connected with the other above mentioned competences. For example, research competence largely depends on how well a teacher can adapt and present the collected information to the needs and abilities of a particular group of students.

Management competence is also inconceivable without communicative skills. Success or failure of management competence is determined by the linguistic means the teacher employs for asking questions, giving instructions, commands, praise and feedback, for motivating the students, monitoring their progress and assessing their knowledge, skills and habits.

Communicative competence among other things presupposes language proficiency the major constituent part of which is the skills and habits of using adequate classroom English.

2.2 Reference materials and methods

Nizhny Novgorod Linguistics University (LUNN) bachelor students majoring in ELT do a course of “Practical Classroom English” prior to their practical training at school (third year of studies) with 30 hours of in-class and the same hours of out-of-class work.

The course is intended to equip trainees with skills of planning, organizing and running an English lesson at a secondary school. This course covers the major areas of English in the classroom which will help student teachers acquire sets of expressions to address various situations and activities that arise in the classroom depending on the actual classroom context and the school students’ behavior through the learning activities and microteaching, thus letting students try to use the language.

As the basic book for teaching the course we selected “Practical Classroom English” by G. Hughes, J. Moate, T. Raatikeinen, Cambridge University Press [11].

The contents include a comprehensive list of typical classroom phrases, words and sentences falling into the following semantic groups.

- Establishing everyday classroom routines (dealing with the most frequent classroom situations, ex. greeting, getting down to work, setting homework etc.).
- Involving the learners (phrases that increase students’ involvement in classroom interaction).
- Managing the classroom (phrases dealing with the challenges of classroom environment, ex. situations of misbehavior or inattentiveness of students).
- Working with the textbook (phrases that focus on reading from a textbook, doing exercises).
- Using technology (phrases connected with using classroom technologies ranging from blackboards to computers).
- Developing skills (classroom language that covers more advanced spoken and written activities).

Classroom English is activated and consolidated in an extensive set of exercises and activities ranging from simple to the more complex ones with more traditional and creative activities and exercises accessible online through PCE's websites:

- mechanical (formal / language) drills;
- meaningful (communicative) drills which, in turn, include:
  A) spontaneous reactions to possible classroom situations,
  B) microteaching;
- audio and video records.

2.3. The hierarchy of activities and their professional input

2.3.1. The aim of *mechanical drills* is to form language habits, to consolidate the knowledge of the vocabulary. The sample exercises given below reflect the most current and typical drills.

1. Translate from Russian into English (this exercise is very important because teachers work in a Russian environment and have to know authentic English equivalents).

2. Provide Synonyms (exercises of this type help to avoid the monotony of repeating the same and often the only version, give the teacher a chance to always have the necessary well-drilled word-combinations at his / her finger-tips, removing the fear of long pauses in his / her speech while he / she is feverishly recalling some adequate phrase, thus making the teaching process less stressful).

E. g. *It is your turn to read. – The synonyms could be: Now you should read / You are to read now / In turns / Who's next? / Who hasn't had a turn? / Let's give someone else a chance (a turn/ ago/ a try) / One after the other, please. / One by one / Whose go is it next? / Wait for your turn / Not all together.*

3. Rephrasing: Try to make another phrase that has more or less the same meaning, but use the word or another form of it given in brackets at the end.

E. g. *There's no need to rush (time) – We have plenty of time (5).*

Note: Actually, this kind of exercise fulfils the same functions as the previous one, but if there is another form of the same word in brackets, the students differentiate and memorize derivatives.

Engaging in such exercises ELT students acquire the following key skills:

- collecting, classifying and adapting information for teaching purposes;
- observing, classifying and preventing common errors;
- assessing the knowledge of the peers;
- making up exercises of various kinds to form speaking habits and skills; making up tests for students, etc.

2.3.2. The aim of *meaningful / communicative exercises* consists in consolidating and recycling the acquired in mechanical drills knowledge of classroom English as well as in cultivating specific professional skills. The exercises include the following types:

1. Reactions to classroom situations (the aim is to drill them in a variety of situations).

E. g. You enter the classroom and the students are misbehaving. Restore the order.

The possible versions could be: What's happening over there? / Why are you out of your seats? / No shouting (pushing/fidgeting) / Stop messing about / Behave yourselves / Let's calm down now / Take it easy, everyone / Stop misbehaving, please / Don't waste time / You will end up in trouble if you continue like this / Why do you seem so unsettled today?

2.3.3. Microteaching. Microteaching has been used worldwide with certain modifications since its invention at Stanford University in the late 1950s by R. Bush, K. Romney. Microteaching patterns further developed by R. Brent, E. Wheatley, T.W. Scott [12] have been an integral part of teacher training programs across the world. Running a certain episode of a lesson as teachers helps students support each other and reduces stagefright about language teaching in front of a larger group or class during their practical training at school. When they have finished, they have an opportunity for discussion and self-reflection. Team teaching is also often used in this case. Below there are some examples of tasks for microteaching: E.g. Assess your classmates' expressive reading using the necessary criteria and adequate classroom English. Make up detailed

questions on the text and discuss the text with your classmates. Mark the essays, assess them and provide the required commentary.

The most commonly used in the course microteaching patterns:

1.”Peer microteaching“. Fellow students rotate between the roles of teachers and students microteaching lesson episodes under qualified supervisors.

2.”Peer evaluation“. After a lesson episode is taught students playing schoolstudents’ roles provide peer evaluation of the teaching episodes using the following protocol (Table 1).

Table 1

Microteaching Evaluation Form

Classroom situations	Classroom English phrases used	Degree of relevance	Proposed improvement	General commentaries

General commentaries may relate to various aspects of conducting a lesson episode (including, for instance, tone of voice, facial expressions as well as language inaccuracies).

This pattern proved to be effective due to the compliments and suggestions coming from peers. On average, the suggestions made by trained supervisors and peers are considered equally valued.

2.3.4. Focus on *audio and video records* includes different types of activity aimed at practising patterns of English intonation relevant to the classroom and live lessons – episodes are recorded in actual classrooms, which encourages discussion and makes students think how effective teaching works. Videotaping microteaching episodes/lessons is educationally helpful because it allows trained supervisors to propose criticism and suggestions.

3. Results and discussion

To gather student feedback on the course of “Practical Classroom English” on completion of practical training at school third year students were asked to appreciate if the course contributed to their success in organizing and running English lessons, if it covers all major areas and

is sufficient to handle any activities and situations that arise in the classroom. For this purpose the 33 students who did the course in 2015 were offered the following questions:

1. How much did the course of “Practical Classroom English” help you to foster confidence in language teaching?
2. Did the course help you to handle all classroom situations you confronted during teaching practice?
3. Did the course help you to use more varied classroom English during the lessons?

The interviewed trainees were asked to rate the contribution of the course from “really helpful” to “not helpful at all”. The findings can be seen in the following self-evaluation chart (Table 2):

Table 2

Self-evaluation chart

	Really helpful	**Fairly helpful**	**Not very helpful**	**Not helpful at all**
Fostering language teaching confidence	97 %	3 %	-	-
Handling any of the variety of classroom situations	94 %	6 %	-	-
Using more varied classroom language to run classes of English	100 %	-	-	-

The feedback elicited confirms that a course of “Practical Classroom English” enables student teachers to employ varied classroom language conducting EL classes unsupervised; fosters teaching confidence and assertiveness; allows handling most of the classroom situations. The statistics of 94 % prompts amendments to the course in terms of adding a broader list of possible problems that might arise in the classroom to prevent hesitation and uncertainty on the part of trainees. The data obtained through this assessment technique testify to the effectiveness of the course as a tool of enhancing professional competence of ELT students.

4. Conclusion

Teaching a course of “Practical Classroom English” to ELT students enables them to conduct classes as student teachers at an appropriate level during their practical training at school as well as in their further career as EL teachers, encourages them to use more English in the day-to-day running of English classes, extends the range of classroom situations and learning activities that they feel confident and competent to handle in English and makes students think more deeply about the role of classroom English in the teaching-learning process, which will lead to more confident classroom management and enhanced pedagogical skills.

References

1. Саломатов К.И. Влияние структуры профессионального владения иностранным языком на качество методической подготовки будущего учителя. Горький: ГГПИИЯ, 1978. С. 109–115.
2. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1985. 208 с.
3. Пассов Е.И., Кузнецова Е.С. Формирование лексических навыков. Воронеж: НОУ «Интерлингва», 2002. 40 с.
4. Щерба Л.В. Преподавание языков в школе: общие вопросы методики. СПб.: Академия, 2003. 160 с.
5. Сафонова В.В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. М.: Еврошкола, 2004. 236 с.
6. Соловова Е.Н. Методическая подготовка и переподготовка учителя иностранного языка. М.: Глосса-Пресс, 2004. 336 с.
7. Цатурова И.А., Балуян С.Р. Тестирование устной коммуникации. М.: Высшая школа, 2004. 127 с.
8. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика. М.: Филоматис, 2007. 480 с.
9. Гальскова Н.Д. Образование в области иностранных языков: новые вызовы и приоритеты // Иностранные языки в школе. 2008. №. 5. С. 2–7.
10. Прокопьев И.И., Михалкович Н.В. Основы общей педагогики. М.: ТетраСистемс, 2002. 544 с.
11. Hughes G., Moate J., Raatikeinen T. Practical Classroom English. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 172 p.

12. Brent R., Wheatley E., Scott T.W. Videotaped Microteaching: Bridging the Gap from the University to the Classroom // The Teacher Educator. 1996. 31 (3). P. 238–247.

Сведения об авторах

Колосова Татьяна Юрьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kolosova_tatyana@mail.ru

Сухарева Татьяна Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой английского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: tvsu2009@rambler.ru

РЕЦЕНЗИИ

Новое в когнитивной грамматике

Е.В. Лобановская
Нижний Новгород

Рецензия на монографию: **Егорова О.М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы / Науч. ред. Н.А. Голубева. Н. Новгород: НГЛУ, 2016. 189 с.**

Использование языка как инструмента реализации когнитивной способности человека и условия успешной коммуникации позволяет обратить внимание на роль когнитивной лингвистики как особой парадигмы современного языкознания. Когнитивная лингвистика (Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, А.А. Кибрик, В. Крофт, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф и др.) рассматривается как лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, играющий роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации. Возникновение когнитивной лингвистики было вызвано новым пониманием языка и выделением в нем психического и ментального аспекта. Будучи разделом языкознания, когнитивная лингвистика связана с изучением когниции в ее лингвистических аспектах и проявлениях, с одной стороны, и с исследованием когнитивных аспектов самих лексических, грамматических и прочих явлений – с другой [1. С. 53–54]. Автор рецензируемой монографии О.М. Егорова [2] проводит исследование модальных глаголов в лингвистической области когнитивной грамматики, у истоков которой стояли такие ученые, как Р. Джекендофф, Дж. Лакофф, Ч. Филмор, У. Чейф и др., при этом выводя его на новое направление – направление прецедентной грамматики (Н.А. Голубева, Л.И. Гришаева, М.Я. Дымарский, З. Каннгисер, А.В. Степанова и др.). Когнитивная грамматика решает на современном этапе целый ряд актуальных проблем, одной из которых является изучение языковых средств для передачи вторичного – прецедентного – смысла, который является когнитивной основой

прецедентных грамматических значений [3]. Термин «прецедент» заимствован из юриспруденции, но быстро распространился в ментальном и культурно-языковом пространстве.

Прецедент в рамках когнитивно-дискурсивного подхода рассматривает Н.А. Голубева, при этом он понимается как «коллективно или индивидуально детерминированное на языковом или коммуникативном уровне представление об определенной сущности, актуально значимое в сознании его носителя» [4. С. 23]. Прецедент в таком понимании взят О.М. Егоровой за основу исследования грамматического характера модальных глаголов как вторично-грамматических феноменов немецкого языка.

В первой части монографии О.М. Егорова рассматривает концептуальное пространство модальных глаголов и роль ментального образца в развитии языкового сознания – процессе формирования прецедентного (переосмысленного) грамматического смысла модальных глаголов и глаголов с модальным значением. Сколь различны и противоречивы точки зрения на категорию модальности, подчеркивается В.З. Панфиловым: «В ее состав включаются значения, самые разнородные по своей сущности, функциональному назначению и принадлежности к уровням языковой структуры, так что при этом категория модальности лишается всякой определенности» [5. С. 159]. Категория модальности соотносится с событием или ситуацией, которая сообщена в высказывании и имплицитно присуща предикативному знаку, который предицирует мысль, а категориальное значение модальности реализуется интенцией говорящего [6. С. 47]. Учитывая особую сложность описания сущности этой категории, следует отдать должное автору монографии в ее внимательном подходе к классификации видов модальности, разработанных многими известными учеными (Г. Ольшлегер, Т. Фритц, Г. Гельбиг, Й. Буша, С.С. Ваулина, Т.П. Ломтев, Б.А. Абрамов и др.). Здесь представлено обстоятельное описание модальности как универсальной языковой категории и выявлено общее ядерное значение для всех типов недейктических модальностей.

Новизна исследования О.М. Егоровой в том, что автор уделяет внимание не только синхроническому, но в первую очередь диахроническому аспекту грамматикализации немецких модальных глаголов, что соответствует двум центральным тезисам

грамматикализации: интегративной трактовке синхронического сосуществования и диахронического развития. Процесс грамматикализации рассматривается автором монографии как онтологический фактор формирования прецедентной категориальной семантики немецких модальных глаголов. В результате грамматикализации происходит смена семиотических классов с последующим переходом модальных глаголов из символического поля в поле указания.

В последних лингвистических исследованиях процесса грамматикализации возрастает интерес к контекстуальным факторам, влияющим на изменения в языке. О.М. Егорова опирается на имеющиеся в научной практике теоретические положения о развитии немецких модальных глаголов, подкрепленные достаточным количеством достоверных данных всех исторических периодов (G. Diewald, B. Heine, C. Lehmann, E. Traugott).

Для описания стадий грамматикализации модальных глаголов автором применяются «типы контекстов» и «конструкции». Релевантность контекста в процессе грамматикализации модальных глаголов может быть объяснена тем, что это очень сложный, долговременный процесс, включающий изменения на нескольких уровнях определенной лингвистической структуры и отражающий взаимодействие со многими лингвистическими факторами и влияние экстралингвистического окружения. Как положительный момент рецензируемой монографии отметим тщательную проработку типов контекста (нетипичного, критического, изолирующего), влияющих на грамматикализацию немецких модальных глаголов, и вывод, доказывающий влияние в большей степени изолирующего контекста на употребление модального глагола в дейктической функции. Именно изолирующий контекст рассматривается в работе как устойчивая грамматическая конструкция, которая обеспечивает формирование структуры, способной привести к заметным изменениям в языке (о грамматике конструкций – Н.А. Голубева).

С позиций когнитивной грамматики модальные глаголы во второй главе монографии рассматриваются с семиотических позиций как знаки вторичной концептуализации и категоризации. Выявление и описание прецедентности модальных глаголов предпринимается О.М. Егоровой в трех семиотических измерениях – семантике, синтактике и прагматике. Семантику реализуют прецедентные

значения модальных глаголов как результат их грамматикализации, синтактику – их скопус (тип контекста), прагматику – когнитивный сценарий их реализации. Эмпирический, а также лингвистический анализ морфологических, синтаксических, функционально-прагматических и дискурсивно-специфических признаков этих глаголов наряду с другими грамматическими единицами немецкого языка позволил автору вывести грамматическое знание, которое послужило разработке и обоснованию теории грамматических прецедентных единиц [7].

О.М. Егорова неслучайно полагает, что грамматикализация модального глагола очерчивает определенные грамматические семантические пространства. Подобно предикативному знаку, который способен воспроизводиться и предсказывать коммуникативную единицу – предложение (и свойство это имманентно присуще ему [8. С. 74]), в процессе грамматикализации участвует каждая из шести лексем модального глагола, которая предсказывает тип грамматической конструкции. Автор монографии справедливо резюмирует, что новым является не значение глагола, а употребление знака в контексте, который приписывает только то значение, которое до сих пор всегда появлялось наряду со старым значением.

О.М. Егорова показывает, что характер передаваемого модальным глаголом знания определяет лексический (т. е. недейктическое употребление) и грамматикализованный (на основе дейктического) виды прецедентности. Отмечается взаимосвязь между реализацией модальным глаголом прецедентного смысла и соответствующим видом модальности (диспозициональная, динамическая / физическая, деонтическая и т. д.). Через тип контекста высвечиваются когнитивные функции модального глагола (квотирующая, волитивная и т. п.). По нашему мнению, немалый интерес вызывает часть монографии, посвященная дальнейшему процессу грамматикализации, вернее сказать, деграмматизации модальных глаголов, описанию их функционирования как полнозначных глаголов, повлекшего изменение их морфологических характеристик (процесс адвербиализации и адъективации), а также орфографические вариации.

В заключение следует отметить, что исследование грамматикализованных прецедентных значений модальных глаголов

и выявление реализуемых ими многочисленных оттенков модальности является весомым вкладом в современную когнитивную науку. Анализ прецедентных значений модальных глаголов предоставил возможность выявить их роль в формировании модальных аспектов высказывания в синхронии и диахронии.

Нашедшие отражение в монографии основные результаты исследования представляют значительную ценность для преподавания теории и методологии использования немецких модальных глаголов. Монографическое исследование О.М. Егоровой может быть рекомендовано ученым-филологам, аспирантам и студентам филологических факультетов для использования в учебном процессе, а также в рамках семинаров по заявленным проблемам.

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры. 2004. 560 с.
2. Егорова О.М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы: Монография / Науч. ред. Н.А. Голубева. Н. Новгород: НГЛУ, 2016. 189 с.
3. Голубева Н.А. Когнитивные основы грамматических прецедентных единиц как категории // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сб. материалов конференции 9–12 апреля 2013 г. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 46–49.
4. Голубева Н.А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке: Дис. … д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2010. 417 с.
5. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М.: Наука, 1982. 357 с.
6. Лобановская Е.В. Предикативный знак и способы его реализации в современном немецком языке: Дис. … канд. филол. наук. Н. Новгород, 1996. 243 с.
7. Голубева Н.А. Прецедентное отношение как когнитивная проекция // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXI. С. 47–52.
8. Лобановская Е.В. К вопросу о функционально-семантическом подходе к подлежащему и сказуемому (на материале современного немецкого языка) // Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы: Материалы чтений памяти проф. А.Т. Кукушкиной. Ч. I. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ им. Н.А. Добролюбова», 2014. С. 73–81.

Сведения об авторе

Лобановская Елена Васильевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: lobanovskayaev@mail.ru

ХРОНИКА

Международная научная конференция «XLI Добролюбовские чтения “Экология культуры – экология нравственности”»

15–16 февраля проходила очередная Международная научная конференция «XLI Добролюбовские чтения “Экология культуры – экология нравственности”», посвященная 100-летию НГЛУ. Добролюбовские чтения НГЛУ ежегодно организует и проводит совместно с Государственным литературно-мемориальным музеем Н.А. Добролюбова.

Поскольку 2017 год объявлен годом экологии, тема конференции была связана с осмыслением роли гуманитарных наук в формировании экологических ценностей. Цель конференции – исследование актуальных проблем философии, культурологии, экологии, филологии, истории, педагогики, искусствоведения, краеведения, музееведения, добролюбоведения и других гуманитарных наук. Конференция была построена на принципах междисциплинарного диалога. В программе научной конференции прозвучало более 100 докладов ученых – филологов, историков, культурологов, экологов, экономистов, философов, искусствоведов, литературных критиков, краеведов, педагогов, музейных работников из Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Иванова, Саратова, Пензы, а также из дальнего и ближнего зарубежья: Бразилии, Великобритании, Мексики, Республики Беларусь.

Торжественное открытие XLI Добролюбовских чтений состоялось в конференц-зале НГЛУ. На открытии конференции с приветственными обращениями выступили глава администрации Нижегородского района Нижнего Новгорода Игорь Согин, заместитель директора департамента культуры администрации Нижнего Новгорода Изабелла Дыскина, член Регионального политического совета Нижегородского регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия» Шамиль Аляутдинов, профессор кафедры ЮНЕСКО Нижегородского архитектурно-строительного университета, почетный гражданин Нижнего Новгорода Татьяна Виноградова – потомок Николая

Добролюбова. Татьяна Павловна всю жизнь занимается исследованиями истории культуры и вопросами сохранения культурного наследия, краеведческими изысканиями и щедро делится своими знаниями с нижегородцами. «Именно в этом и состоит “экология культуры”, “экология нравственности”, – заявил Игорь Согин, открывая конференцию. – Нам очень важно, чтобы сегодня это видела, понимала и непременно в этом участвовала молодежь, в руках которой будущее». От лица ректора Нижегородского государственного лингвистического университета д-ра пед. наук, проф. Б.А. Жигалева, сопредседателя организационного комитета конференции, к ее участникам обратилась с приветствием М.А. Викулина, д-р пед. наук, профессор, руководитель Центра координации научно-исследовательской деятельности НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Перед началом пленарного заседания состоялось яркое и эмоциональное выступление фольклорного ансамбля НГЛУ «Синий лен» (художественный руководитель Е. Тихомирова).

На пленарном заседании в связи с юбилеем университета прозвучали два доклада, посвященные истории НГЛУ (д-р ист. наук, профессор НГЛУ О.Н. Сенюткина) и конференции «Добролюбовские чтения» (заместитель директора музея Н.А. Добролюбова по научной работе Г.А. Дмитриевская). Большой интерес вызвал рассказ Т.П. Виноградовой о биографических и творческих пересечениях Петра Вяземского, 225-летие со дня рождения которого отмечается в этом году, и Николая Добролюбова. Непосредственно к теме конференции был обращен научный доклад «Значение ценностей культуры в естественнонаучных взглядах Н.Я. Данилевского» (О.К. Шиманская, канд. филос. наук, доцент НГЛУ).

Работа конференции проходила по десяти секциям, среди которых два новых направления: «Литературная критика: современные вызовы» и «Сохранение культурного наследия региона как составляющей среды обитания человека». Очное участие в конференции приняли Хуан Карлос Патиньо, д-р экон. наук, профессор Автономного университета штата Мехико, г. Толука, Мексиканские Соединенные Штаты, и И.В. Мышковец, ведущий научный сотрудник экспозиционно-выставочного сектора Литературного музея Максима Богдановича – филиала учреждения

«Государственный музей истории белорусской литературы» (г. Минск, Республика Беларусь).

На площадке музея Добролюбова плодотворно работали секции по вопросам литературоведения, искусствоведения и сохранения культурного наследия. В центре внимания музееведческой секции во второй день конференции оказался доклад Хуана Карлоса Патиньо «Магические города в Мексике: практика экологии культуры в муниципальном управлении». Актуальные вопросы музееведения рассматривались и в докладе И.В. Мышковец. Она рассказала об экологии музейных взаимоотношений посетитель – экспонат – экскурсовод на примере Литературного музея Максима Богдановича. В это же время на площадке Музея Добролюбова активно работали и другие секции.

На базе НГЛУ состоялись четыре секции по вопросам педагогики, философии, античной и отечественной истории.

Секция «Соотношение природы и культуры в традиции античных мыслителей, влияние их идей на современность и отражение этой проблемы в творчестве Н.А. Добролюбова» уже стала традиционной в работе Добролюбовских чтений. В 2017 году на ней присутствовало 15 человек (студенты, аспиранты, преподаватели вузов из Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга), прозвучало семь докладов. Хотя секция обсуждала проблемы античной истории, обуждения докладов и выводы докладчиков звучали актуально и современно для процессов и тенденций наших дней (доклад проф. В.М. Строгецкого об интерпретации библейских суждений о месте человека в природе в современной культурологи, доклады М.П. Самойловой и С.В. Кошуриной, посвященные проблемам рецепции античности). Доклад А.В. Унжакова содержал лингвистический анализ проблемы идентичности греков, он вызвал множество вопросов участников секции. А.Г Грушевой познакомил присутствующих с новым источником по истории Ближнего Востока в древности, а С.А. Акимова посвятила свой доклад специфике религиозных культов в Северном Причерноморье и роли в них природных объектов. Актуально для современных миграционных процессов прозвучал доклад В.О. Никишина и И.А. Гвоздевой «Похищение Европы, или Как варварство одолело античную цивилизацию», в котором они пришли к выводу о саморазрушении

римской цивилизации в результате кризиса ценностей. Работа секции завершилась обсуждением докладов.

Секция «Основы образования и экология культуры как путь сохранения “нравственного человека”, природы и культуры» начала работу с доклада Н.В. Макшанцевой, посвященного анализу современной образовательной парадигмы и ее влияния на процесс формирования «человека культуры». Работа секции затронула содержание современных дистанционных образовательных технологий и их роль в формировании современных ценностных ориентаций (доклады Е.И. Кузнецовой и Е.Е. Семенова). Проблему роли образования в процессе национальной самоидентификации анализировала в своем докладе М.С. Игнаткина.

На секции «Проблема нравственного выбора в философском наследии: традиционные нравственные ценности и их современное осмысление» было заслушано шесть докладов. При разнообразии освоения философских проблем взаимодействия природы и человека как нравственного существа докладчики: О.Л. Краева, Т.И. Коптелова, Т.И. Глухова, Е.Г. Матина и др. – говорили о разном понимании вопросов формирования нравственных ценностных ориентиров, без которых невозможно гармоничное и стабильное развитие природной среды обитания человека и реализация его антропологического потенциала в историческом времени.

Секция «Историческое знание и историческая память – основание экологии культуры. Гармонизация межнациональных отношений как один из факторов сохранения экокультурного равновесия» включала шесть докладов и их обсуждение. Руководила секцией д-р ист. наук, проф. О.Н. Сенюткина. Специфика этого секционного заседания Добролюбовских чтений в том, что в ее работе активное участие обычно принимают не только «остепененные» преподаватели, но и студенты и аспиранты. Открылась работа секции докладом д-ра ист. наук, проф., зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Пензенского филиала Московского университета технологий и управления И.И. Масловой. Ее выступление под названием «Наследие академика Д.С. Лихачева как объект цензуры: находки спецхрана» перекликалось с выступлением В.М. Терехова о визите Д.С. Лихачева в город Горький (ныне Нижний Новгород). Этот доклад имел ярко выраженный

воспитательный заряд: фигура академика – образец для подражания для любого молодого (да и не только молодого) российского интеллектуала. Интересен был и сюжет о взаимоотношениях Лихачева с властью, описанный в докладе на источниках спецхрана. Остальные секционные выступления были представлены молодыми учеными. Как понимает сегодня историческую память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. студенческая молодежь? Этот стержневой вопрос был рассмотрен на материалах социологического опроса студентов, проведенного под руководством канд. филос. наук, доцента О.К. Шиманской. Живую дискуссию вызвали такие проблемы, как отношение ко Второй мировой войне граждан ФРГ, механизмы борьбы с коррупцией, перспективы развития китайско-американских отношений и др.

Работа конференции завершилась круглым столом «Святыни, реликвии, памятники истории и культуры, природные заповедники и отношение к ним как идентификатор изменения состояния нравственных и культурных ценностей» в Государственном литературно-мемориальном музее Н.А. Добролюбова. Руководители секций подвели итоги работы, обменялись впечатлениями о работе конференции.

М.П. Самойлова

Заседание Нижегородского представительства Общества немецкого языка: Роза Эбдинг о карнавальных традициях Южной Германии

Целый ряд заседаний Нижегородского представительства Общества немецкого языка (Висбаден; http://gfds.de) был посвящен теме плюрицентричности немецкого языка. Значительными научными событиями для специалистов и друзей немецкого языка стали доклады об особенностях австрийского немецкого языка, о диалектах федеральных земель Германии, о языковой ситуации в Южном Тироле. 27 февраля 2017 г. на очередном заседании Общества германисты Нижнего Новгорода, студенты и преподаватели НГЛУ и других вузов города вновь могли обсудить данную тему. Доклад учителя нижегородской гимназии № 1 Розы Эбдинг, приехавшей в Нижний Новгород из Южной Германии, познакомил их с некоторыми особенностями швабского диалекта. Сообщение госпожи Эбдинг было представлено в так называемый Понедельник роз (*Rosenmontag*), поэтому она подробно остановилась на карнавальных традициях, имеющих в Германии давнюю историю. В шестнадцати немецких землях не все одинаково восторженно относятся к Карнавалу. Многие немцы вообще не интересуется этим праздником. Даже в таком городе, как Майнц, где проходит ежегодный карнавал, это развлечение оставляет равнодушным значительную часть населения. С другой стороны, в кельнском музее Карнавала представлено множество экспонатов, которые подробно рассказывают о становлении и расцвете богатейшей культуры карнавала. В Южной Германии, в Шрамберге, к карнавальным традициям относятся с особым трепетом и почитанием. На юге карнавал называется *Fasching* или *Fastnacht* (*Fasnet*) – «ночь перед постом». Карнавал сродни широкой Масленице, которая приходится на неделю перед Великим постом и включает такие дни, как «заигрыш», «лакомка», «разгуляй», «тещины вечерки».

Находясь в Нижнем Новгороде уже значительное время, госпожа Эбдинг заметила сходство Карнавала с Масленицей. Она познакомила участников заседания Общества с колядкой, которую поют во время Карнавала в Южной Германии, чтобы «заработать» немецкое традиционное лакомство – крендель. Вот ее текст, который достаточно непросто перевести на русский язык:

Hoorig, hoorig, hoorig isch die Katz.
Und wenn die Katz nit hoorig isch,
dann gfellt se dena Meidle nit.
Hoorig, hoorig, hoorig isch die Katz.

В переводе со швабского на немецкий это звучит следующим образом:

Haarig, Haarig, haarig ist die Katze.
Und wenn die Katze nicht haarig ist,
dann gefällt sie den Mädchen nicht.
Haarig, haarig, haarig ist die Katze.

Участникам заседания было интересно узнать о приветствии шрамбергского Карнавала – «нарри-нарро». Всем понятно, что оно образовано от слова *Narr* («дурак»). «Марш дураков» – это одно из главных мероприятий Карнавала. Дуракам еще в Средневековье было позволено в короткое карнавальное время критиковать и высмеивать представителей власти, политиков и им подобных. Девизом Карнавала в Шрамберге в этом году стали слова *Fasnet first, America second* («Первым делом Карнавал, ну а Америка потом»). В современной политической ситуации не только немцам, но и жителям России вполне понятен смысл этого девиза. Начинается уличный праздник в Шрамберге с торжественной передачи власти. Символизирует ее ключ, который мэр города передает так называемой «Гильдии дураков».

Госпожа Эбдинг подробно рассказала об основных фигурах Карнавала. Это Ханзель, Нарро, Бруле, Бах-на-Фарер (*Hansel, Narro, Brüele, Bach-na-Fahrer*). Каждая из них имеет свой костюм и приносит определенное лакомство (крендели, колбаски, шоколад). Считается, что крендели от Ханзеля имеют особенный вкус – вкус карнавала. Карнавальные костюмы шьет «Гильдия дураков». Они стоят несколько тысяч евро, что говорит о серьезном отношении швабов к Карнавалу.

Доклад Розы Эбдинг на заседании Общества немецкого языка существенно углубил знания нижегородских студентов и преподавателей о традициях Карнавала, о южных диалектах и в целом о культуре Германии.

В.В. Савина

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 37

Редакторы: Д.В. Носикова
А.С. Паршаков

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 27.03.2017	Формат 60x90 1/16
Печ. л. 11,0625	Тираж 500 экз.
Цена договорная	Заказ

Типография НГЛУ
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а